

Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение
высшего образования «Саратовский национальный исследовательский
государственный университет имени Н. Г. Чернышевского»

На правах рукописи

ОРЛОВА ДАРЬЯ ГРИГОРЬЕВНА

ДИНАМИКА НЕОЛОГИЗАЦИИ РУССКОЙ ГЛАГОЛЬНОЙ ЛЕКСИКИ

Специальность 5.9.5 Русский язык. Языки народов России

Диссертация на соискание ученой степени
кандидата филологических наук

Научный руководитель:
доктор филологических наук, доцент
Ольга Ивановна Дмитриева

Саратов – 2024

ОГЛАВЛЕНИЕ

ВВЕДЕНИЕ	4
ГЛАВА 1 ПРОБЛЕМА ДИНАМИЧЕСКОГО ИЗУЧЕНИЯ СЕМАНТИКО-СЛОВООБРАЗОВАТЕЛЬНЫХ ПРОЦЕССОВ И НЕОЛОГИЗАЦИИ ЯЗЫКА	15
1.1 Возможности исследования неологизации как динамического и синхронно-диахронического процесса.....	15
1.2 Вопрос о языковом заимствовании в ходе неологизации языка.....	30
1.3 Вопрос о связи неологизации языка и развития словообразовательной системы.....	36
1.4 Проблема языкового варьирования и неологизация языка.....	39
Выводы из главы 1.....	45
ГЛАВА 2 НЕОЛОГИЗАЦИЯ РУССКОЙ ГЛАГОЛЬНОЙ ЛЕКСИКИ КАК СИНХРОННО-ДИАХРОННЫЙ ПРОЦЕСС (СУФФИКСАЛЬНЫЕ ГЛАГОЛЬНЫЕ НОВООБРАЗОВАНИЯ)	47
2.1 Формирование подсистемы суффиксальных глагольных неологизмов в старорусском языке (XV – XVII вв.).....	47
2.2 Основные тенденции неологизации суффиксальной глагольной подсистемы в период формирования единого национального русского литературного языка (XVIII – XIX вв.).....	69
2.3 Суффиксальные глагольные неологизмы в русском языке рубежа тысячелетий (к. XX – н. XXI вв.).....	89
Выводы из главы 2.....	101
ГЛАВА 3 ТЕНДЕНЦИИ СТРУКТУРНОЙ И СЕМАНТИКО-СТИЛИСТИЧЕСКОЙ ДИНАМИКИ ГЛАГОЛЬНОЙ ПОДСИСТЕМЫ В ХОДЕ ЕЕ НЕОЛОГИЗАЦИИ	105
3.1 Особенности формирования словообразовательных отношений в процессе неологизации русской глагольной лексики: суффиксация, префиксация, конфиксация.....	105
3.2 Словообразовательное варьирование как одна из тенденций неологизации русской глагольной лексики.....	115
3.3 Семантические и стилистические тенденции неологизации глагольной подсистемы.....	125
Выводы из главы 3.....	138

ЗАКЛЮЧЕНИЕ	141
СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ	147
ПРИЛОЖЕНИЕ 1 СПИСОК СУФФИКСАЛЬНЫХ ГЛАГОЛЬНЫХ НОВООБРАЗОВАНИЙ СТАРОРУССКОГО ЯЗЫКА XV–XVII ВВ. (НА МАТЕРИАЛЕ СЛРЯ XI–XVII ВВ.).....	165
ПРИЛОЖЕНИЕ 2 СПИСОК СУФФИКСАЛЬНЫХ ГЛАГОЛЬНЫХ НОВООБРАЗОВАНИЙ РУССКОГО ЯЗЫКА XVIII И XIX ВВ. (НА МАТЕРИАЛЕ СЛРЯ XVIII В. И СЛРЯ XIX В.).....	173
ПРИЛОЖЕНИЕ 3 СПИСОК СУФФИКСАЛЬНЫХ ГЛАГОЛЬНЫХ НОВООБРАЗОВАНИЙ РУССКОГО ЯЗЫКА К. XX – Н. XXI ВВ. (НА МАТЕРИАЛЕ СОВРЕМЕННЫХ НЕОЛОГИЧЕСКИХ СЛОВАРЕЙ)...	184

ВВЕДЕНИЕ

Процесс возникновения новых слов является очевидным свидетельством динамики языка. Неологизмы появляются в языке регулярно, поскольку новые явления требуют новых наименований. Вместе с тем процесс неологизации происходит с разной степенью интенсивности: в отдельные периоды он не отличается большой активностью, в другие – идет так быстро, что ощущается каждым носителем языка. Так, на рубеже тысячелетий произошел «неологический взрыв, привлечший к себе внимание лингвистов» [Попова 2008: 72], поэтому неология становится одной из активно развивающихся отраслей науки о языке.

Современные исследования в области неологии способствуют развитию ее общей теории, систематизации сведений о неологических лексических и словообразовательных процессах [Лопатин 1975; Улуханов 1996; 2010; Крысин 2008; Бояркина 1993; Маринова 2008; Сенько 2001; 2007; Попова Т.В. 2005; Попова М. А. 2008; Земская 2009; Касьянова 2008; 2009; Рацибурская 2010; 2014; 2024; Николина, Рацибурская 2023; Рацибурская, Бакич, Жданова 2018; Ильясова 1984; 2023; Замальдинов 2018; 2023; Николина, Рацибурская, Фатхутдинова 2020; Безрукова 2021; Близнецова 2021].

Системные исследования в области неологии определяют и перспективы неографии, возможности создания неологических словарей. Практика современной неографии базируется на сложившейся теоретической базе разработки неологических словарей разных типов [Алаторцева 1999; Бояркина 1997; Котелова 2015; Складневская 2020; Буцева, Зеленин 2021]. Материал словарей-ежегодников «Новое в русской лексике» отражает последовательную и полную фиксацию всех новых языковых явлений в современной речевой практике, в основном в СМИ. Словари десятилетий «Новые слова и значения» позволяют более или менее последовательно судить о степени усвоения этих явлений языком, то есть о перспективе приобретения ими узувального характера или о сохранении окказиональности, то есть единичности употребления [см. список словарей и источников].

Представляется, что исследование процесса неологизации не должно базироваться только на материале новейшего периода истории языка, так как процесс его пополнения новыми словами, как уже отмечалось, имеет непрерывный характер. Необходимо отметить, что сложилась научная традиция описания неологической лексики XVIII века – периода развития русского национального литературного языка [Сорокин 1965; Молотков 1975; Биржакова, Войнова, Кутина 1972; Биржакова 2010; Мальцева 1975; Малышева 2019]. Лексикографическое представление новообразований периода развития единого национального русского литературного языка и их выделение во всех выпусках «Словаря русского языка XVIII в.» [СлРЯ XVIII в.] с помощью специальной пометы не только отражает имеющийся опыт научного осмысления материала этого периода, но и дает возможность дальнейшей системной работы с ним. «Словарь русского языка XIX века» [СлРЯ XIX в.], недавно реализованный в виде электронной базы данных, продолжает лексикографическую традицию динамического исторического словаря и так же, как «Словарь русского языка XVIII века», фиксирует новообразования описываемого периода.

Как правило, тенденции процесса неологизации, динамики словообразовательных отношений исследуются на материале, относящемся к одному синхронному срезу языка, в основном новейшему, то есть к рубежу тысячелетий [Сенько 1994, 2007; Шеляховская, Эглит 1997; Ильясова 1999, 2023; Валгина 2003; Карева 2016; Радбиль, Рацибурская 2017, 2022; Щербина 2017; Замальдинов 2018; Левина 2020; Складневская 2020; Безрукова 2021; Безрукова, Черникова 2021; Кузнецова 2021; Грудева, Горющенко 2022; Селиверстова 2022; Замальдинов, Лысков 2023 и др.]. Имеется опыт описания нового для своего синхронного среза языкового материала, относящегося к концу XVII – началу XIX вв. [Авилова 1968; Молотков 1975; Дмитриева 2014; Дмитриева, Орлова 2023; Орлова 2023; Сандуца 2017; Малышева 2019; Королева 2023]

Представляется, что выявлению общих системных закономерностей процесса неологизации должен способствовать синхронно-диахронный подход к изучению языка, который в последние десятилетия получил широкое

распространение применительно к описанию отдельных семантико-словообразовательных подсистем [Дмитриева 2005, 2009, 2010, 2012, 2013, 2016, 2019; Крючкова 2005; Дмитриева, Крючкова 2010; Дмитриева, Янковский 2017; Кадькалова 2015, 2007; Дмитриева, Орлова 2021; Янковский 2018 и др.]. Синхронно-диахронный аспект изучения семантико-словообразовательных подсистем (словообразовательных типов, категорий, гнезд) находится в центре внимания саратовских дериватологов и других участников международного научного семинара «Развитие словообразовательной и лексической системы русского языка» [Дмитриева 2023]. Концептуальной основой синхронно-диахронного анализа является положение о том, что словообразование динамично по самой своей сути, поскольку словообразование и есть процесс [Трубачев 1994; Кадькалова 2015], а потому синхронно-диахронное исследование семантико-словообразовательных подсистем позволяет преодолеть разрыв между синхронным и диахроническим словообразованием, между системным изучением языка и описанием отдельных фактов [Баранникова 1997].

Изучение процесса неологизации в синхронно-диахронном аспекте позволяет выявить общие тенденции неологизации лексической и словообразовательной системы языка, общие закономерности и особенности процесса как на отдельных этапах языковой истории, так и в широкой исторической перспективе.

Семантико-словообразовательная подсистема русской глагольной лексики менее активна в аспекте неологизации по сравнению с именной, что подтверждается как количественным соотношением глагольных и именных неологизмов в неологических словарях, так и исследованиями в области неологизации русского языка. Вместе с тем глагол, по справедливому замечанию Н. Ю. Шведовой, является самой сложной единицей лексической системы языка, а также ее центральной единицей и доминантой, которая обладает мощным словообразовательным потенциалом [Шведова 2007].

Обращение к глагольной лексике во многом обуславливает **актуальность** данного исследования. В первую же очередь его актуальность определяется тем,

что исследование находится в русле проблематики неологии – активно развивающейся области русистики и посвящено изучению языковых новообразований в разные периоды развития русского литературного языка. Это дает ценные сведения о тенденциях языковой эволюции в целом, о степени взаимодействия внутрисистемной динамики языка с экстралингвистическими влияниями, о конкретных проявлениях связи языка с развитием жизни общества.

Научная новизна работы определяется как последовательным обращением к глагольному неологическому материалу, менее разработанному в сравнении с именным, так и комплексным подходом к его анализу: к исследованию глагольных неологизмов впервые применяется синхронно-диахронная методика, позволяющая непротиворечиво объединить принципы системности и историчности, представить динамику неологизации глагольной подсистемы как динамику внутрисистемных отношений на разных уровнях (словообразовательном, семантическом, стилистическом).

Степень научной разработанности темы исследования. Исследования процесса неологизации русской глагольной лексики, как уже отмечалось, преимущественно строятся на языковом материале, относящемся к одному из синхронных языковых срезов, в основном к периоду рубежа тысячелетий – периоду интенсивной неологизации языка [Ильясова 1984; 2023; Бояркина 1990; 1993; 1997; Родионова 1992, 1994; Золотарева 2001; Касьянова 2008, 2012; Блинецова 2011; Жданова 2016; Маркова 2016; Беляева 2022; Замальдинов, Лыков 2023; Рацибурская 2023, 2024]. Исследования, которые отражают особенности процесса глагольной неологизации в другие исторические периоды развития русского языка, немногочисленны. Они базируются преимущественно на материале глагольных новообразований периода XVIII века, реже – древнерусского и старорусского языка [Волков, Зиновьева 1991; Рогоза 1993; Дмитриева, Орлова 2023]. Однако последовательного комплексного синхронно-диахронного описания процесса неологизации семантико-словообразовательной глагольной подсистемы русского языка ранее не предпринималось.

Основным методом, используемым в работе, является синхронно-диахронный метод структурирования и описания семантико-словообразовательных подсистем, применение которого позволяет сопоставить языковые данные, относящиеся к сменяющим друг друга историческим периодам, поэтапно структурировать словообразовательные типы глагольных неологизмов на каждом из синхронных срезов, выявить особенности их формирования, обозначить общие тенденции развития семантико-словообразовательной подсистемы глагольных неологизмов.

Объектом изучения являются глагольные неологизмы в истории русского языка.

Предмет исследования – процесс неологизации в русском языке в его исторической динамике: в русском языке старорусского периода (XV–XVII вв.), периода формирования национального литературного языка (конец XVII – XVIII вв. в соотнесении с языковым материалом XIX в.), периода рубежа тысячелетий (конец XX – начало XXI вв.). Выделение именно этих синхронных срезов определяется как активным характером развития языка в переломные моменты его истории, так и возможностью использования лексикографического и корпусного материала, с достаточной полнотой отражающего процесс неологизации на каждом из этапов языковой истории.

Цель работы – выявить основные тенденции процесса неологизации русской глагольной лексики, определить семантическую и словообразовательную специфику этого процесса как в отдельные периоды развития русского языка, так и в широкой исторической перспективе в целом.

Задачи исследования:

1. Обосновать концептуальную базу исследования неологизации как динамического процесса с возможностью применения к описанию неологического материала методики синхронно-диахронного анализа, разработка которой применительно к отдельным семантико-словообразовательным подсистемам русского языка принадлежит саратовским дериватологам.

2. Дать последовательный синхронно-диахронный анализ подсистемы суффиксальных глагольных неологизмов, выделив значимые в ходе неологизации лексической системы языка исторические периоды: старорусский (XV–XVII вв.), период формирования национального литературного языка (конец XVII – XVIII вв. в соотношении с языковым материалом XIX вв.), период рубежа тысячелетий (конец XX – начало XXI вв.).

3. Выявить основные тенденции семантико-словообразовательной динамики в ходе неологизации глагольной подсистемы, обозначив особенности соотношения и взаимодействия таких словообразовательных процессов, как суффиксация, префиксация и конфиксация.

4. Установить закономерности словообразовательного варьирования глагольных неологизмов как явления, сопутствующего освоению языком новой лексики в разные периоды языковой истории.

5. Определить наиболее значительные семантико-когнитивные тенденции неологизации, обозначить закономерности формирования и развития тематических групп новой лексики на каждом синхронном срезе и в процессе неологизации глагольной лексической подсистемы в целом.

Источниками материала послужили выпуски «Словаря русского языка XI–XVII веков», выпуски «Словаря русского языка XVIII века», «Словарь русского языка XIX века», «Толковый словарь русского языка конца XX в.: Языковые изменения», трехтомный словарь «Новые слова и значения. Словарь-справочник по материалам прессы и литературы 90-х годов XX века», «Новое в русской лексике. Словарные материалы» с 2015 по 2022 годы, «Словарь языка интернета.ru», а также материалы Национального корпуса русского языка. В тексте работы используется иллюстративный лексикографический материал, извлеченный из указанных словарей с принятыми в них сокращениями в названии источника и его датировкой. Всего в поле анализа было включено 950 суффиксальных глагольных новообразования: старорусский период – 330 ед.; период формирования национального литературного языка, включая данные нового словаря XIX в. – 448 ед.; рубеж тысячелетий – 172 ед. Для исследования

особенностей соотношения суффиксальной неологизации с другими способами глагольного словопроизводства – префиксацией и конфи́ксацией – было отобрано также 600 новообразований одной приставочной формации глаголов с формантом *за-*, относящихся к обозначенным трем периодам.

Теоретическая значимость работы связана с решением ряда актуальных для методологии синхронно-диахронного анализа проблем. Синхронно-диахронный анализ способствует интеграции системного анализа языка с данными о функционировании языковых единиц в их исторической динамике. Синтез этих аспектов в ходе анализа конкретного языкового материала – глагольных новообразований в русском языке – составляет концептуальную установку данного исследования и определяет его теоретическую значимость.

Практическая значимость исследования заключается в том, что его результаты могут быть использованы в курсах по словообразованию, истории русского языка, неологии, а также при подготовке пособий по этим разделам языкознания. Полученные результаты могут быть использованы и в лексикографической практике при создании динамических словообразовательных словарей нового типа.

Положения, выносимые на защиту:

1. К исследованию процесса глагольной неологизации русского языка может применяться синхронно-диахронный метод анализа, который позволяет не только выявить новообразования на отдельных синхронных языковых срезах, обозначить особенности функционирования глагольных неологизмов в разные исторические периоды, но и определить семантические и словообразовательные закономерности процесса в широкой исторической перспективе: формирование и активизацию отдельных словообразовательных типов, взаимодействие способов словопроизводства, динамику семантических процессов в рамках лексико-семантических полей и лексико-семантических групп глаголов.

2. Основным способом образования новой глагольной лексики является суффиксация. В ходе синхронно-диахронного анализа подсистемы суффиксальных глагольных неологизмов в границах лексико-семантических

полей и лексико-семантических групп на каждом из синхронных срезов развития языка выявлены наиболее существенные закономерности процесса глагольной неологизации:

– в старорусском языке новообразования отличаются главным образом принадлежностью к тем лексико-семантическим полям глаголов, которые сформировались еще в древнерусском языке: действия и движения. В большинстве своем это объектные глаголы с семантикой конкретного физического действия. В старорусском языке происходит активизация неологических процессов за счет лексико-семантических групп глаголов деятельности и поведения, а также глаголов лексико-семантического поля состояния;

– в период формирования единого русского национального литературного языка на фоне появления новообразований в рамках лексико-семантических групп глаголов действия, состояния, речевой деятельности и производства звуков наблюдается заметная активизация процесса образования новых суффиксальных глаголов с общей семантикой деятельности и поведения. Появление таких глагольных неологизмов сопровождается формированием новой русской словообразовательной модели с суффиксом *-нича-* и активным словопроизводством новых глаголов с иноязычными формантами *-ирова-*, *-изирова-*;

– в конце XX – начале XXI вв. процесс образования новой глагольной лексики в большой степени обусловлен влиянием интернета и его посредством влияния профессионального компьютерного жаргона на общелитературный язык. В связи с этим значительную часть глагольных новообразований этого периода составляют производные от иноязычных основ (преимущественно из английского языка), которые образуются при помощи продуктивных русскоязычных суффиксов. Кроме этого, активным становится образование глаголов от имен собственных, что определяется действием экстралингвистических факторов.

3. В ходе синхронно-диахронного анализа глагольных неологизмов актуальным становится вопрос о префиксации и конфиксации как процессах,

сопровождающих функционирование новой суффиксальной глагольной лексики. Исследование показало, что в языке действует тенденция к параллельному освоению языком конфиксальных и префиксальных моделей при одновременном пополнении производящей базы отыменными суффиксальными производными (например, в старорусском языке *дернити* < *дерн*; *задернити* < *дернити* и *задернити* < *дерн*).

4. Процесс неологизации русской глагольной лексики сопровождается словообразовательным варьированием на протяжении всех этапов развития литературного языка. На каждом из синхронных срезов словообразовательное варьирование обусловлено действием общих факторов: конкуренцией имеющихся и осваиваемых словообразовательных моделей, тематическим распределением суффиксов, влиянием процесса заимствования на формирование новых словообразовательных отношений, стилистической дифференциацией языка, когда модель образования одного из вариантов закрепляется за книжными стилями речи, а другая приобретает разговорную маркированность.

5. Тематические и семантические тенденции глагольной неологизации определяются действием экстралингвистических факторов. Если в старорусском языке преобладали глаголы с семантикой конкретного физического действия, направленного на объект, которые в древнерусском языке составляли основной состав исконной глагольной лексики, то в период формирования национального литературного языка проявляется тенденция к образованию глаголов более абстрактной семантики состояния, деятельности и поведения, к формированию отдельных способов глагольного действия, например, эволютивного, к которому относятся отыменные глагольные новообразования со значением изменения свойств объекта или субъекта (*краснеть*, *белить*). В системе префиксальных глаголов влияние процесса формирования отдельных способов глагольного действия также прослеживается: материал позволяет судить о формировании начинательного способа глагольного действия в русском языке XVIII века при активной роли приставки *за-*.

Другая семантическая тенденция – движение к интернационализации, связанное с появлением научной терминологической лексики, а также лексики, обозначающей политические и экономические процессы. Активизация заимствования иноязычной лексики и развитие компьютерных технологий являются основными факторами, определяющими специфику процесса глагольной неологизации в конце XX – начале XXI вв. Наметившаяся еще в XVIII в. тенденция к демократизации языка, его стилистической дифференциации на рубеже тысячелетий становится причиной расширения стилистических границ включения новой глагольной лексики в лексическую систему, в том числе за счет ее пополнения стилистически сниженными разговорными и даже жаргонными новообразованиями.

Апробация работы. Основные положения и выводы исследования обсуждались на следующих международных, всероссийских научных конференциях:

Международные: VII Международный научный семинар «Развитие словообразовательной и лексической системы русского языка», посвященный 110-летию Саратовского государственного университета (Саратов, 2019 г.), VIII Международный научный семинар «Развитие словообразовательной и лексической системы русского языка» (Саратов, 2021 г.), IX Международный научный семинар «Развитие словообразовательной и лексической системы русского языка» (Саратов, 2023), XI Международная научная конференция «Национальные коды в языке и литературе» (Нижний Новгород, 2023 г.), Международная научно-практическая конференция «Русский язык и ценностные ориентиры современного мира» (Пермь, 2024 г.), XI Международная научная конференция студентов и молодых ученых «Новые горизонты русистики», посвященная памяти Г.И. Рихтера (Донецк, 2024 г.), XII Международная научная конференция «Российская цивилизация: истоки государственности, мировоззренческие особенности и образы будущего» (Саратов, 2024 г.).

Всероссийские: Всероссийская конференция молодых ученых «Филология и журналистика в XXI веке», посвященная памяти профессора В. Е. Гольдина

(Саратов, 2018 г.), Всероссийская конференция молодых ученых «Филология и журналистика в XXI веке», посвященная 110-летию Саратовского государственного университета (Саратов, 2019 г.), Всероссийская конференция молодых ученых «Филология и журналистика в XXI веке», 75-летию Победы (Саратов, 2020 г.), Всероссийская конференция молодых ученых «Филология и журналистика в XXI веке», посвященная 100-летию О. И. Ильина (Саратов, 2021 г.), Всероссийская конференция молодых ученых «Филология и журналистика в XXI веке», посвященная памяти профессора В. Е. Гольдина (Саратов, 2022 г.), Всероссийская конференция молодых ученых «Филология и журналистика в XXI веке», посвященная 125-летию со дня рождения профессора Т.М. Акимовой и 100-летию со дня рождения профессора В. К. Архангельской (Саратов, 2023 г.), XIV Всероссийская школа-семинар молодых лексикологов, лексикографов и лингвогеографов «Лингвистический ландшафт как результат пространственно-временной и социокультурной динамики» (Санкт-Петербург, 2023 г.), Всероссийская конференция молодых ученых «Филология и журналистика в XXI веке», посвященная 225-летию со дня рождения А. С. Пушкина (Саратов, 2024 г.).

По теме диссертации опубликовано 11 статей, в том числе 4 – в изданиях, рекомендованных ВАК.

Структура работы. Диссертация состоит из введения, трех глав, заключения, списка использованной литературы и источников материала исследования, трех приложений в виде списка исследуемых глагольных суффиксальных новообразований, выделенных на каждом из обозначенных в работе этапов языкового развития.

ГЛАВА 1

ПРОБЛЕМА ДИНАМИЧЕСКОГО ИЗУЧЕНИЯ СЕМАНТИКО-СЛОВООБРАЗОВАТЕЛЬНЫХ ПРОЦЕССОВ И НЕОЛОГИЗАЦИИ ЯЗЫКА

1.1 Возможности исследования неологизации как динамического и синхронно-диахронического процесса

Язык динамичен и подвержен постоянным изменениям, как динамично общество, потребности которого в коммуникации он обеспечивает. По справедливому утверждению Э. П. Кадькаловой, «словообразование существует только постольку, поскольку выполняет функцию порождения нового на базе имеющегося» [Кадькалова 2015: 234], и развитие языка обусловлено в значительной степени развитием его словообразовательной системы, то есть формированием и закреплением новых словообразовательных моделей, изменением существующих, увеличением или уменьшением их продуктивности и многими другими факторами словообразовательного процесса. Словообразовательная система является чутким «барометром» языкового развития, поскольку динамическая и творческая природа словообразовательного акта делает словообразование максимально отзывчивым к значимым языковым изменениям разных уровней и одновременно «мощным источником гипотез о динамике языка» [Гинзбург 1979: 251].

Нельзя не согласиться с Е. С. Кубряковой, что производная лексика снабжает носителей языка «схемами соединения определенных структур знания с определенными словообразовательными конструкциями, механизмами словообразовательного моделирования и стратегиями извлечения семантики из ее единиц» [Кубрякова 2004: 393].

Словообразовательная система русского языка, имея достаточную функциональную стабильность, тем не менее постоянно эволюционирует, при этом ситуация в словообразовании дает четкое представление о взаимосвязи и взаимодействии языковой статики и динамики [Бодуэн де Куртенэ 1963; Николаев 1987; 2010; Немченко 1994; Нещименко 2010; Кадькалова 2015; Коряковцева 2006; Крючкова 2005; Дмитриева 2012; Дмитриева, Крючкова 2010; Дмитриева, Орлова 2023; Орлова 2019 и др.].

Рассматривая словообразовательную систему русского языка как развивающийся феномен, Г. А. Николаев признает, что любое явление, любой факт, любая «деталь» этой системы могут быть рассмотрены под историческим углом зрения, причем даже те из них, на которых основывается представление об относительной устойчивости словообразовательной системы [Николаев 2010]. Меняются словообразовательные отношения между группами слов, возникают новые связи, соответственно изменяются представления об оформленности производных слов, образуются новые структурные единицы, которые могут использоваться в качестве образца в словообразовательных процессах. Развертывается взаимодействие внутрикатегориального и межкатегориального словообразования, меняется словообразовательная семантика, возникают новые словообразовательные типы, новые способы словопроизводства (конфиксация, аббревиация и др.). Активизируются связи между звеньями словообразовательной цепи, развивается возможность взаимной и обратной мотивированности в словообразовательной цепи; происходят изменения в системно-парадигматических рядах между производными образованиями. Возникают синонимические словообразовательные типы, развивается внутриспособная и межспособная синонимия, находящаяся в постоянном взаимодействии со словообразовательной антонимией и омонимией [Аминова 1998; Нещименко 1999; Николаев 2010; Улуханов 1994].

Если образование новых слов в языке представляет собой мгновенный словообразовательный процесс, то возникновение новых словообразовательных моделей в языке относится к числу длительных, эволюционных процессов,

протекающих в словообразовательной системе языка, и связано со сменой словообразовательных отношений [Николаев 2010: 24].

Истоки взаимодействия лексической (а если быть точнее, неологической) и словообразовательной подсистем языка находятся в их номинативно-функциональной сущности. Обновление словарного состава языка происходит через посредство словообразования, а взаимодействие лексики и словообразования носит четко выраженный, последовательно двусторонний характер и реализуется в конструктивно-словообразующих взаимоотношениях. В процессе неологизации деятельностная природа словообразования проявляется в том, что словообразовательный механизм используется в нескольких целях: 1) создать необходимое наименование; 2) изменить синтаксическое построение речи; 3) произвести более краткую номинацию; 4) получить экспрессивную форму выражения; 5) использовать средства выражения, соответствующее той или иной сфере речи, т.е. согласовать свой способ выражения с определенной сферой речи, областью общения [Земская 1992]. Тем самым словообразование выполняет собственно номинативную, конструктивную, компрессивную, экспрессивную и стилистическую функции [Земская 1992: 8].

Согласно наблюдениям Е. С. Кубряковой, номинативный акт как источник появления нового слова – это речемыслительная операция, в протекании которой обязательно когнитивное звено, свидетельствующее о включении подлежащего новому наречению объекта в деятельность человека. Следовательно, словообразовательная неологизация тесно смыкается с речевой деятельностью, представляющей собой «некий континуум», на одном из полюсов которого – творчество, создание неологизмов [Кубрякова 1986]. Словообразование, как и любые другие механизмы, не только функционирует, но и развивается, наглядно демонстрируя проявления внутренних законов развития. Подчеркивая динамический характер словообразования, Е. С. Кубрякова отмечает: «Словообразование, менее чем какую-либо другую систему, можно представить в виде статической совокупности раз и навсегда данных моделей, застывших в безупречных регулярных корреляциях» [Кубрякова 1965: 14].

Процесс неологизации в языке в некоторые исторические периоды может ощущаться каждым носителем языка. Например, согласно данным словарей-ежегодников «Новое в русской лексике», в 2019-м году было зафиксировано 337 лексем [НРЛ 2019: 23], в то время как в 2020-м году в словарь было включено 3588 новых слов [НРЛ 2020: 15], что, несомненно, определяется экстралингвистическими причинами – пандемией коронавирусной инфекции COVID-19, которая оказала влияние почти на все сферы жизни общества, и, как следствие, породила значительное количество номинаций.

По мнению Т. Х. Каде, такие факторы, как мотивированность, изменчивость и отбор, обуславливают динамизм словообразовательной системы [Каде 1994]. Основной фактор динамики словообразовательной системы – отбор, предполагающий конкурентную борьбу: внутритиповую (между производными одного типа) и межтиповую (между производными разных типов) [Сенько 2007].

Основные стимулы, факторы и условия появления нового слова соотносятся с теми причинами языковых изменений, которые были установлены А. Мейе: 1) структурой данного языка, его устройством; 2) когнитивными, физическими, пространственными и социальными условиями его существования; 3) теми частными влияниями других языков, которые в данное время и данном месте испытывает изучаемый язык [Мейе 2004].

Изучением новых слов занимается неология. В настоящее время неологией называют относительно молодую в языкознании отрасль, которая изучает новые лексические единицы, появившиеся в языке в определенный период его развития, то есть неологизмы. Основы теории неологии были заложены в отечественном языкознании еще в XIX веке [Алаторцева 1999], однако как отдельного раздела неологии не существовало ни в XIX веке, ни в первой половине XX века. Неология оформилась в качестве отдельной отрасли языкознания во второй половине XX в трудах целого ряда ученых [Гак 1983; 1998; Лопатин 1973; Улуханов 1996; 2010; Костомаров 1999; Земская 1992; 2000; Котелова 2015; Крысин 2002; Рацибурская 2010, 2017; 2024; Маринова 2008; 2011; Попова 2005, Сенько 2007 и др.]. Оформилась и продолжает развиваться неография – наука об

особенностях проектирования и составления словарей неологизмов, о специфике новых слов, значений и словосочетаний как объектов таких словарей, которая представляет собой систему изданий, включающую в себя неологические словари разных жанров, в которых концептуально обоснованы особенности подбора и описания неологических единиц. Особый вклад в развитие неографии внесли Ю. С. Сорокин и Н. З. Котелова, как и в целом, Словарный отдел Института лингвистических исследований РАН. Таким образом, неология включает в себя исследование специфики обновления словарного состава языка (неологизм как объект неологии) и выявление и изучение проблематики, связанной с лексикографированием неологизмов (неологизм как объект неографии) [Сенько 2007].

Одним из спорных вопросов неологии остается *вопрос о терминологическом обозначении неологизма*. Общепринятого термина для обозначения нового слова в неологии нет. Употребляется несколько терминов, обозначающих новое слово и объединяющихся общей семей «новое» в синонимический ряд: новообразование, новация, инновация, новая номинация, неономинация, новое наименование, новшество, неологизм, окказионализм [Шалина 2007]. Самым распространенным из вышеназванных терминов является неологизм, первоначально закреплявшийся за всеми новыми словами в языке и речи. Со временем данный термин значительно расширил свое значение и не стал удовлетворять основному требованию, предъявляемому к специальному наименованию, а именно однозначности [Шалина 2007: 73]. В связи с этим новое слово в исследованиях ученых-лингвистов имеет разные обозначения.

Например, в книге «Языковой вкус эпохи» В. Г. Костомаров для обозначения нового слова оперирует термином новообразование [Костомаров 1999]. Е. А. Земская также использует термин новообразование, понимая под ним новое слово как словообразовательное новшество [Земская 2000: 91]. С. В. Ильясова предпочитает термин инновация: «Под инновацией мы понимаем новое слово, не зафиксированное в толковых словарях» [Ильясова 1999].

Некоторые ученые пользуются несколькими терминами одновременно. Так, О. И. Дмитриева, Р. Ю. Намитокова, И. Ю. Первухина [Дмитриева 2019; Намитокова 1986; Первухина 2007] оперируют терминами неологизм и новообразование, в работах Т. Б. Радбиля, Л. В. Рацибурской употребляются термины неологизм, новообразование, словообразовательные неологизмы, словообразовательные инновации [Радбиль, Рацибурская 2017; Рацибурская 2014; Рацибурская 2017].

Т. В. Попова использует термины инновация и новообразование, понимая их в широком значении: употребляет по отношению к любым инновациям, то есть к инновациям всех уровней языка [Попова 2005: 4].

Н. З. Котелова, рассматривающая неологию и неографию как особый раздел лексикологии и лексикографии, а также внесшая значительный вклад в развитие данного раздела языкознания, использует преимущественно термин лексические новшества: «Лексические новшества – это слова, значения слов, идиомы, узуально существующие в определенный период в определенном языке, подъязыке, предшествующий период в том же языке, подъязыке, языковой сфере и т.д.» [Котелова 2015: 196].

Е. В. Сенько в монографии «Теоретические основы неологии» предлагает сузить расширенное значение термина неологизм и оставить за ним значение нового слова, так как неологизм – это «собственно лексическая категория», а такие явления как неоморфема и неофразама рассматривать в соответствующих разделах языка – в морфемике и словообразовании, во фразеологии [Сенько 2001: 10]. При этом в монографии «Неологизация в современном русском языке: межуровневый аспект» исследователь использует термин инновация [Сенько 2007].

Р. Ю. Намитокова, деля новые слова на неологизмы и новообразования, противопоставляет их: термин новообразование в ее понимании синонимичен понятию окказионализм [Намитокова 1986]. Возможно и их сближение: так О. И. Дмитриева, используя термины неологизм и новообразование, понимает под неологизмами и словообразовательные, и семантические неологизмы, а также

неологизмы, появляющиеся путем заимствования, под новообразованиями – словообразовательные неологизмы [Дмитриева 2019].

Используя разные термины, обозначающие новое слово (инновация, новация, новшество, новообразование, неологизм, словообразовательная инновация, неономинация и др.) в качестве синонимов, ученые, тем не менее, указывают на их отличительные особенности. Термин инновация используется при обозначении новых явлений на всех уровнях языка. Новообразование, исходя из своей внутренней формы, может быть равнозначным терминам инновация, новшество, но не равнозначен понятию неологизм. Последний оказывается шире, так как к неологизмам относятся не только лексические новообразования, но и слова, заимствованные из других языков или получившие новые значения [Шалина 2007].

Понимание неологизма как явления широкого, включающего и вновь образованные слова, и заимствования, и семантические преобразования имеющих в языке, хаактерно для данной работы, хотя часто он употребляется и применительно к новообразованиям, то есть словообразовательным неологизмам, составляющим основной объект нашего исследования.

С вопросом о термине, обозначающем новое слово, тесно связан *вопрос о типах неологизмов*. Понятие *новые слова* объединяет языковые единицы, которые классифицируются по ряду признаков: а) по форме языковой единицы (лексические, семантические, фразеологические); б) по степени новизны (абсолютные и относительные неологизмы); в) по способу номинации (новообразованные и вошедшие в язык готовые единицы); г) по принадлежности речи-языку (оказиональные и узуальные); д) по продолжительности существования (факты краткого существования; вошедшие в языковую систему; «историзмы современности») [Алаторцева 1999]. Е. В. Сенько выделяет номинативы и трансноминативы, эфемеризмы, ксенизмы, относительные неологизмы, предлагая классификацию неологизмов по характеру называемой реалии и способу ее вербализации, «что мотивируется онтологически, то есть

самим характером функционального предназначения слова как номинативной единицы языка» [Сенько 2007: 12].

В нашей работе мы будем использовать термин *неологизм* для характеристики словообразовательных неологизмов и неологизмов, появившихся путем заимствования, а также термин *новообразование* для характеристики словообразовательных неологизмов, *неологизм-заимствование* или *заимствование* для вхождений из других языков.

Содержание термина неологизм исторично и относительно, в зависимости от его понимания значительно меняется круг относимых к новому слову лексических явлений. В связи с этим Н. З. Котелова предложила параметры-конкретизаторы (или определители) для определения понятия неологизма.

Первый и основной определитель, как отмечает Н. З. Котелова, – это конкретизатор «время» (когда?). «Неологизмы – новые слова какого-либо периода по отношению к какому-нибудь из предшествующих периодов, т.е. такие слова какого-либо периода, которых не было в предшествующих период» [Котелова 2015: 189]. То есть должны быть определены границы периода и состав неологизмов, необходимо указать точки отсчета во времени и временных соотношений периодов [Котелова 2015: 189].

Второй определитель – конкретизатор «языковое пространство» (сферы и жанры употребления) (где?). При установлении состава новых слов определенного периода, необходимо указать, где именно эти слова новые и сопоставлять их с составом слов другого временного периода и того же ареала: 1) в языках вообще; 2) в данном национальном языке; 3) в литературном языке; 4) в данном подязыке (терминология). В этой связи следует говорить о словах новых как таких, которые не было в какой-либо сравниваемый период (естественно, из предшествующих) [Котелова 2015: 190].

Не менее важен и другой «пространственный» определитель неологизма такой, как принадлежность слова языку или речи в аспекте речевой деятельности и отношение к противопоставлению: новое в языке (языке – системе, языке – средстве построения речи) – новое в речи, включая окказиональные и

индивидуально-авторские слова. Эти разряды иногда обозначаются разными терминами: в языке – новые слова, в речи (или и в языке, и в речи) – неологизмы [Котелова 2015: 190-191].

Третий определитель – конкретизатор «новизны» (что новое?). В состав неологизмов входят новые слова (единица лексики), новое значение слова (лексико-семантический вариант слов или семантический неологизм), новые неразложимые сочетания слов (идиомы). Для новых слов характерна узкая сочетаемость [Котелова 2015: 191].

Четвертый определитель – структурные признаки новизны (другим словом?). Несмотря на широкое представление о новых словах как о новых, незапрограммированных, неожиданных, немотивированных внутренних структурой созвучиях, Н. З. Котелова считает, что таких слов не должно быть, и опирается на наблюдения Р. А. Будагова: «Всякое новое слово обусловлено предшествующей языковой традицией <...>. Обычно же новые слова возникают или из собственных элементов языка, или путем заимствований, т.е. из элементов другого языка, или, наконец, путем превращения собственного имени в нарицательное» [Будагов 1947: 37]. Исходя из этого, Н. З. Котелова заключает: «Все новые слова – это слова, в каком-то смысле известные, «ожиданные», существующие в системе как потенциальные единицы» [Котелова 2015: 194].

В свою очередь, Е. В. Сенько предлагает варьировать новизну неологизмов: от наиболее высокой степени ... до минимальной (неологизмы с прозрачной структурой) и эксплицитно нулевой (как правило, это новые слова, которые содержат в своем составе интернациональные морфемы, широко известные в общем употреблении, а потому и привычные) [Сенько 2007].

В отношении перечисленных параметров-конкретизаторов мы разделяем точку зрения Е. А. Левашова. Утрата словом оттенка новизны не может определяться точным способом, кроме как языковым ощущением или через активность употребления, которые связаны с конкретным временем и его продолжительностью. Закономерно и то, что время нейтрализации неологизмов, то есть их переход в состав общеупотребительной лексики, – это не определяемая

заранее величина. Исследователь отмечает, что и с хронологическими границами словарей неологизмов тоже нет однозначного ответа, преимущественно границы определяются прагматически, а средний хронологический охват изданных словарей – приблизительно 20 лет (то есть время жизни одного поколения). Но и это не указывает на время жизни конкретного слова в статусе неологизма, поскольку вхождение его в состав общеупотребительной лексики зависит от совокупности факторов [Левашов 2012].

Важно учитывать, что для отбора неологической лексики в словари новых слов важнейшими критериями являются новизна лексем относительно периода развития русского языка, предшествовавшего описываемому периоду, а также частота употребления [Буцева 2013], хотя в зависимости от типа словаря приходится принимать во внимание количество источников, социальную значимость именуемой реалии, системность образования, наличие словообразовательных дериватов и другие критерии [Котелова 1988]. Поскольку наше исследование строится на лексикографической базе, в качестве неологизмов мы определяем новые слова, называющие новые явления, понятия, реалии, появившиеся в определенный исторический период, и ранее не фиксировавшиеся толковыми словарями.

В зависимости от того, как определяется предмет неологического исследования, возникают *разные аспекты изучения неологизмов*.

Наиболее традиционным для изучения неологизмов в русской неологии является *структурно-семантический аспект* [Жданова 2019; Лыков 1976; Намитокова 1986; Первухина 2007; Прадид 2019; Рацибурская 2017 и др.]. Цель, которая ставится в рамках таких исследования, можно определить как «описание новых фактов языка и речи, их структурно-семантической характеристики, определение способов образования и особенностей употребления, классификация новообразований, выявление места неологизмов в системе современного русского языка, определение того влияния, которое они оказывают на язык» [Попова 2005: 13].

Существует и социолингвистический аспект изучения неологизмов [Жданова 2019; Замальдинов 2018; Рацибурская 2010; Радбиль, Рацибурская, Бакич, Жданова, Торопкина, Щеникова 2018 и др.]. В рамках этого направления исследуется воздействие общественных преобразований (социально-экономических, политических) на развитие лексической системы языка.

Антропоцентричность современного языкознания, то есть главенство человеческого фактора, обусловила формирование когнитивного, психолингвистического, деятельностного аспектов изучения неологизмов.

В первое десятилетие XXI в. в стадии формирования находился когнитивный подход к исследованию проблем неологии [Алефиренко 2006; Касьянова 2009; Кубрякова 1986; Плотникова 2005 и др.]. Ученые отмечают, что «в результате когнитивной деятельности человека происходит порождение значений новых слов и преобразование значений уже имеющих в номинативном фоне единиц» [Касьянова 2008: 75].

Как отмечает Л. Ю. Касьянова, обновление языка протекает под влиянием двух стимулов, с одной стороны, связанных с когнитивно-коммуникативными потребностями общества, с другой, – с особенностями внутреннего устройства языка [Касьянова 2009: 5]. В связи с этим одной из задач неологии становится создание когнитивно-дискурсивной теории нового слова, в основе которой лежат принципы динамического синхронизма и динамической устойчивости. Согласно принципу динамического синхронизма, обновляемая подсистема языка адаптируется к потребностям социума, в то время как принцип динамической устойчивости обеспечивает ее стабильность для многих поколений [Касьянова 2009]. Эти принципы ориентированы на важнейшие когнитивно-дискурсивные свойства нового слова: 1) особый характер его взаимодействия с дискурсивной и социокультурной средой; 2) системный характер взаимодействия нового слова с другими языковыми единицами; 3) относительная автономность отдельных звеньев языковой системы в процессе ее обновления; 4) существование имплицитных процессов неологизации, недоступных непосредственному наблюдению [Касьянова 2009].

В этой связи неологизация рассматривается как «комплексный когнитивно-дискурсивный процесс, направленный на обновление лексико-семантической системы языка в соответствии с преобразованиями языкового сознания народа, изменениями его ценностных ориентиров в связи с возникающими когнитивно-прагматическими потребностями речемышления» [Касьянова 2009: 7]. С точки зрения когнитивно-дискурсивного подхода исследование неологизмов предполагает выяснение того, как и в каком виде обрабатывается человеком поступающая к нему новая информация и каковы механизмы ее вербализации.

Процесс возникновения новых лексических единиц обусловлен рядом когнитивных факторов. К их числу относятся: 1) появление в процессе познания действительности новых концептов и их оязыковление; 2) уточнение, переосмысление и углубленное познание уже зафиксированных общественным сознанием фрагментов концептуальной картины мира; 3) культурно-исторические факторы переосмысления известных концептов; 4) когнитивно-коммуникативные факторы [Касьянова 2009].

Когнитивный подход к анализу неологизмов часто смыкаются с психолингвистическим [Тогоева 1999, 2000; Зиньковская, Сахно 2021; Смалычева 2012 и др.]. Главным вопросом становится вопрос о «раскрытии взаимосвязанных особенностей <...> “нового слова” как единицы индивидуального лексикона в процессе функционирования этого слова в коммуникативной деятельности» [Тогоева 1999: 89].

Изучение неологизмов в аспекте их функционирования, то есть деятельностном, часто базируется на материале словообразовательных неологизмов (новообразований) [Земская 1992; Плотникова 2008 и др.]. Л. В Рацибурская отмечает, что «словотворчество рассматривается как феномен языковой личности, как одно из проявлений творческой индивидуальности автора. В антропоцентрически ориентированной лингвистике человек трактуется как активный творец языка, одним из проявлений речевой деятельности которого является креативная деятельность» [Рацибурская 2017: 97-98].

Исследование неологизмов характеризуется динамическим подходом к объекту [Дмитриева 2013; Коряковцева 2006; Крючкова 2010; Николина, Рацибурская 2023; Николина, Рацибурская, Фатхудинова 2020; Рацибурская, Жданова 2021; Улуханов 1996 и др.]. Динамический аспект изучения неологизации может рассматриваться с двух сторон: 1) динамические отношения синхронного характера, то есть динамический синхронизм; 2) динамические отношения синхронно-диахронного характера, то есть отношения, связанные с исторической динамикой.

Несмотря на многообразие подходов к изучению процесса неологизации, в последние десятилетия можно отметить скорее синтез этих подходов [Николина, Рацибурская 2023; Радбиль, Рацибурская, Бакич, Жданова, Торопкина, Щеникова 2018; Радбиль, Рацибурская 2017; Сенько 2007].

Синхронная динамика русского словообразования проявляется в темпах пополнения лексической системы при помощи словообразовательных производных, в соотношении своего и заимствованного, узуса и языкового творчества, в конкуренции, семантической и стилистической дифференциации сосуществующих словообразовательных единиц [Петрухина 2010].

Представление о словообразовательной динамике как о непрерывном развитии лежит в основе *синхронно-диахронного подхода к исследованию словообразовательных процессов*. В рамках этого подхода словообразовательные процессы рассматриваются исходя из системного статуса изменяющихся объектов, при этом историческая стабильность языковых фактов в тот или иной период осмысливается как этап в постоянном развитии языка. Синхронно-диахронное исследование словообразовательных подсистем и процессов дает возможность охватить весь письменный период истории русского языка, что позволяет более или менее полно отразить развитие словообразовательной подсистемы в целом, выявить динамику словообразовательных связей [Дмитриева 2012: 43].

Обозначим основные принципы синхронно-диахронного описания семантико-словообразовательных подсистем, которые отражены в публикациях

участников упоминавшегося ранее международного научного семинара «Развитие словообразовательной и лексической системы русского языка» [Дмитриева 2005, Дмитриева, Крючкова 2010, Динамика семантико-словообразовательных подсистем 2010; Динамические аспекты русского словообразования 2021].

Основополагающим является *принцип последовательно исторического подхода* к описываемому материалу с обязательной опорой на достаточный языковой материал, который предполагает поэтапное рассмотрение изучаемого процесса на каждом из синхронных срезов с целью выявления тенденций языковой динамики, как частных, так общих [Дмитриева 2005; Дмитриева, Крючкова 2010].

Принцип системности в синхронно-диахронных исследованиях позволяет опираться на положения общей теории языка и использовать разные приемы анализа языкового материала. Диалектическая взаимосвязь синхронного и диахронного подходов к фактам словообразования представляет «единственный верный принцип рассмотрения словообразовательных явлений» [Николаев 1987: 11] еще и потому, что способствует преодолению сосюрровской противопоставленности системного, то есть синхронного, и диахронного подходов к языку [Баранникова 1997; Дмитриева, Крючкова 2010].

Принцип комплексного и многоаспектного анализа семантико-словообразовательных подсистем определяется действием многих факторов в ходе развития словообразовательной системы языка: структурных, лексико-семантических, социокультурных, когнитивных. Именно комплексный многоаспектный анализ языкового материала способствует выявлению основных тенденций словообразовательной динамики [Дмитриева, Крючкова 2010].

В работах по синхронно-диахронному словообразованию закономерно обращение в качестве основных к лексикографическим источникам языкового материала, поскольку они содержат обработанные, проверенные, обобщенные, а следовательно, более надежные языковые факты, которые помогают дать наиболее полную и верную картину лексики.

В работах по истории русского словообразования сознательно допускается элемент синхронизации материала. Опора на системные отношения всегда являлась одной из главных черт исторических исследований в любой области языка. Изучая исторические процессы в области словообразования, исследователь исходит из системного статуса изменяющихся объектов, при этом сам статус понимается им исторически, а относительная стабильность языковых фактов в определенный исторический период осмысливается как этап в постоянном развитии языка. В этом заключается диалектическая взаимосвязь синхронного и диахронного подходов к фактам словообразования, представляющая единственно верный принцип рассмотрения словообразовательных явлений. Любое явление словообразовательной системы «в силу дихроничности процесса возникновения новых слов и динамичности словообразовательной системы, можно глубоко и всесторонне познать только с помощью комплексного – синхронно-диахронического – исследования, рассматривая слова как результат деривации в большом контексте языковой современности и истории» [Шанский 1977: 16].

В ходе синхронно-диахронного описания семантико-словообразовательных подсистем исследователь решает следующие задачи: 1) выделение в истории языка относительно самостоятельных этапов; 2) последовательное системное описание исследуемой подсистемы на каждом из выделенных этапов; 3) выявление ключевых динамических тенденций формирования семантико-словообразовательной подсистемы; 4) объяснение произошедших изменений [Дмитриева, Крючкова 2010; Янковский 2018; Дмитриева, Орлова 2021].

По существу, это алгоритм предпринятого нами исследования.

В работе мы анализируем глагольные неологизмы, появившиеся в старорусский период (XV – XVII вв.), в период формирования единого национального литературного языка (к. XVII – XIX вв.), а также на рубеже тысячелетий, то есть в к. XX – н. XXI вв. Отметим, что начало XXI вв. мы рассматриваем широко и включаем в него первое, второе и уже даже третье десятилетие (2000-е, 2010-е, 2020-е годы).

Как уже отмечалось во введении, основным материалом стали преимущественно лексикографические источники [см. список словарей и источников]. Особую сложность для отбора неологизмов представляет старорусский период (XV–XVII вв.): во-первых, нет отдельного словаря старорусского языка, и лексика этого периода объединена с древнерусской в одном лексикографическом источнике, во-вторых, критерием отбора новообразований может быть только последовательный анализ первых фиксаций слова в старорусских текстах в соотнесении с древнерусским материалом. В связи с этим в ходе анализа мы учитывали время первого употребления, то есть первой текстовой фиксации, сведения о которой дает информация словарная статья в «Словаре русского языка XI–XVII веков». «Словарь русского языка XVIII века» является не только историческим, но и динамическим словарем, так как содержит передаваемую с помощью специальных помет информацию о новообразованиях описываемого периода. «Толковый словарь русского языка конца XX в.: Языковые изменения» также является динамическим словарем, фиксирующим не только новообразования, но и семантические неологизмы. Трехтомный словарь «Новые слова и значения. Словарь-справочник по материалам прессы и литературы 90-х годов XX века», «Новое в русской лексике. Словарные материалы» с 2015 по 2022 годы, «Словарь языка интернета.ru» являются неологическими и включают в себя собственно новые слова.

1.2 Вопрос о языковом заимствовании в ходе неологизации языка

По способу образования неологизмы делятся на семантические, заимствованные и словообразовательные. К семантическим неологизмам принято относить слова и фразеологизмы, у которых появились новые значения [Попова 2005: 36]. Появление семантических неологизмов – это лексический процесс формирования новых лексико-семантических вариантов [Кузнецова 2021], таких, например, как *загрузить* в значении ‘установить’ (программу).

К неологизмам-заимствованиям относят слова и фразеологизмы, перенесенные из одного языка в другой, либо из одного подъязыка в другой подъязык того же языка [Попова 2005: 35], то есть заимствования делятся на внешние, пришедшие из другого языка, и внутренние (пришедшие из подъязыка того же самого языка (жаргона, сленга, терминосистем): *тащиться, тусоваться* [Попова 2005: 35]. Процесс заимствования связан с процессом образования неологизмов, так как заимствованные слова и аффиксы создают базу дальнейшего развития словообразовательных процессов. Термин заимствование имеет два значения. Первое значение – процессуальное, то есть универсальный языковой процесс, при котором единицы одного языка принимаются и усваиваются другим языком, – внешнее заимствование. Именно этом значении чаще всего и употребляется термин заимствование для обозначения лексической единицы – иноязычного слова, ставшего полноправной единицей в заимствующем языке [Маринова 2012: 86].

Отмечая тот факт, что проблема заимствований преимущественно активно обсуждается в языкознании в лексикологическом аспекте, а не в словообразовательном, И. С. Улуханов делит новую, то есть недавно заимствованную иноязычную по происхождению лексику на три группы: 1) слова, усвоенные современным русским языком и поэтому уже отраженные или претендующие на отражение в новых издающихся толковых словарях современного русского языка; 2) заимствованные, но не ассимилированные слова или выражения, бытующие в каком-либо языке (ксенизмы – [Комлев 1995: 64-65]), употребляющиеся иногда в современных текстах, но не закрепившиеся в русском языке и имеющие шанс фиксироваться только в словарях иностранных слов или только в словарях новых слов; 3) слова-однодневки, своего рода заимствования – окказионализмы, которые вообще не подлежат лексикографической фиксации [Улуханов 2010].

Функционирование многих новых заимствований в языке отличается своеобразием: частотность их употребления в разные эпохи может меняться в зависимости от разных причин или оставаться неизменной [Улуханов 2010: 29].

Заимствование происходит как по экстралингвистическим (внеязыковым), так и по лингвистическим (внутриязыковым) причинам. К экстралингвистическим причинам относятся языковые контакты народов и стран, международное общение в ходе развития торговли, промышленности техники, науки и образования, средств массовой коммуникации, культуры. Необходимость пополнить недостающие звенья в лексической системе языка, потребность языка в новых стилистических (экспрессивных) средствах, действие принципа экономии языковых средств являются лингвистическими причинами заимствований [Маринова 2012: 89].

Н. С. Валгина [Валгина 2003] вслед за Л. П. Крысиным [Крысин 2000] использует дифференцированный подход при выделении причин заимствования:

1. Потребность в наименовании новых вещей, явлений, понятий.
2. Необходимость в разграничении понятий: *визажист* (от фр. visage – лицо) и ранее заимствованное *дизайнер* (художник-конструктор, от англ. design – замысел, чертеж, проект).
3. Необходимость в специализации понятий.
4. Наличие в международном употреблении сложившихся систем терминов, однородных по происхождению, например, компьютерная терминология, спортивная, современная эстрадная на базе английского языка.
5. Потребность в визуализации понятий (стремление к эвфемистическим заменам). В некоторых ситуациях иноязычное слово (чисто психологически) помогает скрыть негативный или прямой смысл понятия.
6. Стремление к модному, более современному слову, которое на общем фоне широкого заимствования оказывается престижным. В таком случае и само понимание слова (его русский перевод) оказывается несколько приподнятым, необыденным (например, *модерировать* вместо *вести*).

Не менее важной причиной, по мнению Л. П. Крысина, является и стремление к иносказанию, к эвфемизмам, неопределенности, т.е. таким средствам номинации, которые маскируют суть явления, часто отрицательного, оказываются для него камуфляжем, делая его вполне респектабельным [Крысин

2009: 51]. Заимствования в русском языке нередко приобретают «размытую универсальность», «сокращают огромное поле смыслов до одного общего знаменателя» и тем самым скрывают суть явления [Петрухина 2010: 440]. Поэтому такими словами удобно пользоваться, когда эту суть надо скрыть. Без многих заимствований, обозначающих новые явления и понятия, невозможно обойтись, очень важен большой терминологический потенциал заимствований, которые обогащают лексику русского языка. Проявлением стремления уйти от реальности и сути явления посредством заимствований является и «карнавализация» языка, усиление игровой функции языковых средств, в том числе и словообразовательных [Петрухина 2010: 440-441].

На сегодняшний день в лексикологии существует две основные концепции заимствования 1) заимствование – переход языковых единиц из одного языка в другой, при котором единицы постепенно адаптируются в принимающей их системе, 2) заимствование – создание собственными средствами воспринимающего языка лексических единиц по иноязычным образцам – имитация или копирование фонетической, морфемной, семантической структуры слов другого языка [Маринова 2012: 90-91]. Как отмечает Е. В. Маринова, несмотря на различные трактовки лексического заимствования, общее в понимании этого процесса заключается в том, что заимствование – это деятельность, цель которой – пополнение лексики принимающего языка новыми словарными единицами, то есть неологизмами [Маринова 2012: 91-92].

Заимствование, как и словообразование, имеет свои способы «порождения» новых слов. Прежде всего, эти способы проявляются в характере и степени преобразования чужого лексического материала, чужого слова в ходе его адаптации. Это может быть фонетическая, графическая, грамматическая и семантическая «обработка» слова (или иначе освоение слова) [Маринова 2012: 92].

Для заимствований характерна и словообразовательная адаптация. Принято считать наличие у заимствованного слова производных слов одним из показателей его освоенности. Однако не все слова иноязычного происхождения

могут иметь дериваты, так как словообразовательные возможности иноязычных слов изначально неодинаковы [Маринова 2008: 420].

Словообразовательная адаптация заимствуемых слов на современном этапе отмечена двумя яркими особенностями. Во-первых, она имеет ускоренный характер; об этом свидетельствует интенсивное формирование на базе многих иноязычных неологизмов словообразовательных гнезд (*пиарить, пропиарить, распиарить, пиарщик*) [Безрукова 2012: 372-377]. Во-вторых, в зависимости от того, какое место занимает иноязычное слово в словообразовательной системе принимающего языка, его адаптация на этом языковом уровне проявляется в двух формах – активной и пассивной [Маринова 2008: 457]

Активная словообразовательная адаптация – это тот случай, когда иноязычный неологизм становится производящим словом для новых лексических единиц, вершиной нового словообразовательного гнезда, то есть участвует в деривации. Такая активность англоязычных заимствований очевидна и при образовании от них новых глаголов в русском языке новейшего времени. Пассивная словообразовательная адаптация – это тот случай, когда иноязычный неологизм уже в момент заимствования представляет собой в словообразовательной системе принимающего языка производное слово, то есть входит в отношения производности с однокоренным словом, заимствованным ранее (*гугл – гуглить*). Адаптация таких слов заключается в том, что, оказываясь с синхронической точки зрения производными словами, они занимают определенное место в словообразовательной системе принимающего языка (в качестве члена словообразовательной пары, ряда или гнезда) [Маринова 2008: 457-458].

Появление заимствований может регламентироваться таким законом как закон экономии речевых средств. Процесс заимствования в этом случае осуществляется не с целью номинации новых реалий, а с целью более рационального обозначения тех или иных уже известных понятий [Сенько 2007: 56].

Заимствование иноязычной лексики, как и создание новых лексических единиц, непрерывно сопутствует развитию языка – с разной активностью и динамикой, выявляемыми в потоке времени. Этот процесс, исследованный в разных его аспектах, имеет отношение не только к лексической системе (с учетом ее обогащения), но и к словообразовательным процессам в языке [Радева 2010: 245]. В общетеоретическом плане заимствование иноязычной лексики тесно связано с тенденциями развития, характеризующими словообразовательный процесс и его результаты. Исследование тенденции к интернационализации, например, раскрывает как общее, так и различное в ее проявлении в современных славянских языках, лексический состав которых испытывает активное воздействие англоязычной лексики [Радева 2010: 245].

Включение заимствованной лексики в деривационный процесс является и проявлением противоположных тенденций к стабильности и динамичности в словообразовательной системе. Динамичность, выраженная в инновационной активизации соответствующих деривационных средств и моделей, совмещается со стабильностью, обусловленной построением одинаково структурированных словообразовательных парадигм, способствующих более легкому восприятию заимствованной лексики, например, *спонсор* — *спонсорство*, *спонсировать*, *спонсорский* [Харитончик 2008: 121].

Усвоение иноязычной лексики, осознаваемой как словообразовательно оформленной, ведет к выделению и осмыслению словообразовательных средств и моделей, вхождение которых в язык зависит не только от их соответствия или противопоставления традиционной деривационной системе, но и от количества одинаково оформленных слов. Их структуры представляют собой модели новообразований, при которых воспроизводится выраженное ими структурно-семантическое отношение. И если посредством диахронного подхода выясняется происхождение и распространение новообразований в славянских языках, то в синхронном плане они интерпретируются с учетом продуктивности соответствующей модели и конкуренции неологизмов с уже использованными в славянских языках производными структурами [Радева 2010: 247-248].

Таким образом, заимствование можно рассматривать не только с точки зрения происхождения лексики. Заимствование, как и словообразование, является важным источником пополнения и обновления языка, то есть является частью процесса неологизации.

К словообразовательным неологизмам, которые являются основным объектом нашего анализа, относят неологизмы, образованные, в том числе и от заимствованных основ, по моделям русского словообразования: *продюсировать*, *спонсировать*, *пиарить*

1.3 Вопрос о связи неологизации языка и развития словообразовательной системы

Процесс неологизации происходит в рамках той комплексной единицы системы словообразования, которая называется словообразовательным типом. Несмотря на то, что словообразовательный тип – центральная единица словообразования, его сущность в работах дериватологов раскрывается неоднозначно. По мнению В. В. Лопатина, И. С. Улуханова, словообразовательный тип – это формально-семантическая схема однотипного построения слов [Русская грамматика 1980: 135], И. М. Минияровой – формально-семантическая модель производных слов [Миниярова 1997: 59], И. К. Архипова – основная схема построения производных слов определенной части речи, характеризующихся: а) общностью части речи мотивирующих слов и б) формантом – морфемой или другим словообразовательным средством, – тождественным в материальном и семантическом отношении [Архипов 1986: 57]. Различны и параметры, определяющие границы словообразовательного типа, варьирующиеся в работах дериватологов: тождество части речи, к которой принадлежат производные слова; тождество производящей части речи; единство форманта; тождество словообразовательного значения.

Например, объединение производных слов в один словообразовательный тип Е. В. Сенько осуществляет по следующим признакам: 1) общность семантического соотношения между производящими и производными, 2) тождество словообразовательного форманта. Частеречная принадлежность производящих слов рассматривается исследователем как фактор образования словообразовательной модели – варианта словообразовательного типа, наряду с факторами другого характера – фонетического и морфематического [Сенько 2007: 186]. Закономерно, что в периоды значительных общественных сдвигов, когда новые слова появляются в большом количестве, происходят изменения и в действующей системе словообразовательных типов, их роли в общем процессе образования наименований.

В своей работе мы будем опираться на понимание словообразовательного типа, обоснованное Е. А. Земской: словообразовательный тип – это единство словообразовательного значения и форманта. Производное слово в пределах словообразовательного типа «характеризуется единством части речи, тогда как исходный продукт (базовая основа) может быть взят из запасов различных частей речи» [Земская 1992].

Динамическое исследование словообразовательных подсистем стремится к переходу от констатирующего способа описания к объяснительному, от простой фиксации фактов к выявлению причин и закономерностей возникновения и развития словообразовательных явлений [Дмитриева 2012: 43]. При таком исследовании словообразовательных категорий становится возможным выход за рамки одного словообразовательного типа, что позволяет выявить динамику взаимодействия типов и их формирования [Дмитриева 2012: 44].

Динамизм и открытость – сущностные признаки любой языковой системы. Лексико-словообразовательный уровень языка также отличается этими свойствами [Первухина 2007: 3]. Процесс неологизации, то есть обновления языка, «протекает под влиянием двух факторов, один из которых связан с когнитивно-коммуникативными потребностями общества, а с другой – с особенностями внутреннего устройства языка» [Дмитриева 2016: 202]. В связи с

этим неологизация русского языка предполагает ее изучение как динамического процесса.

Исследование языковой динамики базируется на представлении о ее непрерывности, поэтому нельзя недооценивать значимость диахронических исследований по вопросам неологии [Биржакова 1972, 2010; Виноградов 1978, 1982; Горбань, Дмитриева, Косова 2015; Демьянов 1994; Дмитриева 2012, 2014; Каде 1994; Мальцева 1975; Нечаевский 2011; Тарасова 2009; Янковский 2018]. Синхронно-диахронный подход к исследованию семантико-словообразовательных процессов «позволяет историческую стабильность языковых фактов в тот или иной период осмысливать как этап в постоянном развитии языка. Часто именно на историческом материале языковеды стремятся понять, что такое развитие языка и какие особенности каждая эпоха вносит в процесс этого развития» [Дмитриева 2016: 202].

Обнаружение связей между диахронией и синхронией особенно актуально в ходе исследования динамики словообразовательных процессов и преодолении разрыва между синхронным и диахроническим словообразованием [Петрухина 2000: 70]. Все отчетливее высказывается идея о том, «что синхронное словообразование есть не что иное, как функциональный аспект словообразования вообще, что словообразование едино, и как таковое, оно по преимуществу исторично» [Трубачев 1994: 17]. При этом справедливо замечание М. В. Черепанова о том, что «противопоставление динамика – статика нельзя отождествлять с понятиями диахрония – синхрония, поскольку синхрония не статична, а динамична» [Черепанов 2004: 17]. Актуальна для нашей работы и мысль о том, что синхронное и диахроническое словообразование нельзя смешивать, но нельзя и резко противопоставлять, так как современное состояние словообразовательной системы – это только определенный фрагмент временной оси [Трубачев 1994; Николаев 1987; Дмитриева, Крючкова 2010].

В словообразовании мы имеем дело с особым видом языкового динамизма, поскольку в этом случае главное – момент появления нового слова. Динамический аспект синхронного словообразования направлен на исследование

внутрилингвистических и экстралингвистических закономерностей возникновения словообразовательных неологизмов и в конечном итоге – на исследование механизма словотворчества в его реальном функционировании [Дмитриева 2012; Черепанов 2004].

По мнению Е. В. Петрухиной, динамичность словообразовательной системы русского языка создается прежде всего за счет ее 1) лакунарности; 2) относительной асимметричности формальной и семантической структуры производного слова и допустимой нежесткости его морфемного членения; 3) увеличения количества продуктивных словообразовательных моделей, по которым узуальные слова не воспроизводятся, а образуются в речи; 4) возможности разнонаправленных производных отношений не только в дискурсе, но и в самой словообразовательной системе; 5) расширения семантики производного слова [Петрухина 2006].

Динамический подход к исследованию неологизации позволяет выявить тенденции этого процесса как в каждый из периодов языковой истории, так и в языковой диахронии в целом. Иными словами, такой подход способствует определению некоторых общих закономерностей самого процесса неологизации языка, в данном случае в одной из его лексических подсистем: глагольной.

1.4 Проблема языкового варьирования и неологизация языка

Язык – это динамическая система, которая находится в постоянном развитии. Языковые изменения часто сопровождаются варьированием, охватывающим все уровни языка, что, несомненно, свидетельствует о глобальном характере этого явления для языковой системы, о его универсальности. Проблема языкового варьирования привлекает внимание ученых не одно десятилетие, поскольку не до конца решенными остаются вопросы соотношения понятий *вариант*, *вариативность*, *варьирование* с понятием *синонимия*. Нет единства в определении критериев определения специфики варьирования. Возможно понимание вариантов как «синонимов и формально различающихся модификаций

лингвистических единиц при тождественности лексического значения» [Митяева 2015: 4]. Варианты могут рассматриваться и как «разные проявления одной и той языковой единицы, обусловленные разнообразием позиции в речевом ряду, стилистического задания, цели говорящего» [Матвеева 2010: 50]. Понятия *вариативность* и *варьирование* дифференцируются отдельными исследователями. Так, *вариативность* может трактоваться как «способность языка в процессе эволюции создавать конкурирующие средства выражения на всех уровнях его структуры: фонетическом; морфемном; лексическом и др. <...> изменение, модификацию языковых сущностей, существование двух или более вариантов одной и той же языковой единицы (фонемы, морфемы, лексем)», а *варьирование* – как «фундаментальное свойство языка, охватывающее все лингвистические единицы, в том числе и слова иноязычного происхождения; основной источник исторических изменений» [Митяева 2015: 4]. Г. Г. Ивлева отмечает, что «возможность варьирования заложена в самой природе языка <...> процесс варьирования можно считать закономерным в языке, так как он характеризует языковые единицы различных уровней и является постоянным признаком языкового развития» [Ивлева 1981: 121]. По утверждению Н. К. Власко, в последнее десятилетие прочно утвердился взгляд на варьирование как на сосуществование синхронных различий, конкурирующих форм, лежащее в основе языкового изменения: каждому изменению в языке предшествует этап сосуществования двух (старой и новой) или более модификаций форм, параллельное бытование которых и создает варьирование, приводящее к изменению, если один из вариантов закончит свое существование и заменится другим [Власко 2017: 164]. Вариативность можно рассматривать и как механизм формирования деривационных смыслов в тексте: «Вариативность является онтологическим свойством языка и позволяет описать однотипные прототипические ситуации, связанные с теми или иными мотивами, идеями, объективированными различными языковыми средствами, в том числе и деривационными» [Сидорова 2009: 324].

Причинами языкового варьирования выступают как внутренние языковые факторы, такие, как закон экономии речевых средств, закон аналогии, закон системности, так и внешние языковые факторы, например, влияние других языков.

Вариативность может проявляться как в синхронии, когда в языке существуют в определенный момент времени две или более лексические единицы, имеющие тождественную семантику, так и в диахронии, когда в одном языке в разные периоды времени для обозначения одной и той же реалии используются различные лексические единицы [Нечаевский 2011: 74].

Вопросам языкового варьирования посвящены исследования О. С. Ахмановой, Л. И. Баранниковой, З. М. Богословской, В. В. Виноградова, К. С. Горбачевича, Л. К. Граудиной, Г. Елитте, Э. П. Кадькаловой, Л. П. Крысина, В. Н. Немченко, Д. Г. Орловой [Ахманова 1957; Баранникова 1976; Богословская 2005; Виноградов 1975; Горбачевич 1978; Елитте 1994; Кадькалова 1994; Крысин 2008; Немченко 1982; Нецименко 1986, 1999, 2010; Орлова 2020; 2024] и др. Еще раз отметим, что, несмотря на многочисленные исследования по вопросам варьирования, границы понятия языковой вариант до сих пор четко не обозначены. Бесспорным признается выделение *акцентных, фонетических, фонематических вариантов*, так как вариантные отношения возникают при формальных различиях семантически тождественных языковых единиц [Богословская 2005; Горбачевич 1978]. Одним из дискуссионных аспектов проблемы вариантности является обоснование критериев выделения *словообразовательных вариантов* [Николаев 2009; Кадькалова 1994]. У исследователей нет единого мнения относительно типов варьирования, специфики преобразования вариантов в процессе исторического развития языка.

Язык развивается и совершенствуется медленно, постепенно. В этом смысле наличие вариантности, т.е. стадии сосуществования старого и нового качества, не только не вредно, но полезно, целесообразно. Варианты помогают носителям языка привыкнуть к новой форме, делают сдвиг нормы менее ощутимым и болезненным [Горбачевич 1978: 29].

Помимо того, что варианты поддерживают преемственность речевых навыков и избавляют носителей языка от слишком крутых поворотов в истории языка, многие из них вовсе не тождественны и уже поэтому не могут рассматриваться как избыточные. «Присущая вариантам особая функциональная нагрузка превращает их в важное стилистическое средство литературного языка, которое, наряду с синонимами, способствует уточнению мысли» [Горбачевич 1978: 29].

В процессе развития литературного языка количество и качество вариантов не остается постоянным. Варьирование – неизбежное следствие языковой эволюции, но не постоянное свойство конкретных языковых единиц. Колебание продолжается более или менее длительный период, после чего варианты либо расходятся в значениях, приобретая статус самостоятельных слов, либо продуктивный вариант полностью вытесняет своего конкурента [Горбачевич 1978: 30].

Под словообразовательными вариантами чаще всего понимаются «семантически тождественные языковые формы, характеризующиеся общностью корневой морфемы и различием семантически соотносительных аффиксальных морфем – префиксов и суффиксов» [Иванова 2010: 519]. В отличие от других параллельных средств языка словообразовательные варианты отвечают требованиям системности, регулярной взаимозаменяемости, функциональной эквивалентности словообразовательного значения, однородности сравниваемых структур.

Следует отметить, что представители Казанской школы обозначают словообразовательные варианты как словообразовательные синонимы, полагая, что словообразовательная синонимия – это синонимия словообразовательных типов, характеризующихся одинаковыми словообразовательными связями, проявляющимися в общности производящих основ синонимов, одинаковыми словообразовательными значениями, но разными словообразовательными средствами (синоморфемами), а создается такая синонимия противопоставлением общности производящих основ, создающих базу лексической синонимии, и

разности образующих формантов, идентичных в плане словообразовательной семантики [Николаев 2010]. Типовая словообразовательная синонимия реализуется, по мнению ряда исследователей, в разноаффиксных синонимах, связанных с общей производящей основой, и представляет пример диалектического единства в языке общего (типового, словообразовательного) и частного (единичного, лексического) [Николаев 2010; Аминова 1998].

Взгляд на словообразовательное варьирование (или словообразовательную синонимию) как на процесс позволяет выделить в истории синонимических словообразовательных типов три этапа развития: 1) формирование вариативных словообразовательных отношений, 2) тождество, когда варьирование может быть рассмотрено с синхронических позиций; 3) разрушение словообразовательной синонимии, то есть вариативных отношений [Николаев 2010].

Способность к варьированию в языке тесно связана с тенденцией к языковой экономии. По мнению Г. П. Нецименко, тенденция вариативности подготавливает почву для возникновения языковой экономии: в ходе их взаимодействия происходит обновление языка, устраняются избыточные, дублирующие и устаревающие варианты [Нецименко 2010]. Основным инструментом реализации языковой экономии является конкуренция, в ходе которой осуществляется отбор наиболее подходящих вариантов и устраняются варианты избыточные. В связи с этим явление конкуренции становится важным для неологизации и словообразования. Конкурирование единиц возникает на стыке двух важнейших тенденций: варьирования языковых единиц и языковой экономии, весьма характерных для процесса неологизации [Нецименко 2010].

В процессе развития языка дублирующие как явления избыточные с точки зрения действия закона языковой экономии должны утрачиваться, либо разграничиваться по сфере своего использования: «в языке не могут существовать две различные формы, имеющие одну и ту же функцию <...>. Когда одна и та же идея или же отношение с тем же самым смысловым и аффективным содержанием передавались по фонетическим соображениям или же вследствие диалектного

различия двумя вариантами, действовала тенденция употребление каждого варианта с оттенком. В противном случае один вариант должен был исчезнуть» [Нещименко 2010] и «две заменяющие формы <...> должны представлять, помимо тождества значений, полную разнородность означающих и абсолютное тождество функций. Редко случается, что эти условия удовлетворялись одновременно» [Нещименко 2010].

С точки зрения Г. П. Нещименко, факт появления вариантов сигнализирует о том, что языковая система находится в определенном напряжении и повышенной динамичности. В свою очередь, конкуренция вариантов, приводящая к размежеванию дублетов, позволяет преодолеть напряжение в языковой системе [Нещименко 2010: 121].

Важным условием для возникновения словообразовательной конкуренции является сосуществование в едином временном пространстве тождественных в семантическом и стилистическом отношениях производных, соотносимых с одной и той же производящей основой и отличающихся друг от друга только видом словообразовательного форманта. Нарушение этих условий незамедлительно влечет за собой прекращение конкуренции [Нещименко 2010: 121]. Словообразовательная конкуренция – явление, возникающее в рамках одного и того же синхронного среза, в определенном смысле это сиюминутное состояние, которое в скором времени завершается размежеванием вариантов. В связи с этим для исследователя чрезвычайно важно «поймать» момент сосуществования вариантов. В связи с этим важно учитывать, что, оставаясь в рамках синхронного рассмотрения, мы можем лишь «нащупать» направленность синхронной динамики. «Получить достоверную информацию о том, какой из хронологически совмещенных конкурентов имеет наибольшую перспективу выживания, включения в состав литературной нормы, весьма трудно» [Нещименко 2010: 122]. Именно поэтому целесообразно привлекать данные диахронного сопоставления сменяющих друг друга синхронных срезов для установления результатов итога конкуренции словообразовательных вариантов. Г. П. Нещименко отмечает следующую закономерность: чем выше частотность

употребления тех или иных слов, тем быстрее протекает разделение формантов по степени их продуктивности, тем быстрее отсеиваются варианты с менее жизнеспособными формантами [Нещименко 2010: 123].

Понимание словообразовательного варьирования как передачи одинаковых или максимально близких словообразовательных значений разными формальными способами определяет нашу концептуальную позицию.

Выводы из главы 1

1. Исследование неологической динамики требует ряда терминологических и методологических уточнений. В нашей работе мы будем использовать термин неологизм для характеристики словообразовательных неологизмов и неологизмов, появившихся путем заимствования, а также термин новообразование для характеристики словообразовательных неологизмов, неологизм-заимствование или заимствование для вхождений из других языков. Под неологизмом мы понимаем новые слова, называющие новые явления, понятия, появившиеся в определенный исторический период, не фиксируемые ранее толковыми словарями.

2. Заимствование иноязычной лексики, как и создание новых лексических единиц, непрерывно сопутствует развитию языка – с разной активностью и динамикой, выявляемыми в потоке времени. Этот процесс имеет отношение не только к лексической системе, но и к словообразовательным процессам в языке, поскольку заимствованное слово проходит процесс словообразовательной адаптации. Усвоение иноязычной лексики как словообразовательно оформленной ведет к выделению и осмыслению словообразовательных средств и моделей.

3. При синхронно-диахронном исследовании процесса словообразовательной неологизации глагольной подсистемы русского языка становится возможным выход за рамки одного словообразовательного типа, что позволяет выявить динамику взаимодействия типов и их формирования. Возможно выявить и тенденции взаимодействия разных способов словообразования в ходе неологизации языка.

4. Одним из важных процессов, сопровождающих неологизацию языка, является процесс словообразовательного варьирования, причинами которого выступают как собственно лингвистические, так и экстралингвистические факторы. Понимание словообразовательного варьирования как передачи одинаковых или максимально близких словообразовательных значений разными формальными способами» является определяющим для нашего исследования.

5. Для анализа суффиксальной глагольной лексики используются следующие рабочие понятия: *лексическое значение слова* (отражение в слове того или иного явления действительности: предмета, события, качества, действия, отношения); *лексико-семантическая группа* (организация слов, объединенная базовым семантическим компонентом, который обозначает класс классов предметов, признаков, процессов, отношений); *лексико-семантическое поле* (самая крупная лексико-семантическая парадигма, объединяющая слова, соотносимые с одним фрагментом действительности и имеющие признак (общую сему) в лексическом значении); *словообразовательное значение* (языковое значение, представленное в словообразовательном типе); *словообразовательная модель* (схема построения производных слов, относящихся к одному словообразовательному типу, которая включает производящую базу, формант, морфонологические особенности); *словообразовательный тип* (единство словообразовательного значения, форманта, части речи производного слова).

В качестве ориентира для отнесения глагольных неологизмов к лексико-семантическим полям и лексико-семантическим группам был использован словарь Л. Г. Бабенко «Толковый словарь русских глаголов» [см. список словарей и источников]. В ходе описания словообразовательных типов и определения словообразовательных значений новообразований мы опирались на описание производных глаголов, данное в монографии И. С. Улуханова «Глагольное словообразование современного русского языка. Т. 1: Глаголы, мотивированные именами и междометиями» [Улуханов 2015], а также на данные «Словаря словообразовательных аффиксов современного русского языка» В. В. Лопатина, И.С. Улуханова [см. список словарей источников].

ГЛАВА 2

НЕОЛОГИЗАЦИЯ РУССКОЙ ГЛАГОЛЬНОЙ ЛЕКСИКИ КАК СИНХРОННО-ДИАХРОННЫЙ ПРОЦЕСС (СУФФИКСАЛЬНЫЕ ГЛАГОЛЬНЫЕ НОВООБРАЗОВАНИЯ)

2.1 Формирование подсистемы глагольных неологизмов в старорусском языке (XV – XVII вв.)

Обоснование статуса неологизма, как уже отмечалось в 1 главе, определяется рядом факторов, главным из которых является степень освоения речевой практикой, фактор новизны. Слово может в процессе развития языка осваиваться системой и утрачивать свою новизну, то есть теряет статус неологизма, может вступать в активные словопроизводственные отношения и полностью осваиваться системой, а может остаться примером единичного употребления, сохраняя свою уникальность.

Синхронно-диахронный анализ базируется на представлении о непрерывности словообразовательной динамики. Исходя из представления о том, что каждый исторический период становится отдельным этапом в постоянном развитии языка, рассматривая каждый этап как относительно статичное состояние в постоянной динамике языка, мы можем выявить и описать те языковые явления, которые могут считаться новыми именно для данного периода языкового развития.

Старорусский период в истории русского литературного языка имеет хронологические границы XV–XVII вв., следуя за древнерусским периодом (XI–XIV вв.). Новый этап языкового развития сопровождается значительными изменениями в лексическом составе языка. Материал «Словаря русского языка XI–XVII вв.» позволяет выделить как неологизмы старорусского языка те глаголы, которые входят в употребление, начиная с XV века. О времени

появления нового слова именно в старорусском языке позволяет судить словарная отсылка к самому раннему его употреблению в текстах. «Словарь русского языка XI–XVII вв.» использовался нами как основной источник неологического глагольного материала, относящегося к старорусскому периоду. Репрезентативность отобранного методом сплошной выборки старорусского материала подтверждается не только его хронологическим соотношением с древнерусским материалом лексикографического источника, но и использованием данных «Словаря древнерусского языка XI–XIV вв.», который отличается наибольшей полнотой включения текстовых источников.

Общее количество новообразований, извлеченных из «Словаря русского языка XI–XVII вв.», статус которых определен нами как старорусские глагольные неологизмы, – 330 лексических единиц.

В исследованиях по историческому глагольному словообразованию показано, что в древнерусском языке непрямые глаголы, составляющие базу глагольного производства, большей частью относились к семантическому полю действия [Дмитриева, Крючкова 2010]. В основном это были глаголы с общей семантикой физического воздействия на объект (конструктивного или деструктивного), относящиеся к общеиндоевропейскому или общеславянскому лексическому фонду. Они составляли основной массив глагольной лексики наряду с глаголами перемещения и являлись производящей базой для префиксальных новообразований.

В старорусском языке образование новых суффиксальных глаголов продолжилось в границах *лексико-семантического поля действия* (125 новообразований), значительная часть которого – это отыменные суффиксальные новообразования с общей семантикой преобразования, изменения объекта.

Глаголы данного поля являлись преимущественно переходными глаголами несовершенного вида, которые могут быть объединены в следующие *лексико-семантические группы*:

1. Глаголы *покрытия объекта* со значением «покрывать один объект другим, располагая покрывающий объект сверху, вдоль, сплошь по всей

поверхности другого (покрываемого) объекта» относятся к следующим словообразовательным типам:

1) глаголы с суффиксом *-и-*, мотивированные прилагательными, со словообразовательным значением ‘действовать так, чтобы объект имел признак, названный мотивирующим прилагательным, или большую степень этого признака’: *зелен-и-ти* ‘покрывать, окрашивать зеленой краской, зеленить’ («Потомъ красить или *зеленить* и заголовки плести, одѣвать кожу. Си. Перепл. худ., 22» [СлРЯХІ-ХVII вв., вып. 5: 369]);

2) глаголы с суффиксом *-и-*, мотивированные существительными, со словообразовательным значением ‘покрывать объект чем-нибудь (делать так, чтобы объект имел что-нибудь на поверхности)’: *дерн-и-ти* ‘покрывать дерном’ («И нынѣ де крестьяне и посадцкие люди... старыя межи и признаки межевые съкутъ и осѣки старыя *дернятъ*. А. Уст. II, 8» [СлРЯ ХІ-ХVII вв., вып. 4: 230]); *серебр-и-ти* ‘покрывать серебром, но не листовым, а растворенным, большей частью, в ртути’ («Евангиліе опракосъ писменое, верхняя цка обложена серебромъ съ сканью, на ней образъ Распятіе, по полямъ Святыя литы, *серебрены* позолочены, жюки и застежки серебрены, позолочены, оболочено отласомъ червчетымъ» Опись Московского Успенского собора (1627) [НКРЯ]);

3) глаголы с суффиксом *-ова-*, мотивированные существительными, со словообразовательным значением ‘покрывать объект чем-нибудь (делать так, чтобы объект имел что-нибудь на поверхности)’: *грунт-ова-ти* ‘класть грунт, первый слой краски, фон’ («Въ ту же церковь Соешества св. духа кормовые золотари *грунтовали*... иконостасъ столярской. Заб. Дом. быт, I, 614» [СлРЯ ХІ-ХVII вв., вып. 4: 147]); *полимент-ова-ти* ‘покрывать полиментом’ («Въ ту же церковь... кормовое: золотари грунтовали и *полументовали*... иконостасъ. Заб. Дом. быт, I, 614» [СлРЯ ХІ-ХVII вв., вып. 16: 217]).

2. Глаголы *физического воздействия на объект* подразделяются на несколько подгрупп:

2.1. Глаголы *обработки и рытья* со значением «обрабатывать что-л. (почву или какой-л. материал) при помощи специальных инструментов) относятся к следующим словообразовательным типам:

1) глаголы с суффиксом *-ова-*, мотивированные существительными, со словообразовательным значением ‘действовать с помощью чего-нибудь’: *борон-ова-ти* ‘бороновать’¹ («рыхлить бороной вспаханную землю» [БТС 2000: 92]) («И в нынѣшнем во 193-м году кр(е)стьяне Андрѣя Ильича, которая досталас(ь) на половину Андрѣя Ильича, тое землю попахали; и ч(е)л(о)в(е)к Федора Ильича Ивашка Чемислаев пахоную землю побарановал; и ч(е)л(о)в(е)к Андрѣя Ильича Ивашко Фомин стал ему говорит(ь), что для чево пахоную землю *боронует*, и он ему сказал со кр(е)стьяны своими: полно де вам шеловат(ь), есть де у нас нынѣ засту {л. 60 об.} па вверху» Грамотка приказчика М. Антипьева в с. Спасское (1685.07.23) [НКРЯ]);

2) глаголы с суффиксом *-и-*, мотивированные существительными, со словообразовательным значением ‘действовать с помощью чего-нибудь’: *борон-и-ти* ‘боронить’ («рыхлить бороной вспаханную землю») («Здес(ь) в вашей, г(о)с(у)д(а)рь, вотчины рож(ь) аржаной корен(ь) десятинах на пяти добра, а [и]ная, г(о)с(у)д(а)рь, корен(ь) недобры. Аеровую, г(о)с(у)д(а)рь, пашню *бороним*» Грамотка старосты А. Опарина из д. Мартинкова (1681.04—1681.05) [НКРЯ]).

2.2. Глаголы с общей семантикой *отрицательного воздействия на объект* включаются в словообразовательные типы:

1) глаголы с суффиксом *-ова-*, мотивированные существительными, со словообразовательным значением ‘действие, имеющее отношение к тому, что названо мотивирующим существительным’: *камен-ова-ти* ‘убивать, забрасывая камнями (род публичной казни)’ («Далече от тѣхъ [ворот], якр ступеней 200, есть мѣсто идѣже *каменоваши* первомученика Стефана. Проскинитарий Арс. К.,

¹ В «Словаре русского языка XI–XVII вв.» лексика подразделяется на три группы по характеру словарной дефиниции: 1) лексика, которая исчезла из языка вместе с реалиями и т.п., имеет описательное толкование; 2) лексика, которая сохранилась в современном русском языке, но при этом имеет иное значение, трактуется через синонимы; 3) лексика, которая сохранилась в своем основном значении в современном русском языке, трактуется через повтор слова. В связи с этим для лексики третьей группы будем давать в скобках современное значение, взятое из Большого толкового словаря [БТС 2000].

43» [СлРЯ XI-XVII вв., вып. 7: 43]); *колес-ова-ти* ‘подвергнуть пытке, казнить, распяв на колесе, колесовать’ («И для кого они за такие свои проклятыя дѣла и вымысли вящшимъ мучениемъ и *колесованы*. О смят. Тороп., 573 [СлРЯ XI-XVII вв., вып. 7: 237]);

2) глаголы с суффиксом *-ева-*, мотивированные существительными, со словообразовательным значением ‘действие, имеющее отношение к тому, что названо мотивирующим существительным’: *бич-ева-ти* ‘наносить удары бичом, сечь’ («Въ томъ же костелѣ на правой сторонѣ въ притворѣ есть столбѣ, у котораго былъ спаситель нашъ Христосъ привязанъ отъ евреевъ и *бичеванъ*. Дн. П. Толстого, 239[СлРЯ XI-XVII вв., вып. 1: 190]).

2.3. Глаголы с семантикой *покрытия поверхности объекта* «пропитывать что-л. какой-л. жидкостью, веществом, смачивая, натирая, насыщая чем-л. с определенной целью» относятся к словообразовательному типу производных глаголов с суффиксом *-и-*, мотивированных существительными, со словообразовательным значением ‘действие, имеющее отношение к тому, что названо мотивирующим существительным’: *смолити* ‘покрывать, пропитывать смолой; смолить’ («Дал... восемь денег, что старец Орефа на Сиий суды *смолил*. Кн. прих.-расх. Ант. м. №1, 36 об.» [СлРЯ XI-XVII вв., вып. 25: 203]).

3. Глаголы *создания объекта*:

3.1. Глаголы *создания объекта в результате физического труда* со значением «изготавливать, производить, делать что-л. при помощи каких-л. орудий и прилагая физические усилия» относятся к следующим словообразовательным типам:

1) глаголы с суффиксом *-и-*, мотивированные существительными, со словообразовательным значением ‘создавать что-нибудь, имеющее отношение к объекту (делать так, чтобы существовало что-нибудь, имеющее отношение к объекту)’: *брус-и-ти* ‘обтесывать или опиливать (бревна), изготавливая брусья’ («А будетъ которые бревна объявятца длиною и толщиною противъ большой, или хотя противъ малой росписи, и онъ бы тѣ бревна велѣлъ *брусить*. ДТП I, 1069» [СлРЯ XI-XVII вв., вып. 1: 340]); *плот-и-ти* ‘создавать, связывать плоты, плотить’

(«Кладуть ихъ хрестьяне дрова на рекѣ на своемъ берегу да *плотять* деи плоты по своимъ берегомъ. Арх. Стр. I, 131» [СлРЯ XI-XVII вв., вып. 15: 102]);

2) глаголы с суффиксом *-а-*, мотивированные существительными, со словообразовательным значением ‘создавать что-нибудь, имеющее отношение к объекту (делать так, чтобы существовало что-нибудь, имеющее отношение к объекту)’: *плот-а-ти* ‘соединять, связывать в плоты’ («И велѣтъ пѣшимъ бревна на дрова ранишь, а коннымъ возить на пристани рѣки Хопра, гдѣ пристойно и гдѣ бы моно плоты *плотать* съ великимъ поспѣшениемъ. (Гр. ц. Петра) Тамб. арх. XIX, 60» [СлРЯ XI-XVII вв., вып. 15: 101]).

3.2. Глаголы с семантикой *созидательного интеллектуального труда* «создавать, производить что-л. в результате интеллектуального труда, творчески работая над чем-л.» относятся к словообразовательному типу производных глаголов с суффиксом *-ствова-*, мотивированных существительными, со словообразовательным значением ‘создавать что-нибудь, имеющее отношение к объекту (делать так, чтобы существовало что-нибудь, имеющее отношение к объекту)’: *закон-ствова-ти* ‘устанавливать законы’ («Аггль же гнь рече к нему: лукавне и прелестъне, *законьствуяи* снѣ члчѣ судить по праву. ВМЧ, Дек. 1-5, 96» [СлРЯ XI-XVII вв., вып. 5: 222]).

В старорусский период процесс суффиксальной глагольной неологизации расширяет границы за счет включения глаголов *лексико- семантического поля деятельности и поведения* (82 новообразования). Глаголы с общей семантикой деятельности (социальной, профессиональной, речевой) и поведения человека в древнерусском языке составляли незначительную, примерно, десятую часть от общего числа глаголов производящей базы [Дмитриева, Крючкова 2010]. Для этой глагольной группы характерны такие функционально-грамматические признаки, как процессуальность, непереходность, то есть отсутствие значений объектной направленности действия, отсутствие значения выраженного предела и общая семантика «исполнять обязанности того, кто назван производящей основой», «быть тем, кто назван производящей основой», «заниматься тем, что названо

производящей основой», «поступать так, как названо производящей основой», «вести себя так, как названо производящей основой» и под. [Кадькалова 2007].

1. Глаголы *профессионально-трудовой деятельности* со значением «работать кем-л., в какой-л. должности, выполнять какие-л. профессиональные обязанности, заниматься каким-л. трудом (физическим и (или) умственным), применяя свои знания, опыт на практике» образуются в границах следующих словообразовательных типов:

1) глаголы с суффиксом *-ова-*, мотивированные существительными, со словообразовательным значением ‘совершать действие, свойственное кому-нибудь, состоя на службе (работать кем)’: *государств-ова-ти* ‘управлять государством, быть государем’ («И толко ты государски не учинишь, а тем не пожалуешь, и что еси с отцом нашим и з братьею с моею и со мною о чем говорил, и ты того нам поступися, в кою пору ты *государствуешь*» Посольская книги по связям Московского государства с Ногайской Ордой. Книга 5-я (1557—1561) [НКРЯ]); *повар-ова-ти* ‘стряпать, варить пищу; заниматься ремеслом повара’ («Поваром... что онѣ *поваровали* в столовой кельи и в задней избы, дано имѣ рублб денег. (Кн. прих.-расх. Б.д.) Арх. Он» [СлРЯ XI-XVII вв., вып. 15: 140]);

2) глаголы с суффиксом *-а-*, мотивированные существительными, со словообразовательным значением ‘совершать действие, свойственное кому-нибудь, состоя на службе (работать кем-л.)’: *истобнич-а-ти* ‘исполнять обязанности истобника’ («Дано истобнику Микулкѣ Максимову сн Лукавникавскому оброку рубль, послан к Москвѣ *истобничат<ь>*. Порука по нем Истома Курбатов да Дементей Сеславин. Кн. прих.-расх. Волокол. №3, 116» [СлРЯ XI-XVII вв., вып. 6: 324]); *половнич-а-ти* ‘обрабатывать взятый в аренду земельный участок за половину урожая; быть половником’ («177, сентября въ 2 день, извѣщаль великому государю царю и великому князю Алексѣю Михайловичю, всеа Великія и Малыя и Бѣлыя Росіи самодержцу, а на Кунгурѣ въ сѣзжей избѣ передъ воеводою Тимоѣемъ Тарасьевичемъ Одинцовымъ словесно Кунгурского уѣзду деревни Степанова Городища крестьянимъ Ѳедка Воронинѣ

тое жь деревни на крестьянина Ѡедьку Ѡедосова: тому недѣли съ четыре говорилъ онъ Ѡедка, что де онъ *половничаютъ* и хлѣбъ пашеть все изъ-полу Усолского на Обвинского кресьянина; и за прошлый де годъ ему Ѡедкѣ дать Обвинцу всякого хлѣба 10 мѣрь, а нынѣ де всякой хлѣбъ онъ сѣяль на него жь Обвинца изъ-полу; а тѣ де Обвенцы хлѣбъ сѣять даютъ изъ-полу на ихъ кунгурскихъ оброчныхъ земляхъ, а тягла съ ними не платятъ» судное дело «По спору двухъ крестьян о половничьемъ хлебе» (1668.09.02) [НКРЯ];

3) глаголы с суффиксом *-и-*, мотивированные существительными, со словообразовательным значением ‘совершать действие, свойственное кому-нибудь, состоя на службе (работать кем-л.)’: *дьяч-и-ти* ‘отправлять обязанности дьячка’ («И ты бы пожаловал, ранее нас наказал, занеже тот поп не поет ныне у тое церкви, у которой тот дьяк *диячитъ*» Послание Геннадия (Гонзова) «Формулярный извод послания новгородского архиепископа Геннадия [Гонзова] митрополиту Симону по поводу грамоты, присланной великим князем Василием Ивановичем в Новгород великокняжескому дьяку Ивану Сумороку, о дьяконе-двоеженце» (1502—1503) [НКРЯ]); *скорняч-и-ти* ‘заниматься ремеслом скорняка’ («Дворишко бобыля Гришки Ерофеева, въ длину и съ огородомъ 28 с<ажен>, поперегъ 8 с<ажен>, *скорнячитъ*; а нынѣ скопанъ въ ровъ. Кн. пер.Рост., 13» [СлРЯ XI-XVII вв., вып. 24: 242]);

4) глаголы с суффиксом *-ствова-*, мотивированные существительными, со словообразовательным значением ‘совершать действие, свойственное кому-нибудь, состоя на службе (работать кем -л.)’: *пономар-ствова-ти* ‘исполнять обязанности пономаря’ («Пребысть у церкви... *понамарьствуя*. Ж. Дан. Пер., 63» [СлРЯ XI-XVII вв., вып. 17: 111]); *посоль-ствова-ти* ‘исполнять обязанности посла’ («А ныне, утвердяся на своих государствах, послал посла своего *посольствовати* и говорити о таких делех, которым пригож быти для содержанья любви и дружбы, которые были меж их предками долго, и чтоб меж их подданных на обе стороны была торговля» Выписка в посольском приказе об англо-русских отношениях в XVI–XVII вв. (1615.01.03) [НКРЯ]).

2. Глаголы *поступка и поведения* со значением «вести себя каким-л. образом, поступать как-л.» относятся к следующим словообразовательным типам:

1) глаголы с суффиксом **-и-**, мотивированные существительными, со словообразовательным значением ‘совершать действие, свойственное кому-нибудь’: *пророч-и-ти* ‘предсказывать, предвещать’ («Настоить бо время, яко вдовѣство приять церковь: пастыри, яко наемницы, извержени будутъ, ниже совершенное сѣдалище кто утвердить во святѣй сей церкви Божия Матери, ниже аще хто от нихъ погребен имать быти». Якоже **пророче** святый – тако и бысть! И возложиша на святаго одѣяние иноческое многошвенное и раздранное, и изгнаша его из церкви яко злодѣя, и посадиша его на злосмрадна возила рѣюще, и везуще внѣ града, ругающесе ему» Житие митрополита Филиппа (1591—1597) [НКРЯ]);

2) глаголы с суффиксом **-а-**, мотивированные существительными, со словообразовательным значением ‘совершать действие, свойственное кому-нибудь’: *бражнич-а-ти* ‘пьянствовать, бражничать’ («Да писал ты, г(о)с(у)д(а)рь, ко мнѣ холопу своему, што я по гарад[а]м не ѣжю, пью и **бражничею**» Грамотка приказчика А. Казакова и старост И. Петрова и К. Акулова из д. Тельчья (1681.04.21) [НКРЯ]); *своднич-а-ти* ‘заниматься сводничеством, сводничать’ («Да она жъ де Овдотья воруетъ х братьями своими и ею Дарьею та ж Овдотья братьям своимъ **сводничаютъ**, а какъ она ею им сводничала, тому нне четвертой год. МДБП, 238» [СлРЯ XI-XVII вв., вып. 1: 183]);

3) глаголы с суффиксом **-ствова-**, мотивированные существительными, со словообразовательным значением ‘совершать действие, свойственное кому-нибудь’: *приятель-ствова-ти* ‘быть другом, доброжелательствовать’ («Тѣм же и мнози многажды с лестию приѣждяюще и творящесе **приятелствующе** и многажды сказующе дѣемая и умышляемая ими» Сказание Авраамия Палицына «Сказание об осаде Троице-Сергиева монастыря» (1620) [НКРЯ]); *предатель-ствова-ти* ‘предать кого-л., изменить чему-л.’ («Изволяше [Лазарь] паче умрѣти въ злыхъ онѣхъ, нежели благочестиа малу нѣкую чясть **предательствовати** (πρόδοῦναι). (Маргарит) ВМЧ, Сент. 14-24, 954» [СлРЯ XI-XVII вв., вып. 7: 175]);

4) глаголы с суффиксом **-ова-**, мотивированные существительными, со словообразовательным значением ‘совершать действие, свойственное кому-, чему-нибудь, субъект действия не является кем-, чем-нибудь (неодобрительная оценка действия)’: *козн-ова-ти* ‘замышлять зло, строить козни’ («Такоже и вси словене ругхиньстии всегда с ними коз<н>оваху... приступиши къ граду. ВМЧ, Окт. 19-31, 1936» [СлРЯ XI-XVII вв. 1980: 226]);

5) глаголы с суффиксом **-ствова-**, мотивированные прилагательными, со словообразовательным значением ‘совершать действие, свойственное тому, кто имеет признак, названный мотивирующим прилагательным’: *буй-ствова-ти* ‘поступать заносчиво, безрассудно’ («Святому же Марку еще глаголющу к ним: «О латыни, доколе *буйствуете* и неправду мудрствуете, и на святых {л. 315} седми соборов глаголюще, и отрекающесь святых седми папезов и святых отец заповеди, яко же заповедаваше нам православным христианом блюсти и хранити семь соборов святым первым папою Селивестром и Андреяном» Холмогорская летопись (1540—1560) [НКРЯ]).

Значительная активизация **семантического поля состояния** (85 новообразований) глагольной семантико-словообразовательной подсистемы — заметная тенденция процесса неологизации в старорусский период. В первую очередь это относится к глаголам с общим эволютивным значением изменения, становления, приобретения признака. Уже в древнерусском языке сформировалась отадъективная модель образования объектных эволютивных глаголов с суффиксами **-и-** или **-а-** со значением «сделать таким, как названо производящим прилагательным».

Неологизация старорусской глагольной лексики за счет новообразований, относящихся к семантическому полю состояния, может быть представлена в границах следующих лексико-семантических групп:

1.1. Глаголы становления качества:

1.1.1. Глаголы становления **физического качества** со значением «приобретать какие-л. физические признаки, становиться каким-л. по форме, цвету, структуре» относятся к следующим словообразовательным типам:

1) глаголы с суффиксом **-ть-**, мотивированные прилагательными, со словообразовательным значением ‘становиться каким или более каким’: *водян-ть-ти* ‘становиться водянистым’ («Отъ того понемногу кровь *водънѣеть* и холодъ бываетъ; ла отъ того же цынга и иные мокроты родятся. АИ III, 404» [СлРЯ XI-XVII вв. 1975: 260]); *тверд-ть-ти* ‘становиться твердым, плотным’ («Мы видѣхомъ лимоны, финики только поспѣли, а принч поспѣваетъ, – иной упадетъ, а иной наливаютъ, такожь мы видѣхомъ въ молокоѣ мало *твердѣеть*. Арс.Сух.Проскинитарий, 36» [СлРЯ XI-XVII вв. 2011: 234]);

2) глаголы с суффиксом **-ну-**, мотивированные прилагательными и объединенные общим словообразовательным значением ‘становиться каким или более каким’: *кис-ну-ти* ‘становиться кислым; бродить’ («Вино которое *киснетъ*. Травник Любч., 705» [СлРЯ XI-XVII вв., вып. 2: 139]);

3) глаголы с суффиксом **-и-**, мотивированные прилагательными, со словообразовательным значением ‘становиться каким или более каким’: *влаж-и-ти* ‘становиться влажным, сочным’ («Колико гроздь *влажитъ* во единой части, толико иная изсушаетъ во оной части. Альб., 35 об.» [СлРЯ XI-XVII вв., вып. 2: 214]).

1.1.2. Глаголы *становления и проявления цветового признака* со значением «становиться какого-л. цвета, приобретать какой-л. оттенок, выделяться своим цветом» относятся к словообразовательному типу производных с суффиксом **-ть-**, мотивированных прилагательными, со словообразовательным значением ‘становиться каким или более каким’: *бѣл-ть-ти* ‘светлеть, становиться белым’ («А какъ тотъ человекъ позанеможетъ, то корольки красные *бѣлѣти* стануть; а какъ поздоровѣетъ тотъ же человекъ, такъ корольки опять стануть черлены. Леч. III, 162» [СлРЯ XI-XVII вв., вып. 1: 131]); *желт-ть-ти* ‘желтеть’ («становиться желтым») («Иктеръ есть болѣзнь, егда тѣло недугует, и очи *желтѣют*. Алф.¹, 96» [СлРЯ XI-XVII вв., вып. 5: 85]).

1.1.3. Новые глаголы с семантикой *становления внешних признаков человека* «приобретать какие-л. внешние признаки (черты лица, фигуры), становиться каким-л. по этим признакам (о человеке)» образовывались в рамках

СТ со словообразовательным значением ‘становиться каким или более каким’, образованных с помощью суффикса **-ть-** от прилагательных: *молод-ть-ти* ‘молодеть’ («приобретать более молодой вид, чувствовать себя моложе») («Тако ж кто ктроп есть по вся дни таковы человекъ *молодееть*. Леч. II, гл. 57[СлРЯ XI-XVII вв., вып. 9: 248]); *тон-ть-ти* ‘становиться более худым, худеть’ («Еще и то бываетъ, что лицо тоеѣтъ, глаза впадывають скоро. Леч. II, гд. 330» [СлРЯ XI-XVII вв., вып. 30: 27]).

1.1.4. Глаголы *становления внутренних качеств человека* со значением «приобретать какие-л. внутренние качества, свойства (о человеке); становиться каким-л. по характеру, склонностям, душевной организации» относятся к трем словообразовательным типам:

1) глаголы с суффиксом **-ть-**, мотивированные прилагательными, со словообразовательным значением ‘становиться каким или более каким’: *мудр-ть-ти* ‘обретать разум’ («И положиша и на единой странѣ въ цркви, донелѣж<е> прииде в с. И потомъ малы нача вопити и *мудръти* съ стыдѣнием и многа разума, исповѣдуяся, исполнь сы. ВМЧ, Апр. 22-30, 820» [СлРЯ XI-XVII вв., вып. 9: 294]);

2) глаголы с суффиксом **-а-**, мотивированные прилагательными, со словообразовательным значением ‘становиться каким или более каким’: *дич-а-ти* ‘становиться диким, свирепеть’ («*Дичаю* – свирѣпствую. Алф.¹, 63 об» [СлРЯ XI-XVII вв., вып. 4: 247]);

3) глаголы с суффиксом **-ну-**, мотивированные прилагательными, со словообразовательным значением ‘становиться каким или более каким’: *креп-ну-ти* ‘становиться стойким, мужественным’ («К симъ множайшими утѣшении укрѣпляше я, блаженный Назарий рече: да мужайтася и *крѣпнеть* сердце ваше. ВМЧ, Окт. 4-18, 962» [СлРЯ XI-XVII вв., вып. 8: 35]).

1.1.5. Глаголы с общей семантикой *становления социальных качеств* «приобретать какие-л. социальные признаки, становиться каким-л. в представлении окружающих, общества» относятся к словообразовательному типу производных глаголов с суффиксом **-ть-**, мотивированных прилагательными и имеющих словообразовательное значение ‘становиться каким или более каким’:

сирот-ть-ти ‘то же, что сиротствовати (быть (стать) сиротой, одиноким, беззащитным человеком’ («И дѣтямъ моимъ **сиротѣть**, развѣ надежда наша владыко Христоръ кого дастъ приизрателя! Переп.Хован., 429» [СлРЯ XI-XVII вв., вып. 24: 157]).

2.2. Полагаем правомерным выделение в качестве самостоятельной лексико-семантической группы глаголов с общим значением *проявления признака*:

2.2.1. Глаголы *проявления качества* СТ с суффиксом **-ствова-**, мотивированные существительными, со словообразовательным значением ‘приобретать признак чего-нибудь’: *аромат-ствова-ти* ‘благоухать’ («Из рая вѣтреным дыханием благовоние изходящее ближайшая тамошних мѣст дерева **ароматствовати** творят. Скрижаль, IV, 68» [СлРЯ XI-XVII вв., вып. 1: 48]).

2.2.2. Глаголы *изменения качественного признака* «делать кого-, что-л. или становиться иным, отличным от имеющегося или имевшегося по виду, форме относятся

1) к словообразовательному отадъективному типу с суффиксом **-и-**, со словообразовательным значением ‘действовать так, чтобы объект имел признак, названный мотивирующим прилагательным или большую степень этого признака’: *мокр-и-ти* ‘делать мокрым’ («Ибо и мати любочадна хотящи млѣкомъ питаемое отрояч къ твердѣи привси пищи, аще убо напрасно вѣлѣеть въ уста ему нерастворенное, ничтоже успѣваетъ, исплевающу отрочыту даемо и **мокрышу** по персехъ одежду. ВМЧ, Сент. 14-24, 1058» [СлРЯ XI-XVII вв., вып. 9: 236]); *поган-и-ти* ‘осквернять, делать нечистым’ («А на воду бы лошади водити брежно, робята бы на них не гоняли, и вываляти, и вычесати, и на дворе из жолоба овсомъ передъ собою кормити, и попонами терти, и покрыти, а лете подкупывати и холодити; а коровамъ и гусем, и уткамъ, и курамъ, и свиньямъ, и сабакамъ кормъ давати и в хлѣвы солома слати и подгребати, и поити – вода ставити, а животине и собакамъ, и куrom на то свои суды держати, а чистых судовъ не **поганити**» Домострой (1500—1560) [НКРЯ]);

2) к словообразовательному типу глаголов с суффиксом **-и-**, мотивированных существительными, со словообразовательным значением ‘действовать так, чтобы объект имел свойство, названное мотивирующим существительным’: *мгл-и-ти* ‘делать сумрачным, омрачать настроение’ («Множит боленя очию и званенью по ушию... и иных многих немощей, и болячки родит, хто яст на вечери. А наибольшей хто яст, а жажды не держит, и тое *мглиит* человека. Леч. IV, 77» [СлРЯ XI-XVII вв., вып. 9: 52]); *мрач-и-ти* ‘лишать света, погружать во мрак, затемнять’ («Ц[а]рь ево на патриаршество зоветь, а онъ бытто не хочеть, *мрачил* ц[а]ря и людей, а со Анною по ночам укладывають как чему быть, и много пружався со дьяволом, взошелъ на патриаршество б[о]жиимъ попущением, укрепя ц[а]ря своим кознованиемъ и клятвою лукавою» Житие протопопа Аввакума «Житие протопопа Аввакума, им самим написанное» (1672—1675) [НКРЯ]).

2.2.3. Глаголы ЛСГ *изменения количественного признака* «делаться больше, крупнее, значительнее или меньше по величине, объему, количеству, продолжительности, значимости» образуются от прилагательных при помощи суффиксального формант **-ть-** и относятся к СТ со словообразовательным значением ‘становиться каким или более каким’: *мал-ть-ти* ‘уменьшаться в числе’ («И какъ, государь, куровъ почело *малеть*, и я, холопъ твой, кречетникомъ... говорилъ, что куровъ на Саратове оставаецца немного. Посольство Жир.-Засекина, 132» [СлРЯ XI-XVII вв., вып. 9: 13]).

2.3. Глаголы семантической группы *образа жизни* со значением «вести какой-л. образ жизни, в соответствии с каким-л. правилами, социальными и моральными нормами, личными возможностями или вследствие определенных объективных обстоятельств» относятся к следующим словообразовательным типам:

1) глаголы с суффиксом **-ствова-**, мотивированные существительными, со словообразовательным значением ‘приобретать признаки кого-нибудь’: *аскит-ствова-ти* ‘вести жизнь отшельника, аскета’ (Оттуду яко лука вержение есть

всесвятая богородицы храмъ стариць... Въ тѣмъ *аскитствова* святая Меланиа, съ девяностю дѣвами. Проскинитарий Арс. К., 33» [СлРЯ XI-XVII вв, вып. 1: 46]);

2) глаголы с суффиксом *-ова-*, мотивированные существительными, со словообразовательным значением ‘уподобляться кому-либо’: *казак-ова-ти* ‘вести образ жизни вольного казака, бродить, кочевать; совершать лихие набеги’ («Сибирское царство взяли, а царь Кучюмъ убежалъ въ поле и ныне *казакуеть* на поле» [СлРЯ XI-XVII вв., вып. 7: 16]).

2.4. Отдельную лексико-семантическую группу новообразований с общей семантикой *эмоционального состояния* образуют производные нескольких СТ:

1) глаголы с суффиксом *-ева-*, мотивированные *существительным* со словообразовательным значением ‘испытывать то, что названо мотивирующим словом’: *гор-ева-ти* ‘горевать’ («испытывать горе, горестъ») («И на третью ночь учал быти гром велик зело и молния сверкати и учал ходит человек велик зело, з деревом равен, волны от него лес гнется, а ходя *горюет*» из Сказания о явлении Великорецкого образа святителя Николая и чуда от него (XVII в.) [НКРЯ]);

2) глаголы с суффиксом *-ова-*, мотивированные *существительным* со словообразовательным значением ‘испытывать то, что названо мотивирующим словом’: *кручин-ова-ти* ‘печалиться, кручиниться’ («А сам еси тебе своему государю, о том деле не сел побитии челом, потому что по греху нашему на тебя, государь, дела щашли великие, да еще, государь, по греху по нашему *кручиновати*. Чел. кН. Ив. Ворот., 211» [СлРЯ XI-XVII вв. 1981: 91]); *тоск-ова-ти* ‘грустить, тосковать’ («Так он, бедной, *тосковал* в тюрьме долго, мало не умер. Пис.неизв., 483» [СлРЯ XI-XVII вв., вып. 30: 68-69]);

3) глаголы с суффиксом *-ствова-*, мотивированные существительными, со словообразовательным значением ‘выделять, испускать что-л., покрываться чем-л.’: *слез-ствова-ти* ‘плакать, источать слезы’ («Очеса *слѣзствуютъ* (oculilachrymantur). Скотт, 136» [СлРЯ XI-XVII вв., вып. 29: 80]);

4) глаголы с суффиксом *-ствова-*, мотивированные прилагательными и имеющие словообразовательное значение ‘проявлять или обнаруживать признак,

названный мотивирующим словом’: *суров-ствова-ти* ‘лютовать, злобствовать’ («Стыи ж <е> Георгии отвеща: достояше убо, о црю, еже о нас твое толикое належание исперва изрещи, а не толико на ны со гнѣвом *суровѣствовати* (ἐξ ὀργῆς πονηρεύεσθαι). (Муч.Георг.). ВМЧ, Апр. 22-30, 881» [СлРЯ XI-XVII вв., вып. 29: 53]).

ЛСГ с семантикой приведения *в эмоциональное состояние* «вызывать у кого-л. эмоциональное состояние; приводить кого-л. в какое-л. эмоциональное состояние» можно отнести к следующим словообразовательным типам:

1) глаголы с суффиксом *-ствова-*, мотивированные прилагательными, со словообразовательным значением ‘делать каким’: *печаль-ствова-ти* ‘печалить, огорчать’ («И какъ вел. государь бугдыхаеа во всемъ почитаетъ... такъ чаю, что и богдыханъ противъ того ни въ чемъ *печальствовать* будетъ вел. государя, а о всемъ объявить дружбу и любовь. Спафарий. Китай, 187» [СлРЯ XI-XVII вв., вып. 15: 34]);

2) глаголы с суффиксом *-ова-*, мотивированные прилагательными, со словообразовательным значением ‘проявлять или обнаруживать признак, названный мотивирующим словом’: *сердит-ова-ти* ‘сердиться, гневаться, негодовать’ («И Антоней посердитоваль ... намъ подвория не дали, и мы стояли на полѣ; да много о томъ *сердитоваль*. Рим.имп.д. I, 428» [СлРЯ XI-XVII вв, вып. 24: 76]);

3) глаголы с суффиксом *-и-*, мотивированные прилагательными, со словообразовательным значением ‘делать каким’: *кручин-и-ти* ‘огорчать, печалить’ («А приказали есмя к нему, чтобъ безлѣпичныхъ речей не слышалъ, и насъ бы и собя гѣмъ не *кручинилъ*. СГГД II, 39» [СлРЯ XI-XVII вв., вып. 8: 91]);

4) глаголы с суффиксом *-а-*, мотивированные существительными, со словообразовательным значением ‘наделять кого-либо тем, что названо мотивирующим существительным’: *страц-а-ти* ‘запугивать, угрожать’ («Посадских же людеи, Богадашка Кузнеца. Ромашка Улянина, у которых онъ [Первушка] в Суздале на дворех был, роспрашивали порознь, и розсыл<ь>щика

Федку Ляпу, рознаставъ, пыткойо *стращали*. Пам.Влад., 161» [СлРЯ XI-XVII вв., вып. 28: 150]).

Глаголы ЛСГ *существования в определенном времени и пространстве (6 единиц)* «находиться где-л. какое-л. время, занимая какое-л. место, расположившись, разместившись где-л. каким-л. образом» относятся к трем словообразовательным типам:

1) глаголы с суффиксом *-ствова-*, мотивированные существительными, со словообразовательным значением ‘приобретать то или признаки того, что названо мотивирующим существительным (о времени)’: *день-ствова-ти* ‘проводить день’ («Егда убо видимъ нѣкиа богатѣюща, питающаяся миры вонѣюща, въ пианьствѣ *деньствующа*. ВМЧ, Сент. 14-24, 1068» [СлРЯ XI-XVII вв., вып. 4: 219]); *савват-ствова-ти* ‘отдыхать’ (*саввата* ‘суббота’) («Цѣлую лѣтъ седмицу и годищное поприще ожидахомъ мы сего ведра, еже нынѣ... приемлющее, уповаемъ еже отъ всякихъ намъ бѣдствъ и трудныхъ противностей уже *савватствовати*. Д. патр. Никона, 270» [СлРЯ XI-XVII вв., вып. 23: 11]);

2) глаголы с суффиксом *-ова-*, мотивированные существительными, со словообразовательным значением ‘приобретать то или признаки того, что названо мотивирующим существительным (о времени)’: *вечер-ова-ти* ‘то же, что вечеряти’ («Они же радостно и похвально спедшеся х королю, совершенно и похвально сказывашеся, яко: “Тепере, государю кралю, милостивою ласкою обѣдаиве и пируиве в обозе у тебя, сего же дни, государю, в замце во Пскове *вечеровати* у тебя требуиве и здравуем тебя с великим и прекрасным градом Псковом” Повесть иконописца Василия, жителя Пскова «Повесть о приходе Стефана Батория на град Псков» (1583—1590) [НКРЯ]); *осен-ова-ти* ‘то же, что осеневати (осенить)’ («*Осенуем* на Илеке, а летуем на самой Волге» Посольская книга по связям Московского государства с Ногайской Ордой. Книга 4-я (1551—1556) [НКРЯ]);

3) глаголы с суффиксом *-ева-*, мотивированные существительными, со словообразовательным значением ‘приобретать то или признаки того, что названо мотивирующим существительным (о времени)’: *дн-ева-ти* ‘проводить целый день

в одном месте или за одним занятием' («И тово жь дни на государевъ дворѣ съ околничимъ со княземъ Васильемъ Петровичемъ Черкасскимъ *дневать* и ночевать») Записная книга Московского стола (1640.09.01—1641.08.31) [НКРЯ]; *ноч-ева-ти* 'проводить (провести) ночь (где-л.), ночевать' («Да не прогневица благородие твое, еже остахъ здѣ *ночевати*; сие же пишу для ради безмерной милости твоя ко мне») Письмо Петра I «Письмо царице Наталье Кирилловне» (1693.09.19—1693.09.30) [НКРЯ]).

В старорусском языке формируется группа новообразований в границах семантического *поля речевой деятельности и звучания* (20 единиц), которые можно отнести к следующим лексико-семантическим группам:

1.1. Глаголы *характеризованной речевой деятельности* со значением «произносить что-л., как-л., каким-л. образом, обнаруживая характерные артикуляционные особенности говорения или выражая при этом какие-л. внутренние эмоциональные состояния» относятся к нескольким словообразовательным типам:

1) глаголы с суффиксом *-и-*, мотивированные существительными, со словообразовательным значением 'совершать действие, имеющее отношение к тому, что названо мотивирующим словом': *голос-и-ти* 'громко звать' («Егда же начнется глаголати Символу веры, то и ты з глаголющими глаголи вкупе токмо умом своим, а не *голоси* языком, и в глаголании мысль свою всю возведи к Богу, и что ни будеши глаголати, вся разумевай такожде, яко явих ти прежде, во утреннем правиле») И. Т. Посошков «Завещание отеческое к сыну своему» (1718—1725) [НКРЯ];

2) глаголы с суффиксом *-ова-*, мотивированные существительными, со словообразовательным значением 'совершать действие, имеющее отношение к тому, что названо мотивирующим словом': *ропт-ова-ти* 'то же, что роптати' (*роптати* 'роптать, высказывать недовольство') («И многие наши братья на тѣхъ *роптуютъ*... которые отбили Алешку Стрижева... съ товарищи. Д. Шакловит. I, 324» [СлРЯ XI-XVII вв., вып. 22: 214]);

3) глаголы с суффиксом **-а-**, мотивированные существительными, со словообразовательным значением ‘совершать действие, имеющее отношение к тому, что названо мотивирующим словом’: *визж-а-ти* ‘визжать’ («издавать визг»); *грохот-а-ти* ‘громко смеяться, хохотать’ («Баснословиши, притчи смѣхотворныа приводиши, *грохоцещи*, смѣшися. Сл. мт. Дан. (Жм.), 19» [СлРЯ XI-XVII вв., вып. 4: 142]);

4) глаголы с суффиксом **-ствова-**, мотивированные существительными, со словообразовательным значением ‘совершать действие, имеющее отношение к тому, что названо мотивирующим словом’: *вопл-ствова-ти* ‘громко кричать, вопить’ («Скоро в домъ да спѣшати, не бѣгомъ потекуть яко усмошевцы спѣшати на торжище, не должнствуютъ *вопл<ь>ствовати* яко оныи стенторъ. Нражд. об. дет., 53» [СлРЯ XI-XVII вв., вып. 3: 25]).

1.2. Глаголы *речевого общения* со значением «разговаривать друг с другом» о чем-л., обмениваясь своими мнениями, суждениями, обсуждая общие проблемы или осуждая кого-, что-.» образуют

1) СТ производных с суффиксом **-ствова-**, мотивированных существительными и имеющих словообразовательное значение ‘совершать действие, имеющее отношение к тому, что названо мотивирующим словом’: *привѣт-ствова-ти* ‘приветствовать, поздравлять’ («Егда же приидоша, тогда изыде к ним с Москвы сам благочестивый самодержец Феодор Иоаннович и *приветствова* воевод и все воинство от уст своих, радостными словесы вооружаючи их небоязненно стати противо нечестивым, обещаваая воинству всякую свою милость, и отъиде паки к Москве» А. Лызлов. Скифская история (1692) [НКРЯ]); *отвѣт-ствова-ти* ‘отвечать’ («Письмо твое, декабря въ 10 д.1697 писанное, мнѣ дошло прошлой пятницы съ прочими [на которыя отповѣдь я писалъ изъ Амстердама, только за скорою поѣздкою подлинной отповѣди не успѣлъ отписать, а иныя и не прочель], на которое *отвѣтствую*, что о желѣзныхъ мастерахъ многажды говорилъ Витцену; только онъ отъ меня отходилъ Московскимъ часомъ» Петр I «Письмо Андрею Андреевичу Виниусу» (1698.01.11) [НКРЯ]);

2) СТ глаголов с суффиксом **-а-**, мотивированных существительными, со словообразовательным значением ‘совершать действие, имеющее отношение к тому, что названо мотивирующим словом’: *правд-ова-ти* ‘говорить правду’ («Сарѣ ж<е> реч<е> [Авимелех]: се дах тысящу дидригмъ брату твоему, то да будетъ почсть лицу твоему и всѣмъ, яже сут<ь> с тобою, и все *правдуи* (ἀλήθεισον)ю (Быт. XX, 16-17» [СлРЯ XI-XVII вв., вып. 18: 100]).

Непродуктивными в ходе неологизации в старорусском языке оказываются глаголы *движения*, которые в древнерусский период составляли одну из основных групп производящей базы глагольного словопроизводства. Обнаружено несколько образованных от существительных производных с суффиксами **-ствова-**: *слѣд-ствова-ти* ‘идти вслед за чем-л., следовать (по порядку)’ («Потом же *следствует* осмица, высочайших высочайшая и удивительных удивительнейшая. Спафарий. О сивиллах, 73» [СлРЯ XI-XVII вв., вып. 25: 1117: 304]); *пут-ствова-ти* ‘находиться в пути, путешествовать’ («По неиж<е> странѣ быс<ть> пут<ь> многъ *путьствовати* лѣто единъ и пол (viamultaitineris). (3 Ездр. XIII, 45) Библи. Генн. » [СлРЯ XI-XVII вв., вып. 21: 64]). Другая отыменная модель – существительное + суффикс **-а-**: *корабля-ти* ‘плавать на корабле’ («И примет члкъ оружие свое: и идет на путь сътворити разбой и убиство, и море *корабляючи* и рѣки (navigare). (2 Ездр. IV, 24) Библи. Генн» [СлРЯ XI-XVII вв., вып. 21: 64]).

Таким образом, описанные ряды глагольных неологизмов, появившихся в старорусском языке, свидетельствуют о разветвленной подсистеме глагольной лексики, которая представлена лексико-семантическими группами глаголов действия, деятельности и поведения, состояния, речевой деятельности и звучания, движения, существования.

Глаголы *семантического поля действия* образовывались от имен существительных при помощи суффиксов **-и-**, **-ствова-**, **-ова-**, **-ева-**, **-а-**. Словообразовательные модели являлись продуктивными, а новообразования, в свою очередь, вступали в словообразовательные отношения: становились производящей базой для префиксальных производных (*зеленити* > *позеленити*

‘покразить зеленым, позеленить’; *дернити* > *задернити* ‘покрыть дерном’; *пятнати* > *запятнати* ‘выжечь клеймо на теле человека или животного’ («А еще же и без порук отпустиши, да *запятнаеши* ему на челе и на обоих руках, то уже всяк будет ево знать, что он был в расколе и отпущон за поролем») И. Т. Посошков «Завещание отеческое к сыну своему» (1718—1725) [НКРЯ]) новообразований, вступали в отношения словообразовательного варьирования (*борон-ова-ть* – *борон-и-ть*² ‘боронить’; *плот-и-ти* – *плот-а-ти* ‘соединять, связывать в плоты’; *печат-а-ти* – *печат-ова-ти* ‘накладывать, прикреплять печать (на документ)’). Неологизмы данной лексико-семантической группы, согласно данным НКРЯ, употреблялись преимущественно в жанрах делового стиля: челобитной, описях, грамотках, частных письмах, сметных росписях, приходо-расходных книгах, жалованных грамотах и др.

Глаголы *семантического поля деятельности и поведения* образовывались от имен существительных при помощи суффиксов *-и-, -а-, -ова-, -ствова-, -ествова-* и от имен прилагательных при помощи суффиксов *-ествова-, ова-*. У новообразований данной группы сфера употребления шире, чем у новообразований лексико-семантической группы глаголов действия. Агентивные глаголы использовались в следующих жанрах делового стиля: челобитной, грамотках, приходо-расходных книгах, патриарших грамотках, судных делах, посольских книгах, выписках, расспросных речах, а также в жанрах церковнославянского стиля: повестях (*вдовствовати, сиротствовати*) и житиях (*вдвоствовати, пророчити*). В связи с этим большой продуктивностью обладал как суффикс *-и-*, так и суффикс *-ствова-*. Новообразования с суффиксом *-ствова-* расширяют стилистические функции, то есть употребляются не только в книжно-славянской, но и деловой речи (например, *посольствовати*).

Новообразования *семантического поля состояния* в основном образовывались от имен прилагательных при помощи суффиксов *-го-, -а-, -ну-, -и-, -ева-, -ова-*. Немногочисленны неологизмы, образованные от имен существительных при помощи суффиксов *-и-, -ствова-, -ева-, -ова-*. В НКРЯ представлена малая часть новообразований данной группы, но, судя по

имеющимся в нем употреблениям, эти глаголы употреблялись в деловой (челобитная), народно-литературной (драма, хождение), книжно-славянской (сказание, житие) речи, а также на пересечении народно-литературной и книжно-славянской традиции (Домострой).

Глаголы *семантического поля речевой деятельности и звучания* образовывались от существительных при помощи суффиксов *-и-, -а-, -ствова-, -ова-* и закреплялись в основном за жанрами деловой речи (завещание, письмо) или на пересечении стилей (летопись).

Таким образом, наиболее продуктивным суффиксом, участвующем в образовании глаголов всех словообразовательных типов, является суффикс *-и-*. Продуктивными становятся суффиксы *-ова-* и *-ствова-*. С последними суффиксами связано явление множественной мотивации: *королевствовати* ‘править королевством, быть королем’, *королевствовати* <король или *королевствовати* < королевство. Вследствие южнославянского влияния в древнерусском и старорусском языке активизируется отвлеченный суффикс *-ств(о)*, с помощью которого образуются существительные (*бѣда* > *бѣд-ств-о*), которые становятся производящей основой для глаголов (*бѣдство* > *бѣдствова-ть* «находиться в бедствии»). Однако не всегда последовательно происходило словообразование (*бѣда* > *бѣд-ств-о* > *бѣдств-ова-ть*), во многих случаях отсутствовала ступень словообразования, на которой образуется отвлеченное существительное с суффиксом *-ств(о)* и появляется глагол с помощью суффикса *-ствова-* (*архиерей* > *архиерей-ствова-ть*). В связи с этим в старорусский период суффикс *-ствова-* не всегда просто дифференцировать от сочетания двух суффиксов.

Помимо описанных выше словообразовательных моделей в старорусском языке намечается формирование новой словообразовательной модели с суффиксом *-нича-*. Глаголы с суффиксом *-нича-* немногочисленны в старорусский период, тематически относятся к глаголам с семантикой бытия (*смерт-нича-ти* ‘приближаться к смерти’) и глаголам с семантикой поведения

(*силь-нича-ти* ‘1. Применять силу. 2. Творить насилие, самоуправство. 3. Насиловать (женщину)’).

В связи с развитием категории вида в старорусском языке образуются видовые пары: *затѣвати* ‘несов. к затѣяти’ – *затѣяти* ‘предпринять, затеять что-л.’; *заслонити* ‘1. закрыть, загородить, заслонить что-л. чем-л. 2. защитить, прикрыть кого-л.’ – *заслоняти* и *засланяти* ‘несов. к заслонити’; *затесати* ‘1. затесать, сделать острым (один конец бревна, сваи и т.п. 2. сделать затес, засечку (на дереве)’ – *затесывати* ‘несов. к затесати (в знач. 1, 2)’; *отвѣтити* ‘ответить’ – *отвѣтствовати* ‘отвечать’; *отмѣнити* ‘1. изменить. 2. отменить’ – *отмѣняти* ‘изменять. 2. отменять’.

Встретился единичный случай образования суффиксального глагола от имени числительного *втор-ствова-ти* ‘быть вторым (по званию, положению)’. В связи с этим можем отметить, что образование глаголов от имен числительных было непродуктивно в старорусский период.

В старорусском языке нами зафиксировано небольшое количество заимствований, среди которых глаголы, являющиеся собственно заимствованиями (*аргументовати* (ср. польск. *argumentować*); *триумфати* (от лат. *triumphare*); *триумфовати* (ср. польск. *triumfować* от лат. *triumphare*)), и глаголы, образованные на базе заимствованных основ (*савватствовати* < *саввата* (ср. греч. *σάββατον, σάββατα*); *стратилатствовати* < *стратилать* (ср. греч. *στρατηλάτης*). В основном, заимствование происходило из греческого, латинского и польского языков.

2.2 Основные тенденции неологизации суффиксальной глагольной подсистемы в период формирования единого национального русского литературного языка (XVIII в.)

Основным материалом для анализа глагольных новообразований XVIII века послужил «Словарь русского языка XVIII в.». Другой источник, использованный

для исследования процесса неологизации в период формирования единого русского национального языка, как уже отмечалось во введении, – «Словарь русского языка XIX в.». Из названных источников методом сплошной выборки было извлечено 448 лексических единиц. Как уже отмечалось ранее, эти лексикографические источники представляет собой словари не только исторического, но и динамического типа, так как отражают основные динамические процессы в лексике описываемого периода, в том числе неологические. Неологизмы фиксируются при этом с помощью специальной лексикографической пометы.

XVIII – XIX вв. в истории русского литературного языка – это период существенных изменений в области лексики, эпоха интенсивных семантических и словообразовательных процессов, которые подготовили создание богатой и лексической системы русского литературного языка. В данный период усиливается тенденция к проникновению в литературное употребление слов живого народного языка, которая наметилась еще во второй половине XVII в. [Филин 1981: 41]. В это же время непрекращающиеся интенсивные связи России с рядом иностранных держав, перестройка здания русской государственности, производства, культуры, быта по передовым западным образцам закрепили тенденцию к заимствованию не только лексических единиц, но и отдельных словообразовательных моделей [Биржакова 1971]. В описываемый период язык пополняется большим количеством неологизмов, что представляет интерес для исследователя, поскольку значительная часть новообразований той эпохи вошла в состав национального литературного языка.

Неологическую суффиксальную глагольную лексику, появившуюся в эпоху формирования национального литературного языка (к. XVII – XIX вв.), можно разделить на две группы: 1) неологизмы-новообразования, то есть глаголы, образованные от русскоязычных основ (210 единиц); 2) неологизмы-заимствования, то есть глаголы, заимствованные из других языков, грамматически освоенные (238 единиц).

Рассмотрим сначала неологизмы-новообразования, то есть суффиксальные глагольные неологизмы, производящей основой которых являются русскоязычные основы.

Как и в старорусском языке, в период формирования национального литературного языка остается активным *семантическое поле глаголов действия* (56 единиц), которое представлено преимущественно переходными глаголами несовершенного вида. Данные новообразования относятся к следующим лексико-семантическим группам:

1. Глаголы *покрытия объекта* «покрывать один объект другим, располагая покрывающий объект сверху, вдоль, сплошь по всей поверхности другого (покрываемого) объекта» относятся к следующим словообразовательным типам:

1) глаголы с суффиксом *-ова-*, мотивированные существительными, со словообразовательным значением ‘покрывать объект чем-нибудь (делать так, чтобы объект имел что-нибудь на поверхности’: *бронз-ова-ть*² ‘покрывать бронзой, бронзовым порошком’ («Статуи, как золоченая, так посеребренная, *бронзованная* по лаку и маслу. Сл. комм. II 300» [СлРЯ XVIII в., вып. 2: 143]);

2) глаголы с суффиксом *-и-*, мотивированные существительными, со словообразовательным значением ‘покрывать объект чем-нибудь (делать так, чтобы объект имел что-нибудь на поверхности’: *вакс-и-ть* ‘натирать обувь ваксой’ («Вакса, .. Состав из сала, части воска и сажи дѣлаемый, для натирания смазной обуви. – Отсюда глагол *ваксить*, намазывать, натирать обувь ваксою. Ян. I 448. Вáкшение, я, ср. САР2 I 375» [СлРЯ XVIII в., вып. 2: 203]); *канифол-и-ть* ‘натирать канифолью’ («*Канифолить* смычек. САР¹ III 427» [СлРЯ XVIII в., вып. 9: 233]);

3) глаголы с суффиксом *-и-*, мотивированные прилагательными, со словообразовательным значением ‘покрывать объект чем-нибудь (делать так, чтобы объект имел что-нибудь на поверхности’: *ворон-и-ть* ‘чернить и наводить лоск на железную или стальную поверхность’ («Веревки *воронят* для крепости

² Возможна, множественная мотивация: *бронзов-а-ть* < *бронзовый*.

дубовым уваром. Рдщв ПСС III 294» [СлРЯ XVIII в., вып. 4: 72]); *мучн-и-ть* ‘обсыпáть, пачкать мукою’.

2. Глаголы *физического воздействия на объект* подразделяются на несколько подгрупп:

2.1. Глаголы обработки и рытья со значением «обрабатывать что-л. (почву или какой-л. материал) при помощи специальных инструментов) относятся к следующему словообразовательному типу производных с суффиксом *-и-*, мотивированных существительными, со словообразовательным значением ‘создавать что-нибудь, имеющее отношение к объекту (делать так, чтобы существовало что-нибудь, имеющее отношение к объекту)’: *борозд-и-ть* ‘делать борозды’ («<Собак> остонавливают уткнув оштал перед копылом передним и *борозда* дорогу. Краш. ОЗК II 57» [СлРЯ XVIII в., вып. 2: 117]).

2.2. Глаголы отрицательного воздействия на объект с общим значением «подвергать кого-, что-л. воздействию чего-л. с целью нанесения вреда, вплоть до разрушения объекта» относятся к следующим словообразовательным типам:

1) глаголы с суффиксом *-а-*, мотивированные существительными, со словообразовательным значением ‘совершать действие, имеющее отношение к тому, что названо мотивирующим словом: *комк-а-ть* ‘мять, сжимать в комок’;

2) глаголы с суффиксом *-я-*, мотивированные существительными, со словообразовательным значением ‘действовать с помощью того, что названо мотивирующим словом’: *костыл-я-ть* ‘бить, колотить кого-л. костылем, палкою’.

2.3. Глаголы с общей семантикой воздействия на поверхность объекта со значением «пропитывать что-л. какой-л. жидкостью, веществом, смачивая, натирая, насыщая чем-л. с определенной целью» относятся к словообразовательному типу новообразований с суффиксом *-и-*, мотивированных существительными, и имеющих СЗ ‘пропитывать объект чем-нибудь’: *буч-и-ть* ‘кипятить или вымачивать (белье, шерсть и т.п.) в щелоке (буке)’ («Полотно от ткача получа, или с стану снявши, надобно прежде вымыть, и выколотить. Потом ево бучить, то есть, сутки, или больше во щелоку варить. ФЭ 276» [СлРЯ XVIII в., вып. 2: 176]); *зол-и-ть* ‘1. Выварить в щелоке (белье, ткани); вымачивать,

стирать в щелоче шерсть. 2. Вымачивать кожи в зольнике (для удаления шерсти)’ («Собирают ту коровью шерсть, которая у кожевников во время выдѣлки кож соскабливается, и ее еще **золят** сутки трои в крѣпком березовом щелоку. Пут. Леп. III 41. Einäschern .. суровыя нитки золить. Ад. I 420» [СлРЯ XVIII в., вып. 8: 221]).

3. Глаголы *создания объекта в результате физического труда* со значением «изготавливать, производить, делать что-л. при помощи каких-л. орудий и прилагая физические усилия» относятся к следующим словообразовательным типам:

1) глаголы с суффиксом **-и-**, мотивированные существительными, со словообразовательным значением ‘создавать что-нибудь, имеющее отношение к объекту (делать так, тобы существовало что-нибудь, имеющее отношение к объекту)’: *бурав-и-ть* ‘делать отверстие, скважину буравом’ («И тогда принявшись опять за земляной бурав, должно .. так долго в землю **буравить**, доколѣ дойдешь до главного ключа. ТВЭО I 57» [СлРЯ XVIII в., вып. 2: 167]); *бур-и-ть* ‘сверлить, проделывать буром скважину, отверстие в чем-л.’ («<Камни>**бурят** и раскалывают желѣзными клиньями. МИГ 1791 68» [СлРЯ XVIII в., вып. 2: 169]);

2) глаголы с суффиксом **-и-**, мотивированные существительными, со словообразовательным значением ‘создавать что-нибудь, имеющее отношение к объекту (делать так, тобы существовало что-нибудь, имеющее отношение к объекту)’: *кристалл-ова-ть* ‘превращать в кристаллы¹; производить кристаллизацию’ («Химическое разложение ископаемых, в которых связывающее вещество не примѣтно, дѣлает вѣроятным, что иногда вода, иногда жирное горючее, а иногда и **кристаллующее** вещество связь сию произвели. Гергард 8» [СлРЯ XVIII в., вып. 11: 19]).

Глаголы **семантического поля деятельности** в XVIII в. образовывались преимущественно от имен существительных, реже – от имен прилагательных. Продуктивным суффиксом, участвующим в образовании глаголов с общей

семантикой действия, становится суффикс **-и-**, менее продуктивными являются суффиксы **-ова-** и **-а-**.

Значительную часть новой глагольной лексики в период формирования национального литературного языка составляют новообразования *семантического поля деятельности и поведения*, иначе говоря, агентивные глаголы (98 единиц). К выводу о том, что подсистема агентивных глаголов активизируется именно в XVIII в. пришла Э.П. Кадькалова [Кадькалова 2007]. Глаголы деятельности и поведения являются преимущественно субъектными глаголами несовершенного вида, их можно разделить на несколько лексико-семантических групп.

1. Глаголы *профессионально-трудо­вой деятельности* со значением «работать кем-л., в какой-л. должности, выполнять какие-л. профессиональные обязанности, заниматься каким-л. трудом (физическим и (или) умственным), применяя свои знания, опыт на практике» относятся к следующим словообразовательным типам:

1) глаголы с суффиксом **-ова-**, мотивированные существительными, со словообразовательным значением ‘совершать действие, свойственное кому-нибудь, состоя на службе (работать кем)’: *губернаторство-ова-ть* ‘управлять провинцией, округом, губернией’ («Во всѣх дѣлах *губернаторствующая* <Маргарита Пармская> совѣтовала с Вигилием начальником совѣтов, и с Графом Барлемонтием. Пуф. Ист. 1718 269» [СлРЯ XVIII в., вып. 6: 6]); *инспекторство-ова-ть* ‘исполнять обязанности наставника, надзирателя в учебном заведении’ («<Над учениками> *инспекторствует*, под начальством Петра Васильевича Завадовскаго, г. Рейнесс. Зап. Гарн. XV 26» [СлРЯ XVIII в., вып. 9: 101]);

2) глаголы с суффиксом **-а-**, мотивированные существительными, со словообразовательным значением ‘совершать действие, свойственное кому-нибудь’: *башманич-а-ть* ‘шить башмаки; заниматься ремеслом башмачника’; *временнич-а-ть* ‘быть временщиком, фаворитом’ («Потемкин, вознесенный в достоинство римской империи князя, хотя *временничал* недолго, но

Екатеринѣ столько умѣл угодить и сдѣлаться ей необходимым, что остался навсегда всемогущим. Зап. Винск. 99» [СлРЯ XVIII в., вып. 4: 131]);

3) глаголы с суффиксом **-нича-**, мотивированные существительными, со словообразовательным значением ‘совершать действие, свойственное кому-нибудь, состоя на службе (работать кем)’: *гончар-нича-ть* ‘заниматься гончарным ремеслом, быть гончаром’; *пивовар-нича-ть* ‘заниматься пивоварением’;

4) глаголы с суффиксом **-и-**, мотивированные существительными, со словообразовательным значением ‘совершать действие, свойственное кому-нибудь’: *нянч-и-ть* ‘ухаживать и присматривать за детьми’ («Кто просил тебя не свое дитя, Не родимое *нянчить*, пестовать? Поэты XVIII в. II 234» [СлРЯ XVIII в., вып. 15: 203]).

2. Глаголы *поступка и поведения* со значением «вести себя каким-л. образом, поступать как-л.» относятся к следующим словообразовательным типам:

1) глаголы с суффиксом **-и-**, мотивированные прилагательными, со словообразовательным значением ‘совершать действия, свойственные тому, кто имеет признак, названный мотивирующим прилагательным’: *буйн-и-ть* ‘буйно себя вести’ («Когда ты *буйнишь* перестанешь. САР¹ I 374» [СлРЯ XVIII в., вып. 2: 176]);

2) глаголы с суффиксом **-нича-**, мотивированные прилагательными, со словообразовательным значением ‘совершать действия, свойственные тому, кто имеет признак, названный мотивирующим прилагательным’: *буйн-нича-ть* ‘буйно себя вести’ («Посѣтителям же .. ломать замки, озарничать и *буйничают* не разсудилось за благо. Анекд. пошех. 153» [СлРЯ XVIII в., вып. 2: 176]);

3) глаголы с суффиксом **-ича-**, мотивированные прилагательными, со словообразовательным значением ‘совершать действия, свойственные тому, кто имеет признак, названный мотивирующим прилагательным (неодобрение действия)’: *важн-ича-ть* ‘принимать на себя важным вид; гордиться, чваниться’ («Я не давно был на щегольском праздникѣ .. всѣ молчали, всѣ *важничали* — точно как будто собрались наследники на похороны богатаго родственника. ММ II 145» [СлРЯ XVIII в., вып. 2: 198]); *вольн-ича-ть* ‘вести себя вольно,

непослушно, дерзко' («Дѣти без надзирания обыкновенно *вольничают*. САР¹ I 826» [СлРЯ XVIII в., вып. 4: 51]);

4) глаголы с суффиксом *-и-*, мотивированные *существительным*, со словообразовательным значением 'совершать действие, свойственное кому-нибудь': *вертопраш-и-ть* 'быть вертопрахом; вести себя как вертопрах'; *грубиян-и-ть* 'вести себя грубо, быть грубияном';

5) глаголы с суффиксом *-нича-*, мотивированные *существительным*, со словообразовательным значением 'совершать действие, свойственное кому-нибудь': *вертопраш-нича-ть* 'быть вертопрахом; вести себя как вертопрах';

6) глаголы с суффиксом *-а-*, мотивированные *существительным*, со словообразовательным значением 'совершать действие, свойственное кому-нибудь': *завистнич-а-ть* 'чувствовать зависть, терзаться завистью';

7) глаголы с суффиксом *-ствова-*, мотивированные *существительным*, со словообразовательным значением 'совершать действие, свойственное кому-нибудь': *герой-ствова-ть* 'совершать героические подвиги' («Бздит <Илья Муромец> по полю *геройствовать*. Крм. Соч. 1803 VII 213» [СлРЯ XVIII в., вып. 5: 108]); *грубиян-ствова-ть* 'вести себя грубо, быть грубияном'.

Глаголы *семантического поля деятельности и поведения* образовывались как от имен существительных, так и от имен прилагательных. Продуктивными суффиксами, участвующими в образовании данных глагольных неологизмов, являются суффиксы *-и-*, *-ствова-*, *-ова-*, *-а-*, *-ича-*, *-нича-*.

Спорным остается вопрос о производящей базе глаголов типа *губернаторствовать*, *водительствовать*, *монаршествовать* и *баשמачничать*, *блинничать*, *кляузничать*.

Что касается глаголов на *-ствовать*, то предполагаем, что в период формирования национального литературного языка продолжается традиция образования отвлеченных существительных на *-ство*, которые выступают производящей базой для глаголов на *-ствовать*: *адвокат* 'поверенный в тяжёбных делах; юрист-защитник в суде (в европ. практике)' > *адвокатство* 'занятия, деятельность адвоката' > *адвокатствовать* 'быть адвокатом,

заниматься адвокатством’; *монарх* ‘единовластный глава государства, самодержец, государь’ > *монаршество* ‘правление, власть монарха; его обязанности’ > *монаршествовать* ‘исполнять обязанности монарха, быть монархом’. Всем глаголам деятельности и поведения на *-ствовать*, согласно словарным данным, соответствуют существительные на *-ство*. Однако смеем предположить, что для новообразований на *-ствовать* характерно явление множественной мотивации: *адвокат-ствова-ть* < *адвокат* и *адвокатств-ова-ть* < *адвокатство*.

Глаголы деятельности и поведения на *-ничать*, как отмечает А.И. Молотков [Молотков 1975], образовывались с помощью суффикса *-а-*: *баשמанич-а-ть* < *башмачник*, *блиннич-а-ть* < *блинник*, *кляузнич-а-ть* < *кляузник*, поскольку имели в языке соотносительное существительное на *-ник*. Соглашаясь с мнением А.И. Молоткова, отметим, что в данных случаях можно говорить и о множественной мотивации. Подобные глаголы могли образовываться с помощью суффикса *-нича-*. Напомним, что уже в конце XVII в. появились глаголы с данным суффиксом [пункт 2.1]. Согласно исследованиям Э.П. Кадькаловой, именно во второй половине XVIII в. словообразовательная модель с суффиксом *-нича-* становится наиболее активной [Кадькалова 2007]: *водолаз-нича-ть* < *водолаз*; *гончар-нича-ть* < *гончар*; *пивовар-нича-ть* < *пивовар*. В связи с этим, можем предположить, что для глаголов деятельности и поведения на *-ничать* была характерна множественная мотивация.

В период формирования национального литературного языка продолжает пополняться новообразованиями *семантическое поле речевой деятельности и звучания* (20 единиц), которое представлено следующими лексико-семантическими группами:

1.1. Глаголы характеризованной речевой деятельности со значением «произносить что-л., как-л., каким-л. образом, обнаруживая характерные артикуляционные особенности говорения или выражая при этом какие-л. внутренние эмоциональные состояния» относятся к следующим словообразовательным типам:

1) глаголы с суффиксом **-и-**, мотивированные существительными, со словообразовательным значением ‘совершать действие, имеющее отношение к тому, что названо мотивирующим словом’: *бас-и-ть*¹ ‘петь, говорить басом’ («Послѣдней в такту шел, И горло драл, *басил*, хрипѣл. Трут. 1769 106» [СлРЯ XVIII в., вып. 1: 146]);

2) глаголы с суффиксом **-и-**, мотивированные прилагательными, со словообразовательным значением ‘совершать действие, имеющее отношение к тому, что названо мотивирующим словом’: *картав-и-ть* ‘нечисто, неправильно произносить некоторые звуки (обычно р и л)’ («Когда кто из молодых здѣшних благородных мужчин и женщин что говорит, то .. нѣсколько пришепетывают и *картавят*. Жив. 301» [СлРЯ XVIII в., вып. 9: 263]);

3) глаголы с суффиксом **-ка-**, мотивированные *междометиями* со словообразовательным значением ‘произносить какое-либо слово или издаватькакой-либо звук (звуки)’: *ату-ка-ть* ‘кричать «ату»’ («<Борзую> с своры отрѣшить, и *отукать*, скакав за звѣрем. Пс. ох. 13» [СлРЯ XVIII в., вып. 1: 114]);

4) глаголы с суффиксом **-а-**, мотивированные *междометиями* со словообразовательным значением ‘произносить какое-либо слово или издавать какой-либо звук (звуки)’: *ах-а-ть* ‘воскликнуть «ах!», выражая радость или удивление, горе, испуг и т.п.’ («Я только *ахал*, по педши на другой день осматривать сады свои и пруды, и смотря на все, что вода в них начудотворила. Зап. Блтв IV 299» [СлРЯ XVIII в., вып. 1: 119]).

1.2. Глаголы звучания со значением «издавать, производить какие-л. звуки, шумы, не связанные с речью, при помощи голосового аппарата (о живых существах), при взаимодействии, ударе каких-л. предметов друг о друга или при помощи каких-л. инструментов» относятся к следующим словообразовательным типам:

1) глаголы с суффиксом **-а-**, мотивированные *междометиями* со словообразовательным значением ‘делать так, чтобы прозвучало то, чем мотивируется глагол’: *бух-а-ть* ‘произвести глухой короткий звук’;

2) глаголы с суффиксом **-ну-**, мотивированные существительными, со словообразовательным значением ‘делать так, чтобы прозвучало то, чем мотивируется глагол’: *звук-ну-ть* ‘издать звук, прозвучать’ («Нигдѣ о нем не звукнет арфа. Држ. Соч. II 141» [СлРЯ XVIII в., вып. 8: 155]).

Как и в старорусском языке, в XVIII в. активным участком неологизации остается **семантическое поле состояния** (71 единица), которое представлено так называемыми эволютивными глаголами, как субъектными, так и объектными, а также глаголами эмоционального состояния. Данные новообразования можно разделить на следующие лексико-семантические группы:

1. Глаголы *становления качества*:

1.1. Глаголы *становления физического качества* со значением «приобретать какие-л. физические признаки, становиться каким-л. по форме, цвету, структуре» относятся к словообразовательному типу с суффиксом **-тъ-**, мотивированные прилагательными, со словообразовательным значением ‘становиться каким или более каким’: *длинн-тъ-ть* ‘становиться длиннее, вытягиваться в длину’ («Листы <быльника> сначала круглы ..., но выростая *длиннѣют*. Сл. нат. ист. I 150» [СлРЯ XVIII в., вып. 6: 144]); *коряв-тъ-ть* ‘становиться корявым’ («Сажая на мѣста, надлежит выбирать Деревья здоровыя и сильныя; а слабыя и *корявѣющія* лучше бросать вон. Сл. нат. ист. I 125» [СлРЯ XVIII в., вып. 10: 193]);

1.2. Глаголы *становления внешних признаков человека* со значением «приобретать какие-л. внешние признаки (черты лица, фигуры), становиться каким-л. по этим признакам (о человеке)» относятся к следующим словообразовательным типам:

1) глаголы с суффиксом **-тъ-**, мотивированные прилагательными, со словообразовательным значением ‘становиться каким или более каким’: *дородн-тъ-ть* ‘становиться дородным; поправляться’ («<Мясники и повара> почти всегда до излишества *дороднѣют* и толстѣют. Дом. леч. I 155» [СлРЯ XVIII в., вып. 6: 221]); *дурн-тъ-ть* ‘становиться дурным, некрасивым’ («Она примѣтно *дурнѣет*. САР¹ II 798» [СлРЯ XVIII в., вып. 7: 32]);

2) глаголы с суффиксом **-ича-**, мотивированные прилагательными, со словообразовательным значением ‘становиться каким или более каким’: *дороднича-ть* ‘становиться дородным; поправляться’ Смушала меня только до безконечности отми́нная худоба сына моего, который хотя от лихорадки своей и освободился, но весьма худо *дородничал*. Зап. Блтов IV 777» [СлРЯ XVIII в., вып. 6: 221]);

1.3. Глаголы *становления внутренних качеств человека* со значением «приобретать какие-л. внутренние качества, свойства (о человеке); становиться каким-л. по характеру, склонностям, душевной организации» относятся к словообразовательному типу производных глаголов с суффиксом **-тъ-**, мотивированных прилагательными, со словообразовательным значением ‘становиться каким или более каким’: *глуп-тъ-ть* ‘становиться глупым, глупее’ («*Глупью*, безумью. ЛЦ 31» [СлРЯ XVIII в., вып. 5: 133]);

1.4. Глаголы *становления и проявления цветового признака* со значением «становиться, какого-л. цвета, приобретать какой-л. оттенок, выделяться своим цветом» относятся к следующему словообразовательному типу глаголов с суффиксом **-тъ-**, мотивированных прилагательными, со словообразовательным значением ‘становиться каким или более каким’: *пестр-тъ-ть* ‘делаться, становиться пестрым’ («Этот цвет <цветок>, начинает *пестрѣть*, пестр становится. ЛВ¹ II 561» [СлРЯ XVIII в., вып. 19: 183]).

2.1. Глаголы *проявления (изменения) качественного признака* со значением «делать кого-, что-л. или становиться иным, отличным от имеющегося или имевшегося по виду, форме или содержанию, качествам, свойствам» относятся к следующим словообразовательным типам:

1) глаголы с суффиксом **-и-**, мотивированные прилагательными, со словообразовательным значением ‘наделять объект признаком, названным мотивирующим прилагательным’: *багров-и-ть* ‘делать багровым, обагрять (кровью)’ («Не сей ли, что орлом по безднѣ вод летал, .. *Багровил* синей понт кровью иноплеменных? Птрв 70» [СлРЯ XVIII в., вып. 1: 125]); *горяч-и-ть* ‘делать горячим, производить жар в ком-чем; согреть’ («Полезна <гвоздика>

для сердца, желудка и печени, горячит и сушит. Сл. нат. ист. I 92» [СлРЯ XVIII в., вып. 5: 188]);

2) глаголы с суффиксом **-и-**, мотивированные существительными, со словообразовательным значением ‘превращать кого-либо в кого-либо’: *калеч-и-ть* ‘делать калекой, увечить’.

3.1. Глаголы *образа жизни* со значением «вести какой-л. образ жизни, в соответствии с какими-л. правилами, социальными и моральными нормами, личными возможностями или вследствие определенных объективных обстоятельств» относятся к следующему словообразовательному типу:

глаголы с суффиксом **-ствова-**, мотивированные существительными, со словообразовательным значением ‘приобретать признаки кого-нибудь’: *пилигримств-ова-ть* ‘странствовать, путешествовать’ («Так и буду пилигримствовать, утѣшаясь жизнью, наслаждаясь меланхолией. В. Изм. I 6» [СлРЯ XVIII в., вып. 19: 205]).

4.1. Глаголы *эмоционального состояния* со значением «испытывать чувства, эмоции; быть, находиться в эмоциональном состоянии» относятся к следующему словообразовательному типу:

глаголы с суффиксом **-и-**, мотивированные *существительным* со словообразовательным значением ‘испытывать то, что названо мотивирующим словом’: *груст-и-ть* ‘печалиться, тосковать’ («Вы еще таки *грустите* о вашем сынѣ? Ппв Немой 142» [СлРЯ XVIII в., вып. 5: 253]).

Таким образом, в период формирования национального литературного языка продолжает развиваться *семантическое поле глаголов состояния*. Глаголы образуются преимущественно от имен прилагательных, в редких случаях – от имен существительных. Наиболее продуктивным суффиксом является суффикс **-го-** и **-и-**

В XVIII в. немногочисленны глаголы *семантического поля движения*, как и в старорусском языке, поскольку данное поле было сформировано еще в древнерусском языке [Дмитриева 2005]. Глаголы движения представлены следующими лексико-семантическими группами:

1.1. Глаголы *однонаправленного движения, ориентированного относительно исходного и конечного пунктов* со значением «двигаться в определенном направлении откуда-л. куда-л. по твердой поверхности или в жидкой, воздушной среде», относящиеся к СТ глагольных новообразований с суффиксом *-ова-*, мотивированных существительными, со словообразовательным значением ‘совершать действие, имеющее отношение к тому, что названо мотивирующим словом’: *курс-ова-ть* ‘идти по чьему-л. курсу’ («А эшквadra от Карлсхрона .. не вооружена и вскорѣ вооружить невозможно, чтоб *курсовали* эшквaдру Стокгольмскую. ММД 68») [СлРЯ XVIII в., вып. 11: 88].

1.2. Глаголы *разнонаправленного движения субъекта* со значением «двигаться в разных направлениях» относятся к следующим словообразовательным типам:

1) глаголы с суффиксом *-ова-*, мотивированные существительными, со словообразовательным значением ‘совершать действие, имеющее отношение к тому, что названо мотивирующим словом’: *дрейф-ова-ть* ‘отклоняться от заданного курса вследствие воздействия ветра и течения; плыть по течению’ («<Корабль> потеряет ход и почнет *дрейфовать* боком в сторону. Зотов 28») [СлРЯ XVIII в., вып. 7: 6];

2) глаголы с суффиксом *-и-*, мотивированные существительными, словообразовательным значением ‘совершать действие, имеющее отношение к тому, что названо мотивирующим словом’: *колес-и-ть* ‘плутать, блуждать, ходить в разных направлениях’ («Етот человек много *колесит*, бѣгает в зад и в перед. ФРЛ¹ II 678» [СлРЯ XVIII в., вып. 10: 90]).

Таким образом, подсистему глагольных новообразований, возникших в период формирования национального литературного языка, составляют семантические поля глаголов действия, деятельности и поведения, речевой деятельности и звучания, состояния, движения.

В период формирования национального литературного языка снижается интенсивность пополнения семантического поля действия по сравнению со старорусским языком. Если в XV-XVII вв. семантические поля глаголов

деятельности и поведения и состояния почти не уступали друг другу, то в XVIII в. семантическое поле деятельности и поведения активнее пополняется новообразованиями.

Суффиксальные глагольные неологизмы, возникшие в XVIII в., образовывались по традиционным словообразовательным моделям: от имен существительных и имен прилагательных при помощи суффиксов *-и-*, *-а-*, *-ова-*, *-ствова-*, а также по новой формирующейся модели с суффиксом *-нича-*, который появился в результате слияния суффиксов *-ник-* и *-а-*.

Помимо собственно новообразований, то есть глаголов, образованных от русскоязычных основ при помощи русскоязычных суффиксов, в период формирования национального литературного языка из других языков проникает большое количество неологизмов-заимствований, часть которых, согласно пометам словаря, остается и закрепляется в русском языке, а другая часть существует только в XVIII в. и постепенно исчезает. В связи с большим наплывом заимствований в русском языке XVIII в. начинают формироваться новые словообразовательные модели с контаминированными (иноязычно-русскими) суффиксами *-ирова-*, *-изирова-*, которые «были включены в словообразовательную систему русского языка в виде редуцированных сплавов» [Крючкова 2010: 261]. Суффиксы *-ирова-*, *-изирова-* являлись составными вариантами суффикса *-ова-*, возникшими под влиянием немецких суффиксов *-ieren*, *-izieren* [Виноградов 1986]: *баронизировать* ‘нем. *baronisieren*. Пожаловать титулом барона’ («*Баронизированы* были гратис. АВ II 292» [СлРЯ XVIII в., вып. 1: 143]). Подобный процесс – появление суффиксов-контаминантов – был типичен для русского языка как для глагольной лексики, так и для именной [Демьянов 1994].

Неологизмы-заимствования проникали в русский язык из французского языка (69 единиц): *аккордировать*, *ангажировать*, *аплодировать*, *гильотировать*, *дефилировать*, *дешифровать*, *дискредитировать*, *имажинировать*, *контролировать*, *куртизировать*, *лорнировать*, *маркировать*, *пикировать* и др. и немецкого языка (36 единиц): *адресировать*, *анатомировать*,

буксировать, декларировать, диспонировать, компоновать, конферировать, натурализовать, организовать и др.

Стоит отметить, что анализ данных новообразований имеет некоторую сложность, так как многие неологизмы с суффиксами **-ирова-** и **-изирова-** заимствовались одновременно из нескольких языков. Преимущественно заимствование происходило одновременно из двух языков: французского и немецкого, количество таких неологизмов составляет более 50 единиц: *абонировать, авансировать, баллотировать, блокировать, гравировать, декламировать, дискурировать, зондировать, купировать, лавировать, маринировать, палисадировать*. Реже заимствование могло происходить одновременно из трех языков: французского, немецкого и итальянского (*волтижировать, галопировать*), французского, немецкого и голландского (*канонировать, конвоировать*); крайне редко из четырех языков: французского, немецкого, голландского и английского (*крейсировать*).

Некоторые глаголы, оканчивающиеся на **-ировать, -изировать**, могли не только заимствоваться, но и образовываться от иноязычных существительных, которые появились в период формирования национального литературного языка и постепенно осваивались носителями языка. К таким неологизмам можно отнести следующие:

анатомировать ‘то же, что анатомить’ 1720 г.: 1) от нем. *anatomieren* + суффикс **-ирова-**; 2) от *анатомия* 1698 г. + суффикс **-ирова-**;

баронизировать ‘пожаловать титулом барона’ 1735 г.: 1) от нем. *baronisieren* + суффикс **-изирова-**; 2) от *барон* 1697 г. + суффикс **-изирова-**;

гильотировать 1794 г.: 1) от фр. *guillotiner* + суффикс **-ирова-**; 2) от *гильотина* 1794 г. + суффикс **-ирова-**;

глассировать ‘покрывать гласом, глазурью’ 1796 г.: 1) от фр. *glacer* + суффикс **-ирова-**; 2) от *глас*² 1795 г. + суффикс **-ирова-**;

контрастировать ‘заключить контракт; оговорить контрактом’ кон. XVIII в.: 1) от фр. *contraster* + суффикс **-ирова-**; 2) от *контраст* 1777 г. + суффикс **-ирова-**
ирова-минировать ‘заложить порох в мину, в подземный ход’ 1761 г.: 1) от фр.

miner, непоср. или чрез нем. minieren + суффикс **-ирова-**; 2) от *мина*¹ 1706 г. + суффикс **-ирова-**;

моделировать ‘делать модель чего-л.’ 1750 г.: 1) от фр. modeler, непоср. и через нем. modellieren + суффикс **-ирова-**; 2) *модель*¹ 1702 г. + суффикс **-ирова-** и др.

Основанием для определения производности может служить как время появления неологизма в русском языке, которое фиксируется весьма отчетливо в динамическом Словаре русского языка XVIII в. (ср.: *мина* 1706 г. и *минировать* 1761 г.), так и наличие глагольного неологизма, который определяется через именной неологизм:

интриговать ‘заниматься интригами, строить козни’ («Полезньѣ бы для Франци было не *интриговать*. Дн. Хрп. 36» [СлРЯ XVIII в., вып. 9: 106]);

минировать ‘заложить порох в мину, в подземный ход’ («Всѣ дороги *минированы*. Псм⁴ Румянц. 515» [СлРЯ XVIII в., вып. 12: 195]);

моделировать ‘делать модель чего-л.’ («Каждую часть сего строения <гробницы-монумента>, которая из металла состоять имеет, *моделировать* из алебастру или из дерева в настоящей величине и, рассмотрев и исправив в модели погрешности, потом делать из металла. Лом. АСС IX 131» [СлРЯ XVIII в., вып. 12: 241]).

Крайне редко новообразования с суффиксами **-ирова-** и **-изирова-** могли мотивироваться только иноязычными существительными (то есть данные глагольные неологизмы не заимствовались из других языков):

банкировать ‘метать банк’ образовано от банк + суффикс **-ирова-**;

букканировать ‘быть буканером, пиратствовать’ образовано от буканер + суффикс **-ирова-**;

пародировать ‘создать, сочинить пародию, представить что-л. в смешном виде’ образовано от пародия + суффикс **-ирова-**.

В конце XVII – начале XVIII в. суффикс **-ова-** значительно расширил свои функции под влиянием заимствований из польского языка, в которых широко был распространен глагольный суффикс **-ować**: *администровать* ‘пол. administrować.

Осуществлять администрацию, править, управлять’, *assystować* ‘пол. *assystować*. Сопровождать (в качестве свиты или для оказания помощи)’. В связи с этим закреплялась словообразовательная модель с суффиксом **-ова-** (являющимся калькой польского суффикса *-ować*), соотносимой с русской моделью с суффиксом **-ова-** (ср.: *бронзовать* от бронза + суффикс **-ова-** и *комплектовать* непосредственно и через пол. *kompletować*). В результате этого суффикс **-ова-** стал активным средством приспособления к русской глагольной системе именных и глагольных основ, заимствованных из других языков [Виноградов 1986].

Словообразовательные модели глаголов с суффиксами **-ова-**, **-ирова-**, **-изирова-** начали формироваться именно в XVIII в. и в связи с этим отличались малой продуктивностью. Однако, несмотря на это, из словообразовательных пар типа *баллотировать – балотовать*, *блокировать – блоковать*, *гарантовать – гарантировать*, *декламовать – декламировать* в языке закреплялся именно словообразовательный вариант с суффиксом **-ирова-**, второй вариант утратился в XVIII в., согласно данным Словаря русского языка XVIII в.

Поскольку период формирования национального литературного языка приходится и на XIX в., в поле нашего анализа были включены неологизмы, появившиеся в данное столетие. Методом сплошной выборки из Словаря русского языка XIX в. было отобрано 44 глагольных неологизма. Словарь русского языка XIX в. – динамический словарь, в котором с помощью специальных помет фиксируются неологизмы. Данный словарь является развивающимся научным проектом, в связи с чем, полагаем, что в словаре отражены не все неологизмы XIX в. В ходе анализа имеющегося материала были обнаружены следующие особенности процесса неологизации в XIX в.

Развитие *семантического поля деятельности и поведения*, которое представлено следующими словообразовательными типами:

1) глаголы с суффиксом **-нича-**, мотивированные существительными, со словообразовательным значением ‘быть кем’: *адвокат-нича-ть* ‘заниматься ведением судебных дел, быть адвокатом’ («Он <Кутырин> работал над «расширением свеклосахарного производства» в «южном» имении главного

своего доверителя, делами и именьями которого он управлял и в то же время не брезговал при случае «*адвокатничать*», благо имел от суда и палаты свидетельства на ведение чужих дел» В. Кротков. Частный поверенный 405 [1882]) [СлРЯ XIX в.];

2) глаголы с суффиксом *-ствова-*, мотивированные существительными, со словообразовательным значением 'быть кем': *атаман-ствова-ть* 'быть атаманом, возглавлять казачье войско' («Кутейников атаманствовал потом более 8-ми лет по март месяц 1836 года, и современники рисуют чрезвычайно грустную картину атаманства Кутейникова» Рус. стар. XIII 43 [1875]) [СлРЯ XIX в.];

3) глаголы с суффиксом *-ствова-*, мотивированные существительными, со словообразовательным значением 'совершать действия, свойственные тому, кто назван мотивирующим существительным': *амикошон-ствова-ть* 'вести себя подобно амикошону, амикошонам' («С Пюжаком. у него <Боровского>устанавливались такие же отношения: тот был прост, обязателен до последних пределов; с таким человеком, казалось бы, можно было *амикошонствовать* всласть» Рус. вестн. LXV 614 [1866]) [СлРЯ XIX в.];

4) глаголы с суффиксом *-нича-*, мотивированные прилагательными, со словообразовательным значением 'совершать действия, свойственные тому, кто имеет признак, названный мотивирующим прилагательным': *угрюм-нича-ть* 'иметь мрачный, строгий вид' («- Что ты этакой дикий стал? Видно, Квинтилианус тебя таким пономарем устроил. Да перестань же *угрюмничать*; али ты мне не рад?» Библ. для чт. LXV 43 [1844]) [СлРЯ XIX в.].

Для XIX в. также характерно пополнение *семантического поля речевой деятельности и звучания*. Суффиксальные глагольные неологизмы данного поля формируют лексико-семантическую группу характеризованной речевой деятельности со значением «произносить что-л., как-л., каким-л. образом, обнаруживая характерные артикуляционные особенности говорения или выражая при этом какие-л. внутренние эмоциональные состояния», которая представлена следующими глаголами: *дзе-ка-ть* 'произносить аффрикаты «дз», «тс» вместо мягких звуков «д», «т»' («Боровичи *дзекают*: за дзерево циной сойдземси; тсяні,

тсипун тсебе! Но еще более, чем дзеканье, распространено, почти от Ладоги до Белозера, косноязычие другого рода: цоканье и чваканье (чавканье), т.-е. взаимная замена букв ч, ц одной другою: курича, улича, черква, чолковый; целовек, гóлщить, цесть, сцывать» В. И. Даль. О наречиях русского языка 22 [1852]) [СлРЯ XIX в.]; *и-ка-ть* ‘произносить звук «и» во всех безударных слогах после мягких согласных’ («В моих записях два раза отмечено о женщине, говор которой я наблюдал здесь преимущественно: «сильно *икает*». В. И. Чернышев. Сведения о народных говорах некоторых селений Московского уезда 9 [1900]) [СлРЯ XIX в.]; *я-ка-ть* ‘произносить безударный звук «а» после мягких согласных’ («Гласный звук е без ударения в Мещовске обращается в я: здесь «*якают*», по местному выражению, и очень заметно, хотя не так резко как в деревнях. Говорят: плятушка, тряпать, чятыри, чяво, вясной .. и т. д.» ИОРЯС III 66 [1898]) [СлРЯ XIX в.] и др. Отметим, что данные глаголы входили в терминосистему русского языка, поскольку имели помету *лингвистическое*.

Тенденция к словообразовательному варьированию прослеживается в данный период. Нами отмечен четырехкомпонентный ряд русскоязычных словообразовательных вариантов: *атаман-и-ть* – *атаман-нича-ть* – *атаман-ова-ть* – *атаман-ствова-ть* ‘быть атаманом, возглавлять казачьим войском’.

Помимо этого, в XIX в. продолжается процесс заимствования, в ходе которого развиваются словообразовательные модели с иноязычными суффиксами, появившиеся в XVIII в.: *автограф-ирова-ть* (нем. *autographieren*, франц. *autographier*) [СлРЯ XIX в.]; *алкогол-изирова-ть* (франц. *alcoholiser*, нем. *alkoholisieren*) [СлРЯ XIX в.]; *алкогол-изова-ть* (франц. *alcoholiser*, нем. *alkoholisieren*) [СлРЯ XIX в.] и др. Заимствование из нескольких языков одновременно (из французского, немецкого, польского), характерное для периода формирования национального литературного языка, остается актуальным и для 19 в. Однако заимствование из польского языка в этот период не зафиксировано.

2.3 Суффиксальные глагольные неологизмы в русском языке рубежа тысячелетий (к. XX – н. XXI вв.)

Периодом пополнения языка большим количеством неологизмов можно считать конец XX века (1990-е годы) – начало XXI века (2000-2020-е годы). В конце XX века в русском языке происходили значительные изменения: под влиянием внешних причин активное вхождение в систему языка новой лексики сопровождалось одновременным уходом в пассив значительного числа советизмов [ТСРЯ XX в.: 3]. Как отмечают исследователи, «события второй половины 80-х – начала 90-х годов по своему воздействию на общество и язык подобны революции, ослабляется цензура, возрастает личностное начало в речи, расширяется сфера спонтанного общения и др.» [Русский язык конца XX столетия 2000: 12]. Очевидно, что в этот период язык претерпевает значительные изменения под влиянием политических, экономических, социальных, культурологических, психологических факторов [Костомаров 2005].

По справедливому замечанию Г. Н. Трофимовой, «если в традиционной реальности тексты, имеющие внеязыковую и языковую обусловленность, являются двойственными, то виртуальная реальность добавляет сюда третий компонент – обусловленность компьютерно-сетевую» [Трофимова 2009: 204], поэтому неологизация языка на рубеже тысячелетий во многом определяется влиянием интернет-коммуникации.

Подчеркнем, что начало XXI в. мы рассматриваем широко: временной промежуток с 2000-го года по настоящее время.

В качестве материала исследования были взяты лексикографические источники: «Толковый словарь русского языка конца XX в.: языковые изменения» под редакцией Г. Н. Складневской [ТСРЯ XX в. 1998], трехтомный словарь-справочник по материалам прессы и литературы 90-х годов XX века «Новые слова и значения» [НСЗ 2009, 2014, 2014], а также словарные материалы «Новое в русском лексике» 2015-2022 годов [НРЛ 2015, 2016, 2017, 2018, 2019, 2020, 2021, 2022] и «Словарь языка интернета.ru» под редакцией М. А. Кронгауза [Кронгауз

2016]. Нами было отобрано 160 языковых единиц – суффиксальных глагольных новообразований, зафиксированных словарями новых слов.

Заметная тенденция неологизации суффиксальной глагольной лексики на рубеже тысячелетий – активизация семантического поля глаголов деятельности и поведения.

Значительная часть неологизмов представлена агентивными глаголами, то есть глаголами *семантического поля деятельности и поведения* (50 единиц). Данные глаголы можно разделить на несколько лексико-семантических групп:

1.1. Глаголы *поступка и поведения* со значением «вести себя каким-л. образом, поступать как-л.» относятся к следующим словообразовательным типам:

1) глаголы с суффиксом **-и-**, мотивированные существительными, со словообразовательным значением ‘совершать действие, имеющее отношение к тому, кто (что) назван(о) мотивирующим существительным’: *бардач-и-ть* ‘шумно веселить, вести себя неподобающим образом, устраивая бардак где-л.’ («*Бардачите*, граждане голубятники? ..А вот я милицию вызову. Е. Звягин, Небесные бомжи (Кладоискатель, 1991)» [НСЗ, Т. 1: 135]); *пират-и-ть* ‘незаконно, без лицензии копировать, тиражировать и распространять чужие книги, компьютерные программы, аудио- и видеозаписи и т.п.; заниматься пиратством; пиратировать’ («Хотя в начале 90-х годов и вышел закон о правах предприятия, согласно которому к студии перешли все авторские права на снятые на ней картины, продукцию «Мосфильма» *«пиратят»* абсолютно всю. Э, 1997, 38» [НСЗ, Т. 3: 150]);

2) глаголы с суффиксом **-ова-**, мотивированные существительными, со словообразовательным значением ‘совершать действия, свойственные тому, кто назван мотивирующим существительным’: *жлобств-ова-ть* ‘вести себя подобно жлобу; демонстрировать безвкусицу, пошлость или скупиться’ («Первый в городе.. частный театр – его, панфиловский. Вниманием – нет, не обделен. И вот на тебе: «Балет толстых». Выпендривается? *Жлобствует?* Жирует? КПр 19.3.94» [НСЗ, Т. 1: 584]); *ксенофоб-ствова-ть* ‘выражать ксенофобские взгляды, проявлять ксенофобию, ксенофобство’ («Единственный раз в Тампе встретил

ксенофобствующего американца. Южный Урал (Оренбург) 29.4.97» [НСЗ, Т. 2: 381])

3) глаголы с суффиксом **-ирова-**, мотивированные существительными, со словообразовательным значением ‘совершать действия, имеющие отношение к тому, что названо мотивирующим существительным’: *пират-ирова-ть* ‘то же, что пиратить’ («Никто из реальных игроков отечественного аудио-, видеорынка, емкость которого близка к миллиарду долларов, и не думает скрывать, что *пиратируют* все. НовГ-П, 2000, 3» [НСЗ, Т. 3: 150]);

4) глаголы с суффиксом **-нича-**, мотивированные существительными, со словообразовательным значением ‘совершать действия, имеющие отношение к тому, что названо мотивирующим существительным’: *плагиат-нича-ть* ‘заниматься плагиатом; создавать плагиат; копировать кого-, что-л.’ («Магдалену по ходу [переделки пьесы] переделали в Макарену. Во-первых, потому, что в андалузских семьях это самое популярное имя,.. а в-четвертых, чтобы уж совсем не *плагиатничать*. КПр 30.8.96» [НСЗ, Т. 3: 164]).

1.2. Глаголы *профессионально-трудовой деятельности* со значением «работать кем-л., в какой-л. должности, выполнять какие-л. профессиональные обязанности, заниматься каким-л. трудом (физическим и (или) умственным), применяя свои знания, опыт на практике) относятся к следующим словообразовательным типам:

1) глаголы с суффиксом **-ствова-**, мотивированные существительными, со словообразовательным значением ‘работать в качестве кого-л., выполнять обязанности кого-л.’: *дизайнер-ствова-ть* ‘работать дизайнером, заниматься дизайнерскими разработками’ («Он *дизайнерствует* двадцать пять лет.. Он кофеварки умеет проектировать с чувственным удовольствием. ОГ, 1995, 43» [НСЗ, Т. 1: 511]); *диспетчер-ствова-ть* ‘выполнять работу диспетчера, быть диспетчером’ («Здесь постоянно клубится народ: *диспетчерствует* на телефоне директор Володя. Д, 1995, 14» [НСЗ, Т. 1: 519]);

2) глаголы с суффиксом **-и-**, мотивированные существительными, со словообразовательным значением ‘быть кем-л.’: *жюр-и-ть* ‘оценивать кого-, что-

л. в составе жюри фестиваля, конкурса и т.п.; приниматься участие в работе какого-л. жюри' («Оценивать работу наших рекламопроизводителей будут европейские специалисты.. «Жюрировать» самих себя никто не будет. АиФ, 1998, 32» [НСЗ, Т. 1: 585]);

3) глаголы с суффиксом **-ирова-**, мотивированные существительными, со словообразовательным значением 'быть кем-л.': *продюс-ирова-ть* 'быть продюсером' («Мои друзья из группы «Рок-ералаш из провинции», которых я **продюсировал** почти год, помогли с инструментами для занятий. Пульс, 1991, 9» [ТСРЯ XX в.: 514]); *спонс-ирова-ть* 'финансировать, выделять денежные средства' («КредоБАНК **спонсирует** работу МХАТа. РВ, 20.04.92» [ТСРЯ XX в.: 608]).

Другая тенденция процесса неологизации в русском языке конца XX – начала XXI вв. – образование новых глаголов от имен собственных.

Активность образования новых слов на базе имен собственных на рубеже тысячелетий неоднократно отмечалась исследователями [Земская 1996; Безрукова 2021]. Отметим, что в процессе образования глагольных неологизмов от имен собственных в качестве производящей базы используются как русские, так и иноязычные основы, а словообразовательное значение новых производных можно определить следующим образом: «вести себя как лицо, обозначенное производным словом».

Приведем примеры таких новообразований и их употреблений: *ванговать* 'предсказывать или предполагать что-либо' («Писал курсач в последнюю ночь. **Вангую**, что с такими привычками не видать мне диплома» [Кронгауз 2016]) от Ванга – слепая прорицательница, *трампнуть* '1. Резко изменить что-л., вызвать значительное потрясение. 2. Об утрате способности правильно мыслить, действовать' («Рынок **трампнут** мощным импульсом роста. Элитный трейдер 26.11.16. Набиуллина посоветовала россиянам перестать тратить деньги. Что Вы об этом думаете? **Трампуло** тетю. Континенталисть 16.11.16» [НРЛ 2016: 100]) от Дональд Трамп – президент США в 2017-2021 гг.

Образование подобных глаголов, безусловно, ситуативно, и определяется действием экстралингвистических факторов – конкретных ситуаций, связанных с отдельными личностями, чьи имена использованы в качестве производящей основы, их качествами, родом деятельности. Употребление таких неологизмов чаще всего привязано к определенному промежутку времени, поэтому и их речевое функционирование чаще всего кратковременно.

Наиболее интенсивным образование суффиксальных глагольных неологизмов (нами зафиксировано 6 единиц) от имен собственных было в 2022 г., что, несомненно, связано с политическими событиями, оказавшими влияние на весь мир: *байденить* (от Джозеф Робинетт Байден), *макронить* (от Эммануэль Макрон), *меркелить* и *меркельнуть* (от Ангела Доротея Меркель), *пелосить* (от Нэнси Пелоси), *шольцевать* (от Олаф Шольц), что еще раз подтверждает обусловленность образования подобных глаголов экстралингвистическими факторами.

Анализ суффиксальных неологизмов рубежа тысячелетий показал, что *тенденция к образованию новых суффиксальных глаголов, относящихся к семантическому полю глаголов действия* (80 единиц), не только по-прежнему сохраняется в языке, но и становится наиболее активной по сравнению с предыдущим анализируемым периодом.

Глаголы данного поля представлены следующими лексико-семантическими группами:

1.1. Глаголы *приготовления чего-либо* со значением «приготовлять пищу, питье и т.п. каким-л. способом, приводя продукты питания в годное к употреблению состояние» относятся к следующему словообразовательному типу глаголов с суффиксом **-и-**, мотивированных существительными, со словообразовательным значением ‘создавать то, что названо мотивирующим существительным’: *бодяж-и-ть* ‘готовить самодельным способом суррогат спиртного, жидкое наркотическое вещество’ («Здесь за короткое время прошли путь от кустарей-одиночек, которые «*бодяжили*» водку чуть ли не в ваннах, до современных цехов, оборудованных новейшими технологическими линиями по

розливу спиртного. НГ 23.7.97» [НСЗ, Т. 1: 205]); *смуз-и-ть* ‘готовить или пить смузи’ («К тому же экономика вроде бы позволяла кушать, праздновать пятницу, **смузить** по утрам киви с бананами и два раза в год летать в Таиланд или Турцию, иногда в Египет. Бизнес-новости Республики Коми (Сыктывкар) 06.12.2015» [НРЛ 2015: 82]);

1.2. Глаголы *создания объекта в результате интеллектуального труда* со значением «создавать, приводить что-л. в результате интеллектуального труда, творчески работая над чем-л.» относятся к следующему словообразовательному типу:

1) глаголы с суффиксом **-изирова-**, мотивированные существительными, со словообразовательным значением ‘создавать то, что названо мотивирующим существительным’: *виртуал-изирова-ть* ‘с моделировать, моделировать что-л. с помощью компьютерной техники, интернет-технологий; создать имитацию чего-л., сделав наглядным’ («Internet предлагает **виртуализировать** эти действия, соединив супермагистралью два пункта: информацию и результат. Мод, 1999, 20» [НСЗ, Т. 1: 306]);

2) глаголы с суффиксом **-ова-**, мотивированные существительными, со словообразовательным значением ‘создавать то, что названо мотивирующим существительным’: *клип-ова-ть* ‘создавать, воспроизводить клипы; отображать в них кого-, что-л., сниматься в них; создавать клипы к музыкальным произведениям, записывать их на пленку’ («Пока женщины подводили ресницы,.. дети облизывали венчики, телевидение **клиповало**. По всем законам жанра. ТВ-Р, 1993, 1» [НСЗ, Т. 2: 49-50]);

3) глаголы с суффиксом **-ирова-**, мотивированные существительными, со словообразовательным значением ‘создавать то, что названо мотивирующим существительным’: *клон-ирова-ть* ‘создать (создавать) клон; осуществить (осуществлять) клонирование’ («Это было действительно эпохальное событие, поскольку до этого **клонировать** удавалось только земноводных – лягушек.. Теперь же метод удалось перенести на млекопитающих! КПр 11.3.97» [НСЗ, Т. 2: 67-68]); *ремикш-ирова-ть* ‘создать (создавать) ремикс; ремиксировать;

ремиксовать' («В настоящее время Island Records планирует сделать музыку [Боба] Марли более доступной *ремикширует* все его предыдущие работы, которые вскоре выйдут на CD. ВКл 7.12.9») [НСЗ, Т. 3: 559];

4) глаголы с суффиксом *-и-*, мотивированные существительными, со словообразовательным значением 'создавать то, что названо мотивирующим существительным': *креатив-и-ть* 'создавать креатив; заниматься креативной деятельностью' («Мы как рекламодатели нанимаем на работу рекламное агентство, которому платим за то, чтобы оно обслужило нас по высшему классу.. К сожалению, многие российские РА об этом забывают, впадая в крайности: то «*креативят*» ради собственного удовольствия, то одну и ту же идею пытаются предложить всем своим клиентам. Проф, 1999, 42») [НСЗ, Т. 2: 304]); *пиар-и-ть* 'формировать общественное мнение о ком-, чем-л., создавать имидж (обычно положительный) кого-, чего-л., возбуждать интерес к кому-, чему-л.; заниматься пиар-деятельностью' («Директор [музея].. идет «*пиарить*»: льет слезы в прессе, организует «клубы друзей музея» по всему миру, устраивает благотворительные выставки, на которых собираются средства, с трудом покрывающие первоочередные командировочные расходы в Швейцарию, на бухгалтерский семинар. НЗ, 1999, 2») [НСЗ, Т. 3: 105]).

1.3. Глаголы *ЛСГ* со значением «осуществлять что-л. задуманное, намеченное, желаемое, порученное и т.п., совершать, выполнять какое-л. дело, работу» относятся к следующим словообразовательным типам:

1) глаголы с суффиксом *-ирова-*, мотивированные существительными, со словообразовательным значением 'делать то, что названо мотивирующим существительным': *кэш-ирова-ть* 'осуществлять операции кэширования; использовать кэш' («Данные, поступающие в реальном времени, например, курсы акций и прогноз погоды, не следует *кэшировать*, чтобы к клиенту не попала устаревшая информация. СЖ, 2000, 1») [НСЗ, Т. 2: 406]); *приватиз-ирова-ть* 'осуществить (осуществлять) приватизацию' («Пора брать на себя ответственность и разрешать. Высвободить цены. *Приватизировать* торговлю, услуги, общественное питание. Все прочее. ЛГ, 1990, 49») [НСЗ, Т. 3: 384-385]);

2) глаголы с суффиксом **-ова-**, мотивированные существительными, со словообразовательным значением ‘делать то, что названо мотивирующим существительным’: *пирсинг-ова-ть* ‘осуществлять (осуществить) процедуру пирсинга; делать (сделать) пирсинг’ («Вот, если человек не может удивить своим красивым лицом, он начинает его *пирсинговать*, вешать везде колечки. АиФ-ЯМ, 2000, 17» [НСЗ, Т. 3: 154]);

3) глаголы с суффиксом **-и-**, мотивированные существительными, со словообразовательным значением ‘делать то, что названо мотивирующим существительным’: *рендер-и-ть* ‘осуществлять рендеринг’ («На тот момент возможности прорисовки графики были слабыми, и в режиме реального времени можно было *«рендерить»* (делать реалистичными) изображения приличного качества только с помощью мощных графических станций. КвШ, 1998, 1» [НСЗ, Т. 3: 561]).

1.4. Глаголы *передачи информации* со значением «передавать кому-л. какую-л. информацию» относятся к следующим словообразовательным типам:

1) глаголы с суффиксом **-изова-**, мотивированные прилагательными, со словообразовательным значением ‘делать то, что названо мотивирующим существительным’: *вербал-изова-ть* ‘выразить, описать словами что-л.; воплотить в словесную (вербальную) форму (чувство, мысль, состояние и т.п.)’ («Ведь мы думаем не словами, а некими импульсами, которые затем в зависимости от искусности языка мы можем *вербализовать*, а можем и не превратить в слова из-за косноязычия. МК 5.9.99» [НСЗ, Т. 1: 276]);

2) глаголы с суффиксом **-ирова-**, мотивированные существительными, со словообразовательным значением ‘совершать действие, имеющее отношение к тому, что названо мотивирующим словом’: *перформанс-ирова-ть* ‘продемонстрировать, представить (представлять) что-л. в жанре перформанса; принять (принимать) участие в нем’ («Необъятные тела молодые петербуржцы *перформансировали* в галерее Spider & Mouse. Сег 30.10.95» [НСЗ, Т. 3: 96]); *факс-ирова-ть* ‘посылать, отправлять факсом какое-л. сообщение; факсовать’ («Чтобы прояснить ситуацию, еще в конце лета прошлого года «НГ» обратилась в

Департамент по охране культурных ценностей Минкульта РФ к начальнику отдела этого департамента Владимиру Погдину с просьбой **факсировать** нам в газету список предприятий, прошедших лицензирование. НГ 7.2.98» [НСЗ, Т. 3: 1184-1185]);

3) глаголы с суффиксом **-ова-**, мотивированные существительными, со словообразовательным значением ‘совершать действие, имеющее отношение к тому, что названо мотивирующим словом’: *факс-ова-ть* ‘то же, что факсировать’ («Мы, по крайней мере, обо всех таких фактах стараемся незамедлительно **факсовать** в УЭП. ВМ 3.2.96») [НСЗ, Т. 3: 1186];

1.5. Глаголы *активного воздействия на объект с нанесением ему вреда, вплоть до разрушения* со значением «подвергать кого-, что-л. воздействию чего-л. с целью нанесения вреда, вплоть до разрушения объекта» на рубеже веков имеют семантику не физического воздействия, а психологического, ментального и относятся к словообразовательному типу новообразований с суффиксом **-и-**, мотивированных существительными, со словообразовательным значением ‘совершать действие, имеющее отношение к тому, что названо мотивирующим словом’: *газлайт-и-ть* ‘осуществлять газлайт’ («Ведь барышня-то тебя кругом **газлайтит** и делает без вины виноватым. А ты как бы еще сиди и думай, чем ты ее обидел. Еще пару таких тренировочных заходов с ее стороны — ты и вправду начнешь верить, что в чем-то неправ и что-то делаешь не так. Бизнес-линч 12.05.16» [НРЛ 2016: 39]); *панч-и-ть* ‘в речи реперов – во время рэп-батла высмеивать, унижать соперника едкими и остроумными фразами’ («Огромный увалень в панаме, не стесняющийся **панчить** сам себя про то, как получил лещей от рэпера Сtima. Life.Ru 27.10.16» [НРЛ 2016: 84]);

В конце XX – нач. XIX вв. продолжает пополняться *семантическое поле глаголов состояния* (35 единиц). Данные новообразования можно разделить на следующие лексико-семантические группы:

1. Глаголы *становления качества*:

1.1. Глаголы *становления физического качества* со значением «приобретать какие-л. физические признаки, становиться каким-л. по форме, цвету, структуре»

относятся к словообразовательному глагольному типу с суффиксальным формантом *-и-* со словообразовательным значением ‘находиться в состоянии, свойственном тому, что названо мотивирующим существительным (неодобрительное)’: *колбас-и-ть* ‘о плохом физическом состоянии, самочувствии после принятия алкоголя, наркотика, под влиянием физической боли, в результате болезни’ («Меня *колбасит* во все стороны” – очень неустойчивое эмоциональное состояние или физическое нездоровье. “Меня после вчерашнего колбасит конкретно” – то есть не просто плохое самочувствие, а окончательный расколбас. Камчатская правда (Петропавловск-Камчатский) 6.2.98») [НСЗ, Т. 2: 100-101]; *кумар-и-ть* ‘о состоянии наркотического похмелья, ломке’ («Там одного *кумарило* круто. А. Мазурова, Сленг хип-системы. По неписанным законам улицы, 1991. – Семья, 1998, 32») [НСЗ, Т. 2: 393];

1.2. Глаголы *становления внутренних качеств человека* со значением «приобретать какие-л. внутренние качества, свойства (о человеке); становиться каким-л. по характеру, склонностям, душевной организации», которые относятся к следующим словообразовательным типам:

1) глаголы с суффиксом *-е-*, мотивированные существительными, со словообразовательным значением ‘превращаться в кого-либо’: *ботан-е-ть* ‘слишком старательно (по мнению лодырей) учиться, зубрить’ («На вопрос, что вы делали на прошедших каникулах, они ответили, что активно *«ботанели»*: ходили на курсы и готовились к экзаменам. ВМ 6.4.98») [НСЗ, Т. 1: 219];

2) глаголы с суффиксом *-нича-*, мотивированные существительными, со словообразовательным значением ‘уподобляться чему-нибудь, не будучи чем-либо (неодобрительно)’: *европей-нича-ть* ‘бездумно ориентироваться на Западную Европу; слепо перенимать все европейское’ («Что же касается наших связей с остальной Европой, то, разумеется, не следует просто *«европейничать»*. НГ 6.11.98») [НСЗ, Т. 1: 561];

2. Глаголы *проявления (изменения) качественного признака* со значением «делать кого-, что-л. или становиться иным, отличным от имеющегося или

имевшегося по виду, форме или содержанию, качествам, свойствам» относятся к следующим словообразовательным типам:

1) глаголы с суффиксом **-изирова-**, мотивированные существительными, со словообразовательным значением 'наделять кого-либо признаками того, кто назван мотивирующим существительным': *дебил-изирова-ть* 'сделать (делать) ограниченным, бездуховным (о народе, его представителях)' («Народ пытаются **дебилизировать!** АиФ, 1999, 28» [НСЗ, Т. 1: 466]); *люмпен-изирова-ть* 'превратить (превращать) в люмпенов; сделать похожим на люмпена' («Гоголевских героев режиссер весело **люмпенизировал**, Хлестаков (Максим Суханов) в нескольких сценах сознательно и откровенно похож на дембеля, измывающегося над салагами-новобранцами, почему бы и не вспомнить о Шарикове – самой популярной персонификации Грядущего Хама. Ком-Д 10.2.96» [НСЗ, Т. 2: 579]);

2) глаголы с суффиксом **-ирова-**, мотивированные существительными, со словообразовательным значением 'наделять кого-либо признаками того, кто назван мотивирующим существительным': *зомб-ирова-ть* 'подвергнуть (подвергать) зомбированию' («Публика почти **зомбирована** бесконечными американо-мексиканскими сериалами. ОГ, 1996, 14» [НСЗ, Т. 1: 640]);

3) глаголы с суффиксом **-изова-**, мотивированные существительными, со словообразовательным значением 'наделять кого-либо признаками того, кто назван мотивирующим существительным': *маргинал-изова-ть* 'превратить в маргиналов; маргинализировать' («Середняков успешно экспроприировали, но в 30-х годах их обобществили, а в 90-х – **маргинализовали**: поскольку крупные хозяйства деградировали и натурализовались, большинство лучших работников из деревни ушло или сменило род занятий. Зеркало недели (Киев, Украина), 1997, 40» [НСЗ, Т. 2: 631]);

3. Глаголы с общей семантикой «вести какой-л. образ жизни, в соответствии с какими-л. правилами, социальными и моральными нормами, личными возможностями или вследствие определенных объективных обстоятельств» относятся к следующим словообразовательным типам:

1) глаголы с суффиксом *-ева-*, мотивированные существительными, со словообразовательным значением ‘быть кем’: *бомж-ева-ть* ‘быть бомжом; вести образ жизни бомжа, не имея собственного жилья, постоянной прописки; бомжить’ («Как бывший детдомовец я знаю, что интернаты – это передовая кузница кадров для колоний и тюрем. Из моего класса 90 процентов молодцев и девиц *бомжуют*, гуляют, сидят или готовятся сесть. Нед, 1993, 50» [НСЗ, Т. 1: 219]);

2) глаголы с суффиксом *-и-*, мотивированные существительными, со словообразовательным значением ‘быть кем’: *бомж-и-ть* ‘то же, что бомжевать’ («Когда рухнула Берлинская стена и ее по кусочкам растащили на сувениры, российские немцы начали отбывать на историческую родину.. *Бомжить* даже в Германии тошно. ПГ 17.9.99» [НСЗ, Т. 1: 215]);

3) глаголы с суффиксом *-ирова-*, мотивированные существительными, со словообразовательным значением ‘быть кем’: *бомж-ирова-ть* ‘бомжевать’ («Интервью у Лопатина довелось брать на скамейке Тверского бульвара неподалеку от *бомжирующей* личности. ЧП, 20.07.92» [ТСРЯ XX в.: 110]);

4) глаголы с суффиксом *-ствова-*, мотивированные существительными, со словообразовательным значением ‘быть кем’: *люмпен-ствова-ть* ‘вести образ жизни, свойственный для люмпенов’ («Примерно десятая часть населения живет приближенно к западным стандартам, а девять десятых – *люмпенствует*. СК 22.12.90» [НСЗ, Т. 2: 581]);

3.1. Глаголы *эмоционального состояния* со значением «испытывать чувства, эмоции; быть, находиться в эмоциональном состоянии» относятся к следующим словообразовательным типам:

1) глаголы с суффиксом *-ова-*, мотивированные существительными, со словообразовательным значением ‘испытывать то, что названо мотивирующим существительным’: *слэм-ова-ть* ‘бурно выражать восторг, прыгая, толкаясь, имитируя потасовку и т.п. (на концерте, спортивном состязании)’ («Рябцев встал на барабаны, вылезла Тутта Ларсен, и минуты три они пропели там такое страшное рубилово, тяжеленную альтернативную музыку, и два каких-то

сумасшедших стали *слэмовать*: прыгали и бились друг о друга спинами. МузПр, 1997, 9» [НСЗ, Т. 3: 861]);

2) глаголы с суффиксом *-ева-*, мотивированные существительными, со словообразовательным значением ‘испытывать то, что названо мотивирующим существительным’: *кринж-ева-ть* ‘стыдиться чего-л. (сделанного другим человеком)’ («*Кринжевать* — чувствовать отвращение либо вызывать его своими действиями.. Когда Трамп заявил семилетней девочке, что в ее возрасте верить в Санту «маргинально», неловко стало не только американцам — *кринжевали* все. KtoNaNovenkogo (ktonanovenkogo.ru) 10.02.2019» [НРЛ 2019: 56]);

3) глаголы с суффиксом *-и-*, мотивированные существительными, со словообразовательным значением ‘испытывать то, что названо мотивирующим существительным’: *кринж-и-ть* ‘стыдиться чего-л.; чувствовать отвращение, возмущение и т.п. из-за чего-л. (сделанного другим человеком)’ («Еду в Челябинск завтра..кринжить и рофлить.. Новости регионов России (novostnash.ru) 13.08.2019» [НРЛ 2019: 56]).

Таким образом, подсистема глагольных новообразований, возникших на рубеже тысячелетий, представлена семантическими поля глаголов деятельности и поведения, состояния, действия.

В конце XX – начале XXI веков значительно расширяется лексико-семантическая группа глаголов действия по сравнению с предыдущим анализируемым периодом за счет появления новых реалий, предметов, событий и т.п. Не менее активна и лексико-семантическая группа глаголов деятельности и поведения, что также связано с экстралингвистическими факторами: появление новых реалий, требует появления новых профессий.

Выводы из главы 2

Синхронно-диахронный анализ семантико-словообразовательной подсистемы русских суффиксальных глагольных неологизмов позволяет

обозначить тенденции, характерные как для каждого синхронного периода, так и в исторической динамике в целом.

1. В старорусском языке наиболее активно образуются новые глаголы семантического поля действия. Глаголы с семантикой конкретного физического действия, направленного на объект, образуются по продуктивным отсубстантивным (реже отадъективным) словообразовательным моделям с суффиксами *-и-*, *-а-*, *-ова-* и позднее закрепляются в русском языке, становятся частью его лексического фонда (*боронити, грунтовати, смолити*). В этот период значительно расширяют свои границы семантические поля глаголов деятельности и поведения, а также состояния. Агентивные глаголы – это новообразования с семантикой профессионально-трудовой деятельности. Наиболее продуктивными словообразовательными моделями при их образовании становятся модели с суффиксами *-а-*, *-ова-*, *-и-*.

Семантическое поле глаголов состояния объединяет эволютивные глаголы, как объектные, так и субъектные, образующимися преимущественно по моделям с суффиксами *-ть-*, *-и-*. В старорусском языке продолжает пополняться лексико-семантическая группа речевой деятельности и звучания и в меньшей лексико-семантические группы бытийных глаголов и глаголов движения, которые были основой глагольной лексики в древнерусском языке. В старорусском языке словообразовательные модели отличаются многообразием.

2. В период формирования национального литературного языка происходит перераспределение лексики по семантическим полям. В XVIII в. значительно расширяется семантическое поле глаголов деятельности и поведения, в том числе и за счет формирования новой словообразовательной модели с суффиксом *-нича-* (*буянничать*). Явление множественной мотиваций глаголов на *-ствовать*, характерное для старорусского языка, в период формирования национального литературного языка сохраняется (*адковадствовать* < *адвокадство*, *адвокадствовать* < *адвокат*). Глаголы семантического поля состояния демонстрируют неологическую активность. В первую очередь это эволютивные глаголы, которые образуются при помощи суффиксов *-ть-*, *-и-*. В XVIII в.

формируются новые словообразовательные модели с суффиксами *-ирова-*, *-изирова-*, являющимися суффиксами-контаминантами, грамматически освоенные русским языком в результате интенсивного заимствования. Заимствование происходило преимущественно из французского, немецкого, польского языков, реже – голландского и английского. Интенсивность данного процесса породила большое количество словообразовательных рядов вариантов, которые утратились в этот же анализируемый период или позже. Кроме этого, в результате заимствования польских глаголов с суффиксом *-ować* формировалась новая словообразовательная модель с суффиксом *-ова-* (*комплектовать*). Итак, в период национального литературного языка ведущим становится семантическое поле глаголов деятельности и поведения, семантические поля действия и состояния пополняются в равной степени, а семантическое поле глаголов речевой деятельности и звучания, движения немногочисленны, как и в старорусском языке. Помимо этого, в XVIII в. появляются новые словообразовательные модели как с русскоязычными, так и иноязычными формантами.

3. Для конца XX – XXI вв. характерна актуализация семантического поля глаголов действия, однако, если в старорусском языке и в период формирования национального литературного языка, эта группа была представлена глаголами с семантикой конкретного физического действия или отрицательного воздействия на объект, то на рубеже тысячелетий эта группа представлена глаголами с семантикой создания объекта в результате интеллектуального труда, осуществления работы, передачи информации. Таким образом, происходит переход от конкретных действий, типичных для старорусского языка и периода формирования национального литературного языка, к абстрактным, характерным для конца XX – начала XXI вв. Глаголы данного поля образуются по отсубстантивным и отадъективным моделям с суффиксами *-ирова-*, *-изирова-*, *-изова-*, *-ова-*, *-и-*. Отметим, что если в XVIII в. суффиксальными глагольные неологизмы с суффиксами *-ирова-* и *-изирова-* были представлены заимствованиями (данные суффиксы отличались малой продуктивностью в силу своей новизны и неосвоенности), то на рубеже тысячелетий данные суффиксы

отличаются продуктивностью и могут присоединяться к русскоязычным основам, то есть процесс освоения данных суффиксов вполне завершен. Уступает семантическому полю глаголов действия семантическое поле глаголов деятельности и поведения. Яркой чертой анализируемого этапа развития языка является интенсивное образование суффиксальных глагольных неологизмов от имен собственных. В качестве производящей базы используются как русские, так и иноязычные основы, а сами новообразования активно вступают в словообразовательные отношения (например, от *трамхнуть* образуются префиксальные глаголы). В конце XX – начале XXI вв. пополняется, правда в меньшей степени, семантическое поле глаголов состояния. Глаголы образуются от отсубстантивных и отадъективных основ при помощи суффиксов **-и-**, **-нича-**, **-изирова-**, **-ирова-**, **-ова-**, **-ева-**, **-ствова-**, что свидетельствует о расширении функционала суффиксов **-ирова-**, **-изирова-**, реже при помощи суффикса **-е-** (для сравнения в старорусском периоде и в период формирования национального литературного языка в большей части глаголы семантического поля состояния образовывались при помощи суффикса **-ть-**; в настоящее время этот суффикс отличается малой продуктивностью).

4. Процесс суффиксальной глагольной неологизации характерен для всех этапов языкового развития: старорусского языка, периода формирования национального литературного языка, конца XX – начала XXI вв. Словообразовательная подсистема русских глагольных неологизмов претерпевает изменения: появляются новые словообразовательные модели, расширяется / сужается функционал глагольных суффиксов, некоторые модели, наоборот, становятся малопродуктивными.

ГЛАВА 3

ТЕНДЕНЦИИ СТРУКТУРНОЙ И СЕМАНТИКО-СТИЛИСТИЧЕСКОЙ ДИНАМИКИ ГЛАГОЛЬНОЙ ПОДСИСТЕМЫ В ХОДЕ ЕЕ НЕОЛОГИЗАЦИИ

3.1 Особенности формирования словообразовательных отношений в процессе неологизации русской глагольной лексики: суффиксация, префиксация, конфиксация

В ходе синхронно-диахронного анализа подсистемы суффиксальных глагольных неологизмов, предпринятого нами во второй главе диссертации, было показано, что процесс пополнения русского языка новой глагольной лексикой в значительной степени был обусловлен развитием глагольной суффиксации. Этот процесс определялся не только образованием новых глаголов по исконным суффиксальным моделям, которые сложились уже в древнерусский период, но и формированием новых словообразовательных суффиксальных моделей.

Закономерно возникает вопрос о соотношении не только разных суффиксальных моделей, но и разных способов образования глагольных неологизмов. Представляется важным обратиться к вопросу о соотношении суффиксального и префиксального словопроизводства в процессе неологизации глагольной лексики.

Попытка выявить некоторые закономерности взаимодействия этих способов словообразования в ходе глагольной неологизации базируется на исследовании собственного языкового материала в соотнесении с имеющимися результатами, полученными другими авторами при изучении динамики префиксальных глагольных подсистем [Волохина, Попова 1993; Дмитриева 2005; Дмитриева, Крючкова 2010; Кадькалова 2007; Кронгауз 1998; Кукушкина 1996; Нефедьев 1995; Табаченко 2002].

Существенным для нас является ряд положений этих исследований.

1. Внутриглагольная префиксация, то есть образование приставочных глаголов от глаголов, – это процесс, который характеризуется однородностью производящей базы. В качестве производящей базы рассматриваются глаголы, способные включаться в процесс префиксального словопроизводства [Бесолова 1975; Дмитриева, Крючкова 2010]. В древнерусском языке основную часть производящей базы приставочных глаголов составляла глагольная лексика с семантикой положения в пространстве, перемещения, а также физического воздействия на объект, относящаяся к общеиндоевропейскому и восточнославянскому лексическому фонду [Нефедьев 1994; Дмитриева 2005; Дмитриева, Крючкова 2010].

2. В ряде исследований показано, что такая семантика базовых глаголов соотносилась с самыми ранними пространственными значениями приставок, а с формированием у них модификационных значений, характеризующих разные способы глагольного действия, качественный состав производящей базы расширяется [Нефедьев 1994; Кукушкина 1996; Табаченко 2002; Дмитриева 2005, Дмитриева, Крючкова 2010].

3. Изменение состава производящей базы происходит за счет пополнения ее новой глагольной лексикой, образованной уже в русском языке суффиксальным способом от именных основ, что сопровождается семантическим расширением базы за счет глаголов деятельности и поведения (агентивными глаголами) [Кадькалова 2007; Дмитриева, Крючкова 2010].

В качестве собственного языкового материала методом сплошной выборки из ранее обозначенных лексикографических источников были отобраны все глаголы с приставкой *за-*, которые можно рассматривать как неологизмы в рамках отдельных периодов развития языка. Из «Словаря русского языка XI–XVII вв.» взяты глаголы на *за-*, первое употребление которых фиксируется в источниках, относящихся к старорусскому периоду, то есть XV–XVII вв. (200 единиц). Из «Словаря русского языка XVIII века» было отобрано 350 новообразований с приставкой *за-*. Все они сопровождаются специальной пометой, обозначающей их

принадлежность к неологической лексике. По материалам современных словарей неологизмов [см. список источников] отобрано 40 префиксальных новообразований на *за-*.

В старорусский период процесс образования новых глаголов с приставкой *за-* обнаруживает соответствие действию ряда общих исторических тенденций глагольной префиксации.

1. Глаголы, где приставка *за-* имеет собственно пространственное значение перемещения за объект, которые были характерны для древнерусского языка (например, *зайти* ‘зайти за пределы чего-л.’ («Князи русти *заидошаза* Калакъ рѣку» XIII в. [СлРЯ XI-XVII вв., вып. 5: 204])), в старорусский период появляются редко и приобретают дополнительное значение «движение внутрь объекта» (например, *затащити* ‘затащить кого-л. куда-л.’ («Брата моего, болшево Сома, *затащил* в невод» XVII в. [Там же: 313])).

2. Анализ позволяет отметить возможность использования в старорусском языке приставки *за-* в сочетании с основами, обозначающими распространение действия по поверхности, то есть объектными глаголами физического действия (*зарушити* ‘разрушить’, *запустошити* ‘опустошить’, *затѣснити* ‘оттеснить’), но такие новообразования единичны. К тому же отчетливо обнаруживается тенденция к словообразовательной синонимии приставок, с последующим вытеснением приставки *за-* другими префиксами в сочетании с этими основами: *разрушить*, *опустошить*, *оттеснить*.

3. В качестве производящих глагольных основ с приставкой *за-* активно взаимодействуют в старорусском языке суффиксальные отыменные глаголы с общей семантикой покрытия объекта: *завоцити* ‘покрыть воском’, *задернити* ‘покрыть дерном’, *замаслити* ‘покрыть маслом’, *запылити*, *замусорити*, *застѣяти*, *забрызгати*, *запахати* др. [СлРЯ XI-XVII вв., вып. 5]. Стоит подчеркнуть, что активный характер неологизации старорусского языка за счет отыменных глаголов отмечался во второй главе работы.

4. Одной из групп суффиксальных глаголов, описанных во второй главе данной работы, были отыменные производные с эволютивной семантикой

становления, приобретения признака. Проведенный анализ новообразований с приставкой *за-* старорусского периода, показал, что отыменные глагольные неологизмы эволютивной семантики в этот период активно включались в процесс образования префиксальных неологизмов на *за-*. Эволютивные глаголы на *за-* могли обозначать приобретение того или иного свойства, признака как субъектом действия (*загнити* ‘стать гнилым’, *загустѣти* ‘стать густым’, *задряхлѣти* ‘стать дряхлым’, *заржавѣти* ‘стать ржавым’, *зарумянѣти* ‘стать румяным’, *замелѣти* ‘стать мелким’), так и передачу этого признака объекту действия (*загноити* ‘сгноить, сделать гнилым’, *загустити* ‘сделать густым’, *заострити* ‘сделать острым’, *закривити* ‘сделать кривым’).

5. Наиболее значимая тенденция, обнаруженная в ходе анализа новообразований на *за-*, – это формирование большой группы производных глаголов с общим значением начала действия:

1) начала производства и распространения звука (*затрубити* ‘начать трубить’, *зашумѣти* ‘начать шуметь’, *захрипѣти* ‘начать хрипеть’, *запѣти* ‘начать петь’, *заревѣти*, *засвистати*, *завыти*, *заблѣяти*, *завизжати*, *загоготати* и др.);

2) начала речевой деятельности (*заговорити* ‘начать говорить’, *заворчати* ‘начать ворчать’, *закричати* ‘начать кричать’);

3) начала развития состояния субъекта (*заплакати* ‘начать плакать’, *зацвѣсти* ‘начать цвести’, *завоняти* ‘начать вонять’);

4) начала неоднаправленного перемещения (*забѣгати* ‘начать бегать’, *завертѣти* ‘начать вертеть’).

Полагаем, можно говорить об активном процессе формирования начинательного способа глагольного действия в старорусский период именно за счет глаголов с приставкой *за-*.

В русском языке XVIII века продолжается формирование начинательного способа глагольного действия включением в его состав новообразований с приставкой *за-*. Из общего числа глагольных неологизмов на *за-*, отмеченных в

«Словаре русского языка XVIII века» (более 350 единиц), новообразования с семантикой начала действия составляют почти две трети.

Активно образуются в этот период начинательные глаголы с общим значением начала звучания от суффиксальных отыменных и отмеждоментных глагольных производящих основ (*зазвучать, зааукать, заохать, забарабанить, забренчать, заверещать, завопить, заурчать, закаркать, заквакать, заклокотать, закряхтеть, закуковать, закукарекать, заворковать, загреметь, загудеть, загорланить* и др.).

Отчетливо оформилась в русском языке XVIII в. группа новообразований на *за-*, производная от глаголов деятельности и поведения субъекта с общей семантикой начала этой деятельности: *завинтовать* ‘начать играть в винт’, *завольничать* ‘начать вести себя вольно, свободно’, *забуянить* ‘начать буянить’, *забеситься* ‘начать беситься’, *забражничать* ‘начать пьянствовать, бражничать’, *задурачиться* ‘начать дурачиться’, *закуролесить* ‘начать куролесить’, *закурить* ‘начать курить’, *закутить* ‘начать кутить’.

В процесс образования глаголов начинательного способа действия, характеризованных префиксальным формантом *за-* вовлекаются отыменные производящие глаголы с общей семантикой состояния: *заалеть* ‘начать алеть’, *забелеть* ‘начать белеть’, *забурлить* ‘начать бурлить’, *загрустить* ‘начать грустить’ [СлРЯ XVIII в., вып. 7, 8].

Нельзя не отметить, что именно образование глаголов деятельности и поведения и глаголов состояния, которые не выражают значения направленности действия на объект и являются активной группой суффиксальных неологизмов периода становления единого национального русского литературного языка, которые обнаруживают способность к образованию по разным моделям словопроизводства (с суффиксами *-и-, -ствова-, -нича-* [Кадькалова 2007, 2010]), способствует формированию наиболее активной для дальнейшего развития префиксации части производящей базы. В этой связи стоит подчеркнуть, что результат наблюдения над процессом неологизации глаголов за счет образований с приставкой *за-* соотносится с выводом, полученным другими исследователями в

результате синхронно-диахронного анализа глагольных подсистем с приставками *по-, до-, и от-*, о том, что «в словопроизводственном процессе внутриглагольной префиксации усиливается роль производящих глаголов с семантикой деятельности и поведения субъекта и с семантикой состояния субъекта» [Дмитриева, Крючкова 2010: 149].

Новым явлением по сравнению со старорусским периодом оказывается образование глаголов с качественным значением интенсивности совершения действия, возможно, с сопутствующим доведением его до нежелательных последствий: *заболтаться* ‘заговориться’, *забалакаться* ‘заговориться сверх меры’, *заатласиться* ‘залосниться, заблестеть (о выношенной ворсистой ткани)’, *заласкать* ‘обласкать, расположить к чему-л.’ («Надобно нам *заласкать* дѣтей наших..., чтоб им в самом началѣ учения не наскучить сухостию и трудностию науки» [СлРЯ XVIII в., вып.7: 263]).

Следует отметить, что глаголы *забалакаться, заболтаться, заатласиться* имеют сложный словообразовательный формант *за- ...ся*, который можно определить как конфикс.

При диахроническом анализе глаголов исследователи отмечали тот факт, что в ходе развития языка приставочное глагольное словообразование все активнее заменяется приставочно-суффиксальным, приставочно-постфиксальным, приставочно-суффиксально-постфиксальным. Для обозначения регулярного словообразовательного форманта *префикс+суффикс, префикс+постфик* или *префикс+суффикс+постфик* имеется специальный термин *конфикс*, предложенный В.М. Марковым, который выделяет *конфискацию* как третий морфологический способ словопроизводства наряду с префиксацией и суффиксацией [Марков 2001].

Считаем правомерным в ходе диахронического анализа процесса неологизации затронуть *проблему соотношения префиксации и конфикации* как способов глагольного словообразования. В понимании конфикса мы следуем за представителями казанской лингвистической школы и под конфикацией понимаем способ морфологического словообразования, при котором

производящая основа осложняется аффиксальным формантом одновременно в пре- и постпозиции модель такого образования становится регулярной, поэтому для нас важно понимание конфикса как единого и регулярного форманта, определяющего и регулярность словообразовательной модели.

Особый интерес представляет проблема взаимодействия конфиксальных и префиксальных глаголов в диахроническом аспекте [Бубекова 2004; Левицкая 2012; Орлова 2022]. В ряде исследований отмечается, что отдельные конфиксальные глаголы фиксируются в памятниках письменности древнерусского языка уже с XI века, но при этом конфикация не является исконным способом русского словообразования и закрепление конфикса как самостоятельного средства словопроизводства может быть отнесено к началу XIV века [Аминова 1988; Бубекова 2004].

Наш анализ позволяет судить о регулярности процесса конфикации уже в старорусский период. Вероятно, конфикация чаще всего формировалась на базе префиксации и конфиксальные парадигматические отношения в структуре производного глагола обнаруживают сильное сходство с отношениями в сфере префиксальных образований. Как следствие этого, конфиксальные образования проявляют некоторую неустойчивость структуры и в большинстве случаев имеют множественную мотивацию.

Материал позволяет обозначить в качестве самостоятельного форманта при образовании старорусских глаголов конфикс *за – ъ*.

Между глагольным новообразованием этого периода *загустѣти* (XVIв.) могут складываться отношения двойственной мотивации с прилагательным *густойи* с суффиксальным беспрефиксным глаголом *густѣти*, первое употребление которого зафиксировано также в памятнике XVIв. Однако у других глагольных новообразований XVI в. на *за-*: *заржавѣти*, *зарумянѣти*, *затвердѣти* не обнаруживается соответствующий беспрефиксный глагол, что позволяет соотнести их с прилагательными *ржавый*, *румяный*, *твердый*, имеющими более раннюю словарную фиксацию. К примеру, глагол *ржавѣти* впервые употреблен, судя по данным лексикографического источника, в

памятнике XVII–XVIII вв., тогда как прилагательное *ржавый* употреблялось не позднее XV в., таким образом, неологизм XVI века *заржавѣти* правомерно считать производным от прилагательного с помощью конфиксального форманта *за–ѣ* [СлРЯ XI–XVII вв., вып. 6: 22].

Аналогично складываются мотивационные отношения с прилагательными у глаголов *зарумяньѣти* и *затвердѣти*, что позволяет судить о регулярности конфикса *за–ѣ*.

Вторым регулярным конфиксом в группе приставочных новообразований старорусского периода *наза-* можно считать *за – и* (сложный формант приставка + суффикс). Новообразование XVI в. *заморозити* можно считать имеющим множественную мотивацию: как производное от существительного *морозъ* (XII в.) и от глагола *морозити* (XII в.). Однако другие глагольные неологизмы XVI в. с приставкой *за-* – *замаслити*, *закривити*, *затвердити* – могут соотноситься в качестве производных только с прилагательными, поскольку глаголы *маслити*, *кривити*, *твердити* не имеют фиксации в текстовых и соответственно лексикографических источниках.

Можно предположить, что в языке действует тенденция к параллельному освоению языком конфиксальных и префиксальных моделей при одновременном пополнении производящей базы отыменными суффиксальными производными. Так в XVIII в., как уже отмечалось, возникает и становится регулярной конфиксальная модель *за – ся* (префиксально-суффиксальная) при образовании от глагольных основ *загоститься*, *заглазеться*, *забалакаться* с общим словообразовательным значением «интенсивно погрузиться в действие, названное производящим глаголом».

Тот факт, что конфиксальное образование глаголов на *за – в* XVIII веке приобретает регулярный характер, находит подтверждение в ряде исследований [Левицкая 2012; Дмитриева, Левицкая 2010].

Обращение к историческим словарям в известной мере предполагает некоторые допущения по времени вхождения в язык той или иной лексической единицы. Современные языковые процессы идут фактически на наших глазах, и

возможность отследить их почти в режиме реального времени дает обращение к словарям «Новое в русской лексике», которые предлагают большой материал для системного анализа закономерностей процесса взаимодействия интересующих нас моделей.

Анализ почти 40 глаголов с приставкой *за-*, извлеченных из неологических словарей, позволяет судить о том, что конфиксальные глагольные новообразования в современном русском языке по частеречной принадлежности производящей базы делятся на отсубстантивные и отадъективные. Отсубстантивные глаголы образуются с помощью следующих конфиксов:

1) самая продуктивная конфиксальная модель, включающая приставку *за-* – «*за-...-и-*»: *за+локдаун+ить*, *за+кэнсел+ить* (осудить), *за+укол+ить* (ср. уже традиционные *заболотить*, *заземлить*, *закабалить*; *засбоить*);

2) префиксально-суффиксальный конфикс «*за-...-е-*»: *за+ковид+еть*;

3) префиксально-суффиксально-постфиксальный конфикс «*за-...ить+ся*»: *за+карантин+ить+ся*.

Отадъективные глаголы, образованные по конфиксальной модели «*за-...-и-*», такие, как *засерьезнить*, *закоротить*, *забытовить*, *закруглить*, *задобрить* в числе новообразований новейшего времени практически отсутствуют.

Среди новейших глагольных новообразований регулярно встречаются слова с множественной мотивацией, что иллюстрирует конкуренцию конфиксальных и префиксальных моделей образования от суффиксальных глаголов:

закуарить	за+куарить
	за+куар+ить
заковидеть	за+ковидеть
	за+ковид+еть
заковидить	за+ковидить
	за+ковид+ить

Интересно, что даже в одном словообразовательном гнезде характеристика словообразовательных отношений может варьироваться. К примеру, в гнезде с вершинным словом *ковид* отношения производности могут интерпретироваться

то как конфиксальные, то как префиксальные: *об+ковид+ить*, *пере+ковидеть*, *за+ковидеть*. Так же демонстрируются в неологических словарях словообразовательные отношения в гнезде с вершинным словом *куар* (код): *за+куар+ить* и *за+куарить*, *об+куар+ить*, *от+куар+ить*, *от+куар-код+ить*.

Эти примеры показывают, что для глагольных образований с приставками часто характерна множественная мотивация, и без системного анализа больших групп новообразований трудно определить характер словопроизводственных отношений. В разные периоды развития языка префиксальные и конфиксальные глагольные структуры формируются с разной степенью интенсивности. В период развития старорусского и национального литературного языка XVIII в. новые глаголы с большей регулярностью образуются от соответствующих суффиксальных производящих с помощью префикса. В современном русском языке префиксальные глагольные модели продолжают активно функционировать, но в то же время новые глаголы регулярно образуются по конфиксальным словообразовательным моделям: «*за-...-и-*», «*за-...-е-*», «*за-...-и-+ся*». В некоторых глаголах (например, *заветреть*, *законтрактовать*) происходит изменение словообразовательной структуры слова: их можно рассматривать как конфиксальные, поскольку словари современного русского языка не фиксируют соответствующих базовых глаголов *ветреть*, *контрактовать*, которые функционировали в XVIII веке.

Все эти факты свидетельствуют о тенденции к активизации конфиксального глагольного словопроизводства в современном русском языке.

Из неологических словарей, обозначенных в списке источников материала, нами было извлечено, как уже отмечалось, 40 новообразований с приставкой *за-*. С учетом не только самого лексического материала, включенного в эти лексикографические источники, но и интерпретации их словопроизводственных отношений, можно выделить несколько регулярных конфиксальных типов:

за-а: *забабахать*;

за-е: *забрежневеть*;

за-и: *запараллелить*, *зашорить*;

за-ова: задрафтовать (драфт – отбор в профессиональную спортивную команду), зашлаковать;

за-ирова: засемплировать (от англ. sample шаблон), залегендировать (законсперировать, создав легенду), заштабелировать.

В тех случаях, когда можно судить о регулярном характере употребления мотивирующих глаголов, они фиксируются как производящие основы в префиксальных производных с приставкой **за-:** за+зомбировать, за+торчать(жарг.), за+лицензировать, за+политизировать, за+чистить ‘освободить’, за+тусоваться, за+буллить, за+баилять (жарг.).

Правомерно предположить, что процесс образования суффиксальных беспрефиксных глаголов и конфиксальных глаголов от одних и тех же именных основ может идти на определенном этапе развития языка параллельно, пока глагол не закрепляется в языковой системе как база регулярного префиксального модификационного словопроизводства. Синхронно-диахронный анализ словообразовательных подсистем позволяет не только воссоздать их историю, определить динамику их формирования, но и способствует выявлению динамических тенденций современного словопроизводства.

3.2 Словообразовательное варьирование как одна из тенденций неологизации русской глагольной лексики

Процесс неологизации русской глагольной лексики сопровождается словообразовательным варьированием, что подтверждается лексикографическими данными. В старорусском языке нами было зафиксировано 20 рядов словообразовательных вариантов, в период формирования национального литературного языка – 60, на рубеже тысячелетий – 10.

Словообразовательные варианты, возникшие в старорусском языке: *закон-и-ти* – *закон-ствова-ти* ‘устанавливать законы’, *пророч-ествова-ти* – *пророч-и-ти* ‘предсказывать, предвещать’, *сирот-ть-ти* – *сирот-ствова-ти* ‘быть (стать)

сиротой, одиноким, беззащитным человеком’, *молн-ть-ти* – *молн-ова-ти* ‘блистать молнией’ и др. образованы от одной производящей основы, имеют одно и то же словообразовательное значение, выраженное, однако, разными словообразовательными средствами, например: *сирот-ть-ти* – *сирот-ствова-ти* образованы от существительного *сирота*, имеют словообразовательное значение ‘быть тем, что названо производящей основой’, выраженное суффиксами **-ть-** и **-ствова-** соответственно. Отметим, что значение глагола *сиротъти* в словарной статье дается через посредство глагола *сиротствовати*: ‘то же, что и сиротствовати’. Подобная трактовка значений характерна для словообразовательных вариантов.

Возникновение словообразовательных вариантов в старорусском языке в большинстве случаев связано с конкурированием словообразовательных моделей. Словообразовательная модель с суффиксом **-и-** была типична и наиболее продуктивна как для древнерусского, так и для старорусского языка [Рогоза 1993], поскольку является более коротким и более простым способом выражения словообразовательного значения. В отношении конкуренции с этой моделью в старорусский период вступает глагольная модель с суффиксом **-ствова-**, которая, как мы полагаем, является маркером книжной стилистической окраски, в то время как суффикс **-и-** характерен для стилистически нейтральных глаголов или слов народно-разговорной окрашенности. Так, глагол *законити* употреблялся в деловой письменности, например, в «Челобитной Никиты Пустосвята»: ‘*И потомъ начатъ во градъ Псковъ люди учити, и церковные и монастырские чины уставливати и всѣмъ законити...*’ [СлРЯ XI-XVII вв., вып. 5: 218], а его вариант *законствовати* встречается в книжном своде митрополита Макария «Великие Минеи-Четии», который содержит жития святых, патерики и другие памятники церковной литературы: ‘*Аггль же гнь рече к нему: лукавне и прелестьне, законъствуяи снѣ члчѣ судить по праву*’ [СлРЯ XI-XVII вв., вып. 5: 222]. В отношениях конкуренции словообразовательная модель с суффиксом **-ствова-** находилась и со словообразовательной моделью с суффиксом **-ова-**: *дьякон-ова-ти* – *дьякон-ствова-ти* ‘исполнять обязанности дьякона’. Значение глагола

дьяконствовати также дается через посредство глагола *дьяконовати* ‘то же, что дьяконовати’. Однако в этой паре словообразовательные варианты возникли одновременно, глагол *дьяконовати* первичен и фиксируется 1395 г. в ‘Поучении митрополита Киприана новгородскому духовенству’: ‘А что мя есте въпросили, аже коли диаконъ не пригодится, а надобѣ многимъ которому молодшему *дияконовати*’ [СлРЯ XI-XVII вв., вып. 4: 399], глагол *дьяконствовати* встречается в ‘Житии Антония Сийского’ 1578 г.: ‘*Диаконствовати не дерзай*’ [СлРЯ XI-XVII вв., вып. 4: 399]. Как видим, в данном ряду словообразовательные варианты имеют одинаковую стилистическую маркированность. Конкуренция моделей, как нам кажется, обусловлена тематическим распределением: глаголы с суффиксом *-ствова-* в большинстве случаев соотносились с именами лиц по сану, чину, должности и социальному положению (*архиерей-ствова-ти* ‘быть в сане архиерея, быть архиереем’, *бояр-ствова-ти* ‘быть боярином, вести образ жизни боярина’ и др.) и с именами, обозначающими поведение, социальное взаимодействие (*ковар-ствова-ти* ‘строить козни, замышлять зло’, *пророч-ествова-ти* ‘предсказывать, прорицать’), когда глаголы с суффиксом *-ова-* имели более широкое тематическое распределение (семантика покрытия объектов *грунт-ова-ти* ‘класть грунт, первый слой краски, фон’, семантика физического воздействия на объект *пил-ова-ти* ‘пилить’, семантика интеллектуального действия *аргумент-ова-ти* ‘сообщать какие-л. сведения, свидетельствовать’, семантика состояния *голод-ова-ти* ‘голодать’, семантика, связанная с силой природы, *молн-ова-ти* ‘блистать молнией’). Таким образом, появление словообразовательных вариантов с суффиксами *-ствова-* и *-ова-* связано с тематическим распределением глаголов: глаголы с суффиксом *-ова-* могли относиться к различным тематическим группам, в то время как глаголы с суффиксом *-ствова-* относились преимущественно к глаголам деятельности и поведения.

Конкуренция моделей может быть связана и с явлением множественной мотивации [см. пункт 2.1], поскольку сложность составляет определение

производящей основы в случаях типа *королевствовати* ‘править королевством, быть королем’, *королевствовати* < король или *королевствовати* < королевство.

Развитие словообразовательной модели с суффиксом **-нича-** приходится главным образом на XVIII век. В этот период появляется большое количество глаголов с общей семантикой деятельности и поведения. Наиболее активно образование агентивных глаголов идет при помощи суффикса **-нича-**, часть из которых вступает в отношения словообразовательного варьирования с производными по другим словообразовательным моделям: *буйнить* – *буйничать* ‘буйно себя вести’, *вертопрашить* – *вертопрашничать* ‘быть вертопрахом; вести себя как вертопрах’. Часто словообразовательные варианты фиксируются в одной словарной статье, например, *буйнить* – *буйничать*, *вертопрашить* – *вертопрашничать*, *ехидничать* – *ехидствовать*, *кляузничать* – *кляузить*, *мытарить* – *мытарствовать* – *мытарничать*. Анализ показывает, что происходит конкуренция традиционных словообразовательных моделей с суффиксами **-и-** и **-ствова-** с новой формирующейся моделью с суффиксом **-нича-** [подробнее об этом Кадькалова 2007].

Большое количество словообразовательных вариантов в XVIII веке появилось благодаря заимствованию не только новых слов, но и новых аффиксов, а именно суффиксов **-ирова-** и **-изирова-**. В XVIII в. происходили существенные изменения в лексической системе русского литературного языка: заимствование было как внешним (из других языков: преимущественно из немецкого, французского и польского), так и внутренним (из живого народного языка). Благодаря большому количеству заимствованных глаголов (220 единиц) под влиянием немецких суффиксов *-ieren-*, *-izieren-* появились два составных варианта суффикса **-ова-**: **-изирова-** и **-ирова-** [Виноградов 1986]. По образцу подобных заимствований в языке начала формироваться новая словообразовательная модель с контаминированными суффиксами **-ирова-** и **-изирова-**: *ботанизировать*, *лавировать*, *пикировать* и др. Кроме того, под влиянием заимствований из польского языка, в которых был широко распространен глагольный суффикс *-ować* (*администр-ова-ть* ‘пол. *administrować*. Осуществлять администрацию,

править, управлять') русский глагольный суффикс **-ова-** расширил свои функции: присоединялся не только к русскоязычным основам (*бронз-ова-ть* <бронза+суффикс *-ова-*), но и к иноязычным основам (*комплект-ова-ть* от пол. *kompletować* + суффикс *-ова-*). Суффикс **-ова-** стал активным средством приспособления к русской глагольной системе именных и глагольных основ, заимствованных из других языков [Виноградов 1986]. Поскольку в период формирования национального литературного русского языка были интенсивными связи с зарубежными странами, заимствование могло происходить одновременно из двух языков, и как следствие, появилось много рядов словообразовательных вариантов: *атакировать* (нем. *attakieren*) – *атаковать* (польск. *atacować*), *бальзамировать* (нем. *balsamieren*) – *бальзамовать* (польск. *balsamować*), *блокировать* (нем. *blockieren*) – *блоковать* (франц. *bloquer*), *компрометировать* (нем. *kompromittieren*) *компрометровать* (фр. *compromettre*) и др. Многие из подобных словообразовательных вариантов довольно быстро перестали употребляться, согласно данным словаря.

Словообразовательные модели с суффиксами **-ирова-** и **-изирова-** начали формироваться в XVIII в. и отличались малой продуктивностью. Однако по мере развития языка модели с суффиксами **-ирова-** и **-изирова-** начали активизироваться и в современном русском языке стали одними из продуктивных. Об этом свидетельствуют многочисленные новообразования рубежа тысячелетий: *дебилизировать*, *зомбировать*, *клонировать* и др. Суффиксы **-ирова-** и **-изирова-** расширили свои функции и стали присоединяться не только к собственно иноязычным основам, но и к уже освоенным иноязычным основам, и к русскоязычным основам: *бомжировать*, *криминализировать*, *продюсировать*. В большинстве случаев новообразования с суффиксами **-ирова-** и **-изирова-** стали стилистически маркироваться как книжные слова (за исключением слов, семантика производящих основ которых несет в себе негативные коннотации, как в случае с глаголом *дебилизировать*). На рубеже тысячелетий словообразовательные модели с суффиксами **-ирова-** и **-изирова-** также вступают в отношения словообразовательного варьирования: *пиратировать* – *пиратить*

‘незаконно, без лицензии копировать, тиражировать и распространять чужие книги, компьютерные программы, аудио- и видеозаписи и т.п.; заниматься пиратством’, *бомжевать* – *бомжировать* – *бомжить* ‘быть бомжом; вести образ жизни бомжа’, *ремиксировать* – *ремиксовать* ‘создать (создавать) ремикс’, *факсировать* – *факсовать* ‘посылать, отправлять факсом какое-л. сообщение; факсовать’, *сканировать* – *сканить* ‘осуществлять сканирование’ и др. В отношении словообразовательного варьирования вступают и словообразовательные модели с суффиксами *-и-* / *-ствова-*, *-а-* / *-и-*, *-ева-* / *-и-*: *капитанить* – *капитанствовать* ‘быть капитаном спортивной команды’, *дэбать* – *дэбить* ‘вытянув руку в сторону под углом 45 градусов, согнув вторую руку в локте параллельно первой и опустив голову к локтю, выразить радость, удовлетворение от своих действий’, *кринжевать* – *кринжить* ‘стыдиться чего-л.; чувствовать отвращение, возмущение и т.п. из-за чего-л. (сделанного другим человеком)’ и др. Представляется, что словообразовательное варьирование чаще всего происходит из-за конкурирования словообразовательных моделей в связи со стилистическим распределением вариантов. Например, новообразования с суффиксом *-и-* закрепляются в первую очередь в разговорной речи, поскольку являются более короткими вариантами и способствуют экономии речевых усилий носителей языка, что вполне характерно для устной формы разговорной речи и интернет-коммуникации.

Проблема словообразовательного варьирования глагольной лексики была в центре внимания Э.П. Кадькаловой [Кадькалова 2005; 2007], которая обозначила параметры представления словообразовательных вариантов. Вслед за Э.П. Кадькаловой мы попытаемся проанализировать словообразовательные варианты по нескольким параметрам.

1. По протяженности рядов варианты можно разделить на парные и трехкомпонентные.

В старорусском языке преобладали парные ряды: *боронить*² (‘боронить’) – *бороновать* (‘бороновать’); *коварничати* (‘то же, что коварствовать’) – *коварствовать* (‘строить козни, замышлять зло’);

В период формирования национального литературного языка зафиксированы парные, трехкомпонентные, а также четырехкомпонентные ряды: *буйнить – буйничать* ‘буйно себя вести’; *мытарить – мытарствовать – мытарничать* ‘1. Собирать мыто, пошлину. 2. Обманывать, плутовать. 3. Тратить попусту’; *крейсерствовать – крейсировать – крейсовать – крейсить* ‘нести охранную и разведывательную службу в море, плавать по определенному маршруту’;

В конце XX – начале XXI веков возникают как парные, так и трехкомпонентные ряды: *капитанить – капитанствовать* ‘быть капитаном спортивной команды’; *бомжевать – бомжить – бомжировать* ‘быть бомжом; вести образ жизни бомжа, не имея собственного жилья, постоянной прописки’.

В целом, в процессе исторического развития языка стабильно возникают пары и тройки словообразовательных вариантов как следствие конкуренции словообразовательных моделей. Появление четырехкомпонентного словообразовательного ряда в период формирования национального литературного языка обусловлено заимствованием одних и тех же понятий из разных языков: *крейсерствовать – крейсировать – крейсовать – крейсить* от гол. *kruisen*, англ. *cruise*, нем. *kreuzen*, фр. *croiser*.

2. По степени формальной близости / дистанцированности компонентов ряда, как на уровне словообразовательных формантов, так и на уровне исходных основ, можно судить о разных формах словообразовательного варьирования глагольных новообразований:

в старорусском языке формально близкие (*сиротѣти – сиротствовати* ‘быть (стать) сиротой, одиноким, беззащитным человеком’) и дистанцированные (*коварничати – коварствовати* ‘строить козни, замышлять зло’);

в период формирования национального литературного языка формально близкие (*дороднеть – дородничать* ‘становиться дородным; поправляться, полнеть’) и дистанцированные (*ехидничать – ехидствовать* ‘злостствовать’, *командовать – командировать – командоровать – командровать* ‘быть командиром, осуществлять командование над кем-, чем-л.’);

в конце XX – начале XXI веков формально близкие (*пиратить* – *пиратировать* ‘незаконно, без лицензии копировать, тиражировать и распространять чужие книги, компьютерные программы, аудио- и видеозаписи и т.п.; заниматься пиратством и дистанцированные (*ремикшировать* – *рекмиксировать* – *ремиксовать* ‘создать (создавать) ремикс’).

3. По направленности и диапазону мотивационных связей компонентов ряда неологизмы в старорусском языке делятся на мономотивированные (*плотити* и *плотатиот* *плот*) и полимотивированные (*коварствовати* от *ковары*, *коварство* и *коварничати* от *коварник*, *коварный*).

В период формирования национального литературного языка формально близкие варианты делятся на мономотивированные (*дороднеть* и *дородничать* от *дородный*) и полимотивированные (*клязуть* от *кляуза* и *кляузничать* от *кляуза*, *кляузник*).

В русском языке конца XX – начала XXI веков выделяются как мономотивированные (*плотити* и *плотатиот* *плот*), так и полимотивированные (*капитанить* от *капитан*, *капитанствовать* от *капитан*, *капитанство*) глагольные варианты.

4. Видовая специфика варьирующихся новообразований в старорусском языке определяется преобладанием вариантов несовершенного вида (*молнѣти* – *молновати* ‘блистать молнией’). В период формирования национального литературного языка отмечается новая особенность видового соотношения глаголов, образующих варианты ряды. Словообразовательные варианты, возникшие на базе русских основ, представлены глаголами несовершенного вида (*вертопрашитъ* – *вертопрашничать*), а словообразовательные варианты, возникшие на базе заимствований, в основном являются двувидовыми: *адресировать* – *адресовать* (сов. и несов.).

В конце XX – начале XXI веков словообразовательное варьирование отмечается как у глаголов несовершенного вида (*капитанить* – *капитанствовать*), так и в парах словообразовательных вариантов, возникших на

базе заимствований и являющихся двувидами (*виртуализировать* – *виртуализовать* (сов. и несов.)).

5. По степени лексико-семантической и функциональной близости «вариантов» одного ряда в старорусском языке фиксируются в основном семантически близкие варианты, которые в словарных дефинициях определяются как семантические дублеты с помощью формулировки «то же, что»: *сиротѣти* ('то же, что сиротствовать') – *сиротствовати* ('быть (стать) сиротой, одиноким, беззащитным человеком'). Некоторые варианты совпадают только в одном из значений, а в других расходятся: *законити* ('устанавливать законы') – *законствовати* ('1. Устанавливать законы. 2. Узаконивать');

В период формирования национального литературного языка также обнаруживаются как семантически тождественные варианты, образованные по разным словообразовательным моделям (*дороднетъ* – *дородничать* 'становиться дородным; поправляться, полнеть'), так и совпадающие только в отдельных значениях *адресировать* 'то же, что адресовать (1)' – *адресовать* '1. что. Послать на чье-л. имя, по какому-л. адресу (письма, пакеты, бумаги и пр.).

В новейший период неологизации языка процесс варьирования обнаруживает как конкуренцию словообразовательных моделей у семантически близких и даже тождественных производных (*кринжевать* – *кринжить* 'стыдиться чего-л.; чувствовать отвращение, возмущение и т.п. из-за чего-л. (сделанного другим человеком), так и развитие семантической структуры новообразований, при котором варьирование возникает только у отдельных лексико-семантических вариантов, например, *бомжевать* '1. Быть бомжом; вести образ жизни бомжа, не имея собственного жилья, постоянной прописки' – *бомжить* 'то же, что бомжевать (см. 1-е знач.)' – *бомжировать* '= бомжевать'.

Таким образом, появление словообразовательных вариантов на протяжении истории языка стабильно и системно, так или иначе основные закономерности данного процесса прослеживаются во всех анализируемых нами периодах.

Явление словообразовательного варьирования сопровождает процесс неологизации языка в переломные и переходные периоды его истории и является

фактором языковой динамики, что подтверждается проанализированным языковым материалом. Словообразовательные варианты возникают системно в результате конкурирования словообразовательных моделей, когда в языке появляются новые модели, как это было в период формирования национального литературного языка (формирование словообразовательных моделей с суффиксами *-нича-*, *-ирова-*, *-изирова-*). Причинами словообразовательного варьирования могут быть и экстралингвистические факторы, которые влияют на лексическую систему языка, например, контакты с другими языками-донорами, и как следствие интенсивное вхождение заимствований в русский язык, которое приводит к появлению большого количества словообразовательных вариантов. В период формирования национального литературного языка появление большого количества вариантов было обусловлено заимствованием одних и тех же понятий из немецкого, французского, польского, голландского, английского языков. Словообразовательные варианты могут быть стилистическими маркированными, например, глаголы, образованные по словообразовательной модели с суффиксами *-ирова-* и *-изирова-*, в период формирования национального литературного языка преимущественно закреплялись за письменной речью, поскольку тематически относились к науке, искусству, военному делу. В настоящее время глаголы с данными суффиксами могут приобретать разговорную маркированность, и в то же время становятся маркерами профессиональной речи (например, *перформансировать* ‘разг.-проф. продемонстрировать, представить (представлять) что-л. в жанре перформанса; принять (принимать) участие в нем’). Глаголы с суффиксом *-нича-*, которые в XVIII в. имели просторечную стилистическую окраску, на рубеже тысячелетий также составляют стилистически сниженный пласт лексики, часто становятся средствами выражения оценки в публицистической речи (*европейничать* ‘публ., неодобр. бездумно ориентироваться на Западную Европу; слепо перенимать все европейское’). Новообразования с суффиксом *-ствова-*, имевшие в старорусском языке книжную стилистическую окраску, в настоящее время либо стилистически нейтральны (*русофобствовать* ‘проявлять неприязнь ко всему русскому’), либо имеют

разговорную стилистическую окраску (*дизайнерствовать* ‘разг. работать дизайнером, заниматься дизайнерскими разработками’). Словообразовательные варианты могут появляться вследствие действия языковых законов, таких как закон аналогии. Так, словообразовательные варианты с суффиксом *-и-* часто в результате варьирования вытесняют другие модели, а сам формант выступает как одно из универсальных средств образования глаголов, поскольку может присоединяться как к русскоязычным, так и к иноязычным основам, может быть средством образования слов разной стилистической окрашенности. Кроме этого, на рубеже тысячелетий появление словообразовательных вариантов с суффиксом *-и-* связано с мобильностью носителей языка и, как следствие, с законом экономии речевых усилий.

Таким образом, явление словообразовательного варьирования является не только свидетельством динамики языка, но и само динамично по сути, так как отношения между словообразовательными вариантами меняются по мере развития языка. Судьба словообразовательных вариантов складывается по-разному: некоторые из рядов утрачиваются в тот период, в который они появились (*атакировать* – *атаковать*), другие вступают в отношения словообразовательной синонимии, приобретая либо новое значение, либо стилистическую маркированность (*пророчествовать* – *пророчить*).

3.3 Семантические и стилистические тенденции неологизации глагольной подсистемы

В старорусском языке, как было обнаружено в ходе исследования, наибольшую часть суффиксальных глагольных новообразований составляли глаголы с семантикой конкретного действия, направленного на объект.

Попытаемся представить неологическую глагольную лексику в виде тематических групп. Под тематическими группами мы понимаем группу слов, включающую слова одной части речи одинаковой предметной направленности.

Отчетливо выделяется тематическая группа глаголов с семантикой ручного труда, связанная с покрытием, натиранием, вышиванием, созданием объекта: *алмазити* ‘шлифовать (о драгоценных камнях)’; *желобити* ‘делать желоб; покрывать бороздками, желобками’; *зубити* ‘делать зубья, зубцы’; *муравити* ‘покрывать муравой, глазуровать’; *грунтовать* ‘класть грунт, первый слой краски, фон’; *полиментовати* ‘покрывать полиментом’ и др.

Развитие данной тематической группы вполне закономерно в старорусском языке, поскольку в средние века развивался и совершенствовался ручной труд. Как следствие, активно пополняется тематическая группа глаголов, связанная с семантикой профессий прикладного характера, ремесла, промысла: *бобровати* ‘охотиться на бобров’; *звѣровати* ‘охотиться на зверей’; *мастерити* ‘отделывать’, *скорнячити* ‘заниматься ремеслом скорняка’; *рыбствовати* ‘ловить рыбу’; *коровничати* ‘работать на скотном дворе’; *лѣсовати* ‘охотиться, просыпшать (птицу или зверя)’; *мясничати* ‘торговать мясом’; *половничать* ‘обрабатывать взятый в аренду земельный участок за половину урожая; быть половником’, *поваровати* ‘стряпать, варить пищу; заниматься ремеслом повара’ и др.

Влияние церкви на культуру русского средневекового общества нашло отражение в развитии тематических групп с семантикой церковной деятельности. Появились названия лиц по сану: *архимандрити* ‘исполнять должность архимандрита’; *архиерействовати* ‘быть в сане архиерея, быть архиереем’; *дьячити* ‘отправлять обязанности дьячка’; *дьяконствовати* ‘то же, что дьяконовати’ (*дьяконовати* ‘исполнять обязанности дьякона’); *игуменати* ‘ставить в игумены’; *патриаршествовати* ‘быть патриархом’; а также группа глаголов, связанная с обязанностями церковнослужителей: *молитвити* ‘совершать молитву, благословляя брак’; *молебствовати* ‘совершать молебен, молиться (о здравии, благополучии кого-л.)’; *схимити* ‘облекать (облечь) в схиму’; *догматствовати* ‘то же, что догматисати’ (*догматисати* ‘проповедовать богословские догматы’); *службовати* ‘совершать богослужение’ и др.

Вера средневекового человека в потусторонние силы обусловила пополнение тематической группы глаголов, связанной с волшебством, волхованием: *кудесити* ‘колдовать; совершать над кем-л., чем-л. какие-то непонятные со стороны действия’; *волшебствовати* ‘гадать’; *гадательствовати* ‘то же, что гадати в знач. 1’ (*гадати* ‘1. Узнавать по каким-л. признакам (нечто тайное, скрытое); догадываться о чем-л.’); *мечтовати* ‘околдовывать, посылать наваждение’.

Последствия монголо-татарского ига продолжали также отражаться в старорусском языке: *басурманити* – *бусурманити* ‘обращать в мусульманскую веру’; *мусульманити* ‘обращать (обратить) в мусульманство’.

Становление Москвы как центра Руси, а также развитие государственной мощи, сближение княжеств русского государства в политическом плане обусловили:

1) неологизацию тематической группы с семантикой правления и управления: *антипатствовати* ‘быть антипатом’ (*антипат* ‘’); *властвовати* ‘1. Владычествовать, править, управлять. 2. Доминировать, преобладать’; *державствовати* ‘править, властвовать’; *королевствовать* ‘править королевством, быть королем’; *господовати* ‘владычествовать, править; господствовать’; *государствовати* ‘управлять государством, быть государем’; *временствовать* ‘властвовать; злоупотреблять властью’; *вождествовать* ‘предводительствовать; руководить, направлять’ и др.;

2) формирование тематической группы глаголов терминологического характера, обозначающих процессы в сфере политико-экономического устройстварусского государства: *законити* ‘устанавливать законы, правила’; *льготити* ‘давать льготу, облегчение; освобождать от излишних налогов, работ или взысканий’;

3) неологизацию тематической группы глаголов, относящихся к области военной службы: *воинствити* ‘сделать воином, призвать к военной службе’; *караулити* ‘1. Караулить, сторожить; быть в дозоре. 2. Подстергать, подкарауливать’; *стратилатствовати* ‘быть военачальником, воеводой’;

заряжати ‘вкладывать заряд в огнестрельное орудие’; *осажати* ‘подвергать военной осаде’;

4) развитие тематической группы с семантикой государственной деятельности: *посольствовати* ‘исполнять обязанности посла’.

Царская власть Ивана IV Грозного, трудная геополитическая ситуация XVI в., Смутное время, череда самозванцев, иностранные войска, занимавшие русские города, – все эти события не могли не повлиять на жизнедеятельность человека, что, безусловно, отразилось в лексике. Появились глаголы с семантикой наказания человека, отрицательного воздействия на внешнюю и внутреннюю жизнь человека: *нищити* ‘разорять, изнурять, губить’; *срамотити* ‘бесчестить, позорить’; *казньствовати* ‘измываться над кем-л., наказывая, карая’; *лихорадствовати* ‘злорадствовати, желать зла’; *тиранствовати* ‘мучить’; *бунтовати* ‘бунтовать; подстрекать к бунту’; *грубити* ‘причинять вред, наносить ущерб, обиду’; *каменовати* ‘убивать, забрасывая камнями (род публичной казни)’; *козновати* ‘замышлять зло; строить козни’; *колесовати* ‘подвергнуть пытке, казнить, распяв на колесе, колесовать’; *насильничати* ‘насиловать (женщину)’; *страцати* ‘запугивать, угрожать’; *поганити* ‘осквернять, делать нечистым’; *коварствовати* ‘строить козни, замышлять зло’; *суровствовати* ‘лютовать, злобствовать’. Как следствие, активно пополнялась группа глаголов эмоционального переживания человека: *кручинити* ‘огорчать, печалить’; *кручиновати* ‘печалиться, кручиниться’; *слезствовати* ‘плакать, источать слезы’; *горевати* ‘горевать’; *бѣдновати* ‘бедствовать’; *беднѣти* ‘подвергаться опасности’.

Несмотря на это, не чужды были средневековому человеку празднества: *пѣсньствовати* ‘петь, сопровождая пение игрой на музыкальном инструменте’; *пировати* ‘пировать; праздновать’; *танцевати* ‘танцевать’; *весельствовати* ‘радоваться, торжествовать’.

Таким образом, средневековому человеку, как и древним русичам, было свойственно конкретное восприятие мира, что, безусловно, отразилось на лексике, связанной с прикладными профессиями, ручным трудом, промыслами и

ремеслами. Однако политико-экономическая и культурная ситуация русского государства в XV-XVII вв. способствовала и активному пополнению словаря глаголами, обозначающими деятельность лиц в связи с саном, должностью, а также глаголами речевой деятельности (*риторичесговати* ‘говорить или писать по правилам ораторского искусства’; *словесовати* ‘произносить речь’ и др.).

Эпоха Просвещения оказала значительное влияние на русскую лексику. XVIII век, по мнению В.В. Колесова, – «время решительных преобразований русской ментальности, нашедших свое отражение в языке» [Язык и ментальность в русском обществе XVIII века 2013: 8].

В период формирования национального литературного языка суффиксальные глагольные неологизмы приобретают терминологический характер, в том числе и за счет появления большого количество неологизмов-заимствований. Тематические группы глаголов в XVIII в. представлены следующим образом:

1) военное дело: *атаковать* – *атакировать* ‘осаждать или брать приступом (крепость); нападать на неприятеля’; *блокировать* – *блоковать* ‘воен. подвергать блокаде’; *бомбардировать* – *бомбардовать* – *бомбардировать* ‘метать, бросать бомбы’; *вербовать* ‘нанимать в военную службу’;

2) юриспруденция: *апелловать* – *апеллевать* – *апелляторствовать* ‘юр. Подавать апелляцию’; *диспенсовать* ‘юр. Совершать диспенсацию’;

3) дипломатия: *аккредитовать* ‘дипл. Уполномочить дипломатическое лицо на представительство при правительстве другого государства. Подать верительные грамоты, аккредитоваться’; *манифестовать* ‘дипл., канц. Объявить, обнародовать, сообщить что-л.’;

4) химия: *амалгамировать* ‘1. Хим. Соединить с ртутью, получить амальгаму. 2. Покрыть амальгамой’; *кальционировать* ‘хим. Подвергать кальцинации’; *кристалловать* ‘хим. Превращать в кристаллы (1); производить кристаллизацию’; *дистиллировать* – *дистилловать* ‘хим. Производить дистилляцию’;

5) морское дело: *буксировать* ‘мор. Тянуть за собой на буксире’; *дрейфовать* ‘мор. 1. Отклоняться от заданного курса вследствие воздействия ветра и течения; плыть по течению. 2. Лечь в дрейф (2), находиться в дрейфе’; *крейсерствовать* – *крейсировать* – *крейсовать* – *крейсить* ‘мор. нести охранную и разведывательную службу в море, плавать по определенному маршруту’; *кренговать* – *кренить* ‘мор. Наклонять судно набок (для осмотра, починки)’;

6) кулинария: *гарнировать* ‘украшать (кушанье)’; *глассировать* ‘покрывать гласом, глазурью’; *конфировать* ‘кулин. Варить в сахаре или в меду плоды, ягоды’;

7) театр: *аплодировать* ‘театр. Изъявлять одобрение, удовольствие рукоплесканиями, криками, топотом и т.п.’;

8) музыка: *аккордовать*² ‘муз. Строить аккорд или иное созвучие к какому-л. звуку, ноте’; *паузировать* – *павзовать* ‘муз. Делать паузу в исполнении музыкального произведения’;

9) искусство: *гравировать* ‘иск. Наносить на поверхность металла, дерева, кости и т.п. рисунок при помощи режущего инструмента или кислот’; *драпировать* ‘1. Иск. Изображать одежду на человеческой фигуре. 2. Обвивать, покрывать, завешивать тканью что-л.’; *живописствовать* ‘писать красками’; *композировать* ‘иск. Сочинять, импровизировать’;

10) наука: *анализировать* ‘подвергать анализу¹; рассматривать, разбирать’; *ботанизировать* ‘собирать растения для их изучения’; *логичествовать* ‘мыслить, рассуждать логически’;

11) взаимодействие людей: *гоноровать* ‘оказать честь, почтить’; *информировать* – *информовать* ‘сообщить, уведомить, дать информацию о чем-л.’; *компрометировать* – *компрометровать* ‘вредить репутации, выставлять в неблагоприятном свете’; *консультировать* ‘советоваться с кем-л.’;

12) садоводство: *инкорпорировать* ‘сад. Прививать’; *копулировать* ‘сад. Прививать сращиванием побега дичка с черенком культивируемого растения’; *пасынковать* ‘сад. Удалять боковые побеги с растения’.

Таким образом, интенсивное заимствование в период формирования национального литературного языка значительно расширило тематические группы русской глагольной лексики. Неологизмы-заимствования породили ряды словообразовательных вариантов, поскольку заимствование чаще всего происходило одновременно из нескольких языков. Однако в процессе развития языка один из вариантов так или иначе утрачивался. Более того, большая часть заимствованной лексики XVIII в. тоже была утрачена в тот же период, о чем свидетельствуют пометы Словаря XVIII в., например, *депендировать* – *депендовать* ‘зависеть’.

Как и в старорусском языке, продолжает пополняться тематическая группа, связанная с семантикой волшебства: *вошебничать* ‘колдовать, чародействовать, ворожить’, *магнетизировать* – *магнизировать* ‘воздействовать на человека при помощи особой магнетической силы; приводить в состояние гипноза’.

Тематическая группа глаголов с семантикой ручного труда, связанная с покрытием, натиранием, вышиванием, созданием объекта, в период формирования национального литературного языка по сравнению со старорусским языком пополняется в меньшей степени: *бриллиантовать* ‘гранить (алмаз)’; *бронзовать* ‘покрывать бронзой, бронзовым порошком’; *ваксить* ‘натирать обувь ваксой’; *канифолить* ‘натирать канифолью’; *лакировать* ‘1. Покрывать лаком. 2. Наводить лоск, лощить (бумагу)’.

Тематическая группа глаголов, связанная с семантикой профессий прикладного характера, ремесла, промысла также продолжает развиваться: *башмачничать* ‘шить башмаки; заниматься ремеслом башмачника’; *блинничать* ‘печь или продавать блины’; *бочарничать* ‘заниматься бочарным ремеслом’; *пирожничать* ‘заниматься ремеслом пирожника’.

Намеченная тенденция в старорусском языке к абстрактивизации в XVIII в. развивается. В этот период появляются глаголы тематической групп профессий, связанных с интеллектуальным трудом: *адвокатствовать* ‘быть адвокатом, заниматься адвокатством’; *инспекторствовать* ‘исполнять обязанности наставника, надзирателя в учебном заведении’ и политико-административной

работы: *администровать* ‘осуществлять администрацию, править, управлять’ (*администрация* ‘управление государством, областью по поручению государя, при малолетнем государе и т.п.; наместничество; управление каким-л. государственным учреждением или его делами’); *губернаторствовать* ‘управлять провинцией, округом, губернией’; *министерствовать* ‘быть министром, отправлять государственные дела’.

Характерная для старорусского языка тематическая группа, связанная с церковной деятельностью, уменьшилась: зафиксировано одно заимствование *канонизовать* ‘причислить к лику святых’.

Неологизмы, образованные на базе русскоязычных основ с помощью русских формантов, в период формирования национального литературного языка имели следующие пометы:

прост., «то есть простое слово, противопоставленное книжным синонимам, хотя и лишенное резкой экспрессии сниженного, грубого или фамильярного характера» [СлРЯ XVIII в.]: *булькать* ‘*прост.* Издавать, производить булькающий звук’; *дакать* ‘*прост.* Говорить «да», соглашаясь с чьим-л. мнением; поддакивать’.

простонар., «то есть простонародное слово, употребление которого характерно прежде всего для речи низших социальных слоев, простого народа (крестьян, посадских, мещан и т.п.); не являясь в собственном смысле слова диалектно ограниченными, они близки к областным словам по признаку их чуждости собственно литературной речи, речи образованных людей» [СлРЯ XVIII в.]: *глазгать* ‘*простонарод.* С праздным любопытством смотреть на что-л.’; *дюжгать* ‘*простонар.* Становиться сильнее, крепче’;

простореч., «то есть просторечное слово, наделенное экспрессией сниженности, грубости или фамильярности; особенно употребительное в простых сниженных литературных жанрах (комедии, комической опере, ироикомиической поэме и т.п.)» [СлРЯ XVIII в.]: *блажить* ‘*простореч.* Поступать сумасбродно, дурить’; *голубятничать* ‘*простореч.* Держать или гонять голубей’; *горланить* ‘*простореч.* Громко кричать, петь, спорить, возмущаться’.

К просторечной лексике относились тематические группы звучания (*звѣздить* ‘простореч. Говорить кому-л. язвительные слова’), поведения человека (*буянить* – *буянничать* ‘простореч. Буйно себя вести’), отрицательного воздействия на человека (*костылять* ‘простореч. Бить, колотить кого-л. костылем, палкою’).

Реже встречаются неологизмы, относящиеся к *жаргонной лексике* (*анонсировать* ‘жарг. Объявлять, сообщать’, *манкировать* ‘жарг. 1. Пренебречь чем-л. 2. Недостать, не хватить чего-л.’, *орнировать* ‘(жарг. (в речи щеголей). Украшать’). Эта лексика групповых жаргонов, например, щеголей, петиметров, в светской среде середины и второй половины XVIII в. [СлРЯ XVIII в.].

Таким образом, в период формирования национального литературного языка отчетливо проявляется тенденция к интернационализации: неологизмы-заимствования становятся выразителями новых предметов, явлений, формируют специальную лексику русского языка. Кроме этого, в XVIII в. проявляется тенденция к демократизации, что отражается в стилистической окраске собственно русских неологизмов.

В конце XX – начале XXI вв. тематические группы суффиксальных глагольных неологизмов заметно расширяются по сравнению с предыдущим анализируемым периодом.

Если в старорусском языке и в языке XVIII в. активно пополнялись тематические группы, связанные с ручным трудом и прикладными профессиями, ремеслом, промыслом, то в языке конца XX – начале XXI веков данные тематические группы пополняются в меньшей степени, в большей степени пополняются группы глаголов с семантикой интеллектуального труда.

Активно расширяются группы:

экономики и экономических отношений: *ваучеризировать* ‘1. Безвозмездно обеспечить кого-л. ваучером, ваучерами для участия в приватизации госсобственности. 2. Приватизировать госпредприятие, отрасль с помощью ваучеров (о госсобственности) ’; *инфилировать* ‘подвергаться инфляции,

обесцениваться’; *маркетизировать* ‘переводить плановую, регулируемую экономику на рыночные модели хозяйствования’;

политики и политических отношений: *инаугурировать* ‘официально вводить (ввести) в должность президента страны’; *суверенизировать* ‘предоставить (предоставлять) суверенитет, политическую независимость народу, государству, регионам’; *роскомнадзорнуть* ‘Жарг. Запретить доступ к какому-л. источнику информации в интернете’;

управления: *мэрствовать* ‘Разг. Занимать должность мэра, выполнять его обязанности’;

финансов: *кешбэчить* ‘возвращать деньги на счет за покупки и финансовые операции’;

сферы услуг: *мелировать* ‘осветлять способом мелирования (о волосах)’; *менеджировать* ‘заниматься менеджерской деятельностью (менеджерством), предоставлять менеджерские услуги’; *пирсинговать* ‘осуществлять (осуществить) процедуру пирсинга’; *тюнинговать* ‘Проф. Совершенствовать серийную модель автомобиля, мотоцикла и т.п., их оборудование’;

досуга: *рейбовать* ‘жарг. Принимать участие в рейвах, рейв-вечеринках, проводить досуг в рейв-клубах’; *флексить* ‘жарг. Ритмично двигаться под музыку или бит’;

музыкальной индустрии: *ремиксировать* – *ремиксовать* – *ремикишировать* ‘создавать (создавать) ремикс; ремиксировать; ремиксовать’; *рэповать* ‘произносить речитативом текст песен или их отдельных строк (в стиле рэп); исполнять рэп’; *сэмплировать* ‘создать (создавать), воспроизвести (воспроизводить), отредактировать (редактировать) звуковые сэмплы с помощью сэмплера’; *панчить* ‘жарг. В речи рэперов – вовремя рэп-батла высмеивать, унижать соперника едкими и остроумными фразами’;

пандемии COVID-19: *ковидеть* ‘разг. 1. Болеть заболеванием, вызванным коронавирусной инфекцией COVID-19. 2. Лечить больных коронавирусной инфекцией COVID-19’; *коронавирусеть* ‘разг. 1. Болеть коронавирусной инфекцией COVID-19, иметь симптомы заражения данной инфекцией. 2. Безл.

Проявляться, распространяться (о коронавирусной инфекции COVID-19); *куаризировать* ‘неодобр. Присваивать, присвоить кому-л. куар-код вакцинированного от коронавирусной инфекции COVID-19 или перенесшего это заболевание’.

Расширяется тематическая группа, связанная с информационными и компьютерными технологиями: *кликнуть – кликать* ‘нажать (нажимать) клавиши (кнопки) компьютерной мыши, мышки’; *кэшировать* ‘проф. Осуществлять операции кэширования; использовать кэш’; *линковать* ‘проф. Размещать, komponуя, связывая воедино с другими материалами’; *спамить* ‘разг.-проф. Рассылать спам’; *юзать* ‘разг.-проф. Использовать компьютер, Интернет, компьютерную программу; пользоваться каким-л. техническим приспособлением, прибором’.

В меньшей степени, однако пополняется группа с семантикой волшебства, колдовства: *ведьмачить* ‘разг. Быть ведьмой, заниматься деятельностью ведьмы’.

События конца XX – начала XXI веков, несомненно, оказали влияние не только на внешнюю, но и на внутреннюю жизнь человека. В это время, когда происходит перелом устоявшегося образа жизни, у носителей языка возникает интерес к познанию внутреннего «Я», своего собственного внутреннего мира. В связи с этим в обществе культивируется роль психологов и их услуг, и, как следствие, язык реагирует на психологические потребности людей. Таким образом, на рубеже тысячелетий активно пополняется тематическая группа, связанная с психологией, психическим состоянием человека, особенностями его психологического поведения: *газлайтить* ‘разг.осуществлять газлайт’ (*газлайт* ‘форма психологического насилия, манипулятивного воздействия на человека с целью заставить его усомниться в адекватности собственного восприятия реальности, в своей эмоциональной стабильности’); *вампитить* ‘разг. паразитировать за счет энергии, жизненных сил других людей; поглощать их энергию’; *менсплейнить* ‘разг., неодобр.объяснять что-л. снисходительно, намерено упрощая суть дела’; *диплайкать* ‘осуществлять диплайкинг’; *думскроллить* ‘просматривать, читать в соцсетях, в интернете негативные

новости, в том числе – о коронавирусной инфекции COVID-19’; *кэнселить* ‘подвергать кого-л., что-л. осуждению, порицать, бойкотировать’ и др.

Ослабление цензуры, возрастание личностного начала, ломка прежних устоев способствовали интенсивному пополнению тематической группы глаголов с семантикой поведения человека: *бардачить* ‘разг.-сниж. шумно веселиться, вести себя неподобающим образом, устраивая бардак где-либо’; *беспредельничать* ‘1. Вести себя нагло, превышать своим служебные полномочия, нарушать закон, преследуя корыстные цели. 2. Заниматься бандитизмом, разбоем; зверствовать. 3. Непристойно, вызывающе вести себя’; *жлобствовать* ‘разг., неодобр. вести себя подобно жлобу; демонстрировать безвкусицу, пошлость или скупиться’.

Тематическая группа поведения активно пополняется и за счет образования новых глаголов от имен собственных. Образование деноминативных глаголов явление не новое, в XIX – XX вв. появлялись подобные неологизмы: *донжуанствовать* ‘вести себя как волокита; вести образ жизни донжуана’ [БТС 2000: 274], *донкихотствовать* ‘вести себя как донкихот’ [БТС 2000: 274], *ловеласничать* ‘вести себя как ловелас; волочиться’ [БТС 2000: 502] – преимущественно производящими основами были имена литературных персонажей или имена деятелей искусства (например, *шекспирствовать*, *пушкинствовать*, *набоковничать*³).

Появление деноминативных глаголов связано с усилением личностного начала, которое характерно для рубежа тысячелетий. Подобные глаголы образуются

в основном от имен и фамилий политических деятелей: *трамхнуть* ‘1. Разг. резко изменить что-л., вызвать значительное потрясение. 2. Безл. Разг. об утрате способности правильно мыслить, действовать’; *меганмарклить* ‘руководствоваться в поведении чувством собственного достоинства; вести себя независимо, свободно, согласно своим жизненным

³ Деноминативные глаголы, образованные от имён собственных – фамилий деятелей искусства, толковыми словарями не зафиксированы и носят разговорный характер.

принципам в ущерб статусу»; *лукашенствовать* 'Разг. отказываться от диалога с оппозицией, силой подавлять протесты';

от имен и фамилий личностей, жизнь / события жизни / поведение которых получили общественный резонанс: *шурьжничать* 'разг.-сниж., пренебр. 1. Вести себя нескромно, рискуя стать жертвой сексуального насилия. 2. Привлекать к себе внимание скандальным поведением';

реже от названия стран: *ливанизировать* 'публ. уподобить (уподоблять) что-л. Ливану с его внутренним ожесточенным политическим и военным противостоянием, затяжным военным конфликтом';

от религиозно-мифологических персонажей: *сатанизировать* 'уподоблять кого, что-л. Сатане, приписывать кому, чему-л. крайнюю злобу, жестокость, коварство; представлять кого, что-л. источником зла; демонизировать'.

Интенсивность пополнения деноминативными глаголами связана и с тем, что «собственные имена имеют значительный культурный потенциал, они способны выступать в качестве носителей культурно значимой информации, т.е. приобретают символические свойства» [Радбиль 2016: 49]. Кроме того, деноминативные глаголы в большинстве случаев экспрессивны и оценочны, они становятся в некоторой степени средствами выразительности речи.

Таким образом, для конца XX – начала XXI веков характерна тенденция интернационализации. В этот период активно образование неологизмов путем заимствования из английского языка, очень редко – из немецкого (*мелировать*). Тенденция к демократизации проявляется в появлении стилистически сниженных новообразований, а также в использовании профессиональных неологизмов. Поскольку на рубеже тысячелетий значительно была ослаблена цензура, суффиксальные глагольные неологизмы данного периода чаще всего имеют пометы *разг.*, *разг.-сниж.*, *жарг.* Связь языка с действительностью обеспечивается употреблением в речи носителей языка профессиональных новообразований, чаще всего – тематической группы информационных и компьютерных технологий.

Выводы из главы 3

В ходе синхронно-диахронного анализа подсистемы суффиксальных глагольных неологизмов было выявлено, что суффиксальные новообразования активно вступают в словообразовательные отношения, а именно вступают в отношения словообразовательного варьирования. Помимо этого, в ходе анализа были обозначены основные тематические группы суффиксальных глагольных неологизмов. Особое внимание было уделено соотношению суффиксальных, префиксальных, конфиксальных структур.

1. Поскольку описать все префиксальные и конфиксальные новообразования вряд ли возможно, мы остановились на системном анализе префиксальных и конфиксальных глаголов с приставкой *за-*. В старорусском языке глаголы с приставкой *за-* в меньшей степени имеют собственно пространственное значение и значение действия по поверхности, так как основная часть подобной лексики образовалась в древнерусском языке. В старорусском языке отчетливо проявляется тенденция формирования группы глаголов с приставкой *за-* начинательного действия (*затрубити, заплакати, закричать*), интенсивно также пополняются группы глаголов с семантикой покрытия объекта (*замаслити*) и с семантикой становления, приобретения признака (*загустѣти*), что вполне соотносится с развитием аналогичных групп в суффиксальной глагольной подсистеме. В период формирования национального литературного языка группа глагольных новообразований с префиксом *за-* с семантикой начала действия составляют большую часть лексики. Это в основном глаголы с общим значением начала звучания (*заворковать*) и глаголы с семантикой деятельности и поведения субъекта (*завольничать*), а также глаголы с общей семантикой состояния (*заалеть*).

2. В ходе развития языка префиксальное глагольное словообразование конкурирует с конфиксальным, в связи с чем нельзя не затронуть проблему соотношения префиксации и конфиксации как способов глагольного словообразования. Проведенный анализ позволяет утверждать, что образования глаголов конфиксальным способом было активно как в старорусском языке, так и

в период формирования национального литературного языка, а также продолжает быть активным на рубеже тысячелетий. В разные периоды развития языка префиксальные и конфиксальные глагольные структуры могут формироваться одновременно, то есть процессы префиксального и конфиксального образования новых глаголов на базе суффиксальных глаголов или на базе имен могут идти параллельно. Не всегда удается однозначно определить способ образования новообразований, и тогда можно говорить о множественной мотивации.

3. Явление словообразовательного варьирования сопровождается процессом неологизации подсистемы русских суффиксальных глаголов на протяжении всей истории развития языка, что подтверждается проведенным анализом. Рассмотренные по параметрам соотнесения к словообразовательным вариантам ряды слов свидетельствуют о том, что появление словообразовательных вариантов на протяжении развития языка стабильно и системно. Словообразовательные варианты появляются в результате конкуренции словообразовательных моделей, появлении новых моделей, расширении или сужении функционала суффиксов, а также их стилистической окраски. В старорусском языке появление словообразовательных вариантов обусловлено конкуренцией словообразовательных моделей церковнославянского, книжного стиля и народно-разговорного. В период формирования национального литературного языка формируется новая модель с суффиксом *-нича-*, которая вступает в отношения словообразовательного варьирования с моделями с суффиксами *-и-*, *-ова-*, *-ствова-*. Кроме этого, в XVIII в. интенсивное заимствование также породило большое количество рядов словообразовательных вариантов, однако подобные варианты были утрачены в этот же период за ненадобностью, как дублетные. Для конца XX – начала XXI вв. также характерен процесс словообразовательного варьирования. В данный период этот процесс обусловлен взаимодействием книжного и разговорного стилей речи, а также законом экономии речевых усилий. Поскольку основная часть современных неологизмов является неузусными образованиями и употребляется

преимущественно в разговорной речи, носителями языка предпочитается более короткий вариант (не *ксерокопировать*, а *ксерить*).

4. Тематическое распределение суффиксальных глагольных неологизмов, безусловно, подчинено экстралингвистическим факторам, прежде всего потребностям социума. В ходе синхронно-диахронного анализа были выявлены наиболее активные в ходе неологизации тематические глагольные группы на каждом из значимых для исследования этапов развития языка. В старорусский период это преимущественно глагольная лексика, относящаяся к сфере церковной деятельности, управления государством. В период формирования единого национального литературного языка появляются глагольные новообразования терминологического характера, относящиеся к разным сферам науки, а также военная лексика. Характерной особенностью процесса неологизации на рубеже тысячелетий является непрерывное пополнение словаря лексикой, связанной с развитием информационных и компьютерных технологий, деятельностью в области практической психологии и сфере услуг.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Предпринятое исследование динамики неологизации русской глагольной лексики в истории письменного литературного языка с XV по XXI вв. позволило определить тенденции развития данной подсистемы. Системное описание семантико-словообразовательной подсистемы русской глагольной лексики проводилось на материале лексикографических источников, отражающих лексику старорусского языка, лексику периода формирования национального литературного русского языка, а также лексику последних тридцати лет. Всего в поле анализа находилось 934 суффиксальных глагольных неологизма и 600 глагольных новообразований с приставкой *за-*.

К исследованию особенностей неологизации языка в области суффиксальной глагольной лексики была применена методика синхронно-диахронного анализа. Такой подход позволил описать динамические процессы, связанные с появлением глагольных новообразований, на каждом из выделенных условно синхронных срезов: старорусский период, XVIII век, период рубежа тысячелетий. В ходе работы стало ясно, что суффиксация является тем процессом, который определяет развитие глагольной семантико-словообразовательной подсистемы. Проведенное исследование показало, что применение синхронно-диахронного метода к изучению динамики неологизации русской глагольной лексики дает возможность определить время наиболее интенсивного развития как отдельных словообразовательных типов, так и появление отдельных словообразовательных моделей.

Так, для старорусского языка характерна активизация семантического поля глаголов действия, конкретного, направленного на объект, в XVIII в. на первый план выходит семантическое поле глаголов деятельности и поведения, а в конце XX – начале XXI вв. вновь лидирующее место занимает семантическое поле глаголов действия, однако с семантическими изменениями. Если в старорусском языке это было конкретное действие, направленное на объект, прикладного

характера: покрытия, создания, натирания, отрицательного воздействия на объект, вплоть до его разрушения (*золотити, бороновати, каменовати*), то в последние десятилетия семантическое поле глаголов действия претерпевает изменения. Оно в основном представлено глаголами с семантикой создания объекта в результате интеллектуального труда (*креативити, ремиксировати*), передачи информации (*факсовати, вербалізувати*), отрицательного воздействия на объект, вплоть до его разрушения, но не физического, а ментального, психологического (*газлайтити, панчити*).

Семантическое поле деятельности и поведения также семантически изменяется: в старорусском языке и в XVIII в. к нему относились глаголы с семантикой физического действия (XV – XVII вв.: *поваровати, мясничати*; XVIII в.: *башмачничати, бочарничати*). В конце XX – начале XXI вв. большая часть новообразований имеет значение непроизводственной деятельности, творческого труда (*продюсировати, журити*). Одной из определяющих процесс неологизации русской глагольной лексики можно считать тенденцию к формированию более абстрактной семантики у глагольных новообразований, которая проявляется в семантическом изменении наполнения семантического поля действия, деятельности и поведения.

В старорусском языке и в период формирования национального литературного языка происходит формирование подсистемы агентивных глаголов, относящихся к семантическому полю деятельности и поведения, также к семантическому полю глаголов состояния, пополнявшихся в том числе и за счет конфиксальных глагольных новообразований.

На рубеже тысячелетий язык активно пополняется глаголами, относящимися к области компьютерных технологий, производящей основой которых часто являются заимствованные англицизмы (*лайкати, гуглити, хейтити*), новообразованиями с семантикой изменения качественного признака и с семантикой образа жизни, что обусловлено экстралингвистическими факторами.

Семантические поля глаголов движения и речевой деятельности и звучания в XV – XVIII вв. и XVIII в. пополнялись в меньшей степени, поскольку основная

часть лексики данных групп была сформирована еще в древнерусском языке, в конце XX – XXI вв. они не были активны.

Словообразовательный анализ суффиксальных глагольных неологизмов показал, что наиболее продуктивным суффиксом, участвующем в глагольном словопроизводстве на протяжении всей истории языка, является суффикс **-и-**, при помощи которого могут образовываться глаголы практически всех семантических полей (XV – XVII вв.: *дернिति, дьячити, влажити, голосити*; XVIII в.: *бороздити, нянчить, картавить, грустить, колесить*; конец XX – начало XXI вв.: *бардачить, бодряжить, божжить*), не менее продуктивным становится и суффикс **-ова-** (XV – XVII вв.: *грунтовати, поваровати, кручиновати, роптовати*; XVIII в.: *пасынковати, губернаторствовати, пилигримствовати, курсовать*; конец XX – начало XXI вв.: *диджействовать, факсовать, слэмовать*).

Суффикс **-ствова-**, закреплявшийся в старорусском языке преимущественно за глаголами семантического поля деятельности и поведения (*пономарствовати*), реже за семантическим полем глаголов состояния (*суровствовати*), речевой деятельности и звучания (*привѣтствовати*), действия (*законствовати*), существования в определенном месте и пространстве (*деньствовати*), движения (*путьтствовати*), в XVIII в. значительно сужает свой функционал и закрепляется за глаголами семантического поля деятельности и поведения (*геройствовать*) за счет того, что в этот период формируются новые модели с иноязычными контаминированными суффиксами **-урова-**, **-изурова-**, появляется суффикс **-ова-**, являющийся калькой польского суффикса *-ować*. В конце XX – начале XXI вв. суффикс **-ствова-** закрепляется за глаголами деятельности и поведения (*дизайнерствовать*), редко – за глаголами с семантикой образа жизни (*люмпенствовать*). Таким образом, проведенный синхронно-диахронный анализ позволяет утверждать, что суффикс **-ствова-** значительно сузил свои семантические характеристики и стал закреплять (чаще всего) за агентивными глаголами. Отметим также, что на протяжении развития языка глаголы с суффиксами **-ова-** и **-ствова-** находятся в отношениях конкуренции, что отчетливо проявляется при анализе глаголов деятельности и поведения. Не всегда однозначно

удается определить производящую базу подобных глаголов, например, глагола *адвокатствовать*: в Словаре русского языка XVIII в. зафиксировано отвлеченное существительное *адвокатство* и существительное *адвокат*. При определении словообразовательного форманта в подобных случаях мы опирались на фиксацию отвлеченного существительного на *-ство*.

Словообразовательная модель с суффиксом *-нича-* формируется в период формирования национального литературного языка и закрепляется за глаголами деятельности и поведения (*водолазничать*). В этот же период эта модель вступает в отношения конкуренции со словообразовательной моделью с суффиксом *-а-*, которая в старорусском языке и в XVIII в. также закреплялась за глаголами деятельности и поведения (XV – XVII вв.: *барышничати*; XVIII в.: *башиманничати*), в связи с этим можно говорить об явлении множественной мотивации: *кляузничать* < *кляузник* и *кляузничать* < *кляуза*. В конце XX – начале XXI вв. модель с суффиксом *-нича-* полностью закрепляется за агентивными глаголами, в то время как модель с суффиксом *-а-* становится непродуктивной.

Словообразовательная модель с суффиксом *-ть-* в истории языка закреплялась в основном за глаголами семантического поля состояния с семантикой становления качества. В старорусском языке и особенно в XVIII в. данная модель была продуктивна: *бѣлѣти*, *желтѣти* (старорусский язык) и *длиннѣти*, *дороднѣти* (XVIII в.). В конце XX – начале XXI вв. данная модель малопродуктивна, встретилось одно новообразование с данным суффиксом *ботанеть*.

XVIII в. – время интенсивного пополнения языка заимствованиями. Процесс заимствования происходил из французского, немецкого, польского, голландского, реже – английского языка. В этот период появляются словообразовательные модели с суффиксами *-урова-*, *-изирова-*, возникшими в результате влияния немецких суффиксов *-ieren*, *izieren*. Данные суффиксы закреплялись в период формирования национального литературного языка только за глаголами-заимствованиями и, соответственно, не отличались продуктивностью. В конце XX – начале XXI вв. суффиксы *-урова-*, *-изирова-* участвуют в словопроизводстве русскоязычных

неологизмов, а также в освоении заимствований. Эти суффиксы закрепляются за глаголами семантических полей деятельности, действия, состояния.

Таким образом, семантико-словообразовательная подсистема русских суффиксальных глаголов на протяжении истории языка так или иначе претерпевала изменения и представлена разнообразными словообразовательными типами и моделями.

Синхронно-диахронный анализ показал, что в истории формирования семантико-словообразовательной подсистемы русских глаголов определяющим был процесс суффиксации, однако этот процесс сопровождался префиксацией и конфиксацией. Нами были отобраны глагольные новообразования с приставкой *за-*, возникшие в старорусском языке, в период формирования национального литературного языка и в конце XX – начале XXI вв. В ходе анализа было выяснено, что процесс образования суффиксальных беспрефиксных глаголов и конфиксальных глаголов от одних и тех же именных основ может идти параллельно, и в этом случае можно говорить о множественной мотивации (например, *забрежневеть* < *брежневеть* и *забрежневеть* < *Брежнев*).

Процесс неологизации русской глагольной лексики на всех анализируемых нами этапах сопровождается словообразовательным варьированием. Чаще всего возникновение словообразовательных вариантов обусловлено конкуренцией словообразовательных моделей. Так, например, в старорусском языке словообразовательные модели с суффиксами *-и-* и *-ствова-* находились в отношениях словообразовательного варьирования, суффикс *-ствова-* закреплялся за книжными вариантами, а суффикс *-и-* за народно-разговорными. В период формирования национального литературного языка большое количество словообразовательных вариантов обусловлено заимствованиями из разных языков, часть которых была утрачена в этот же период. Кроме этого, в отношениях словообразовательного варьирования находились словообразовательные модели с суффиксами *-нича-*, *-и-*, *-ствова-*, поскольку в этот период формировалась словообразовательная модель с суффиксом *-нича-*. На рубеже тысячелетий словообразовательное варьирование обусловлено, как нам кажется, стремлением

носителей языка к экономии речевых усилий: *капитанить* – *капитанствовать*, *бомжить* – *бомжировать*.

В результате анализа тематических групп глаголов, появившихся в старорусском языке, в период формирования национального литературного языка и в конце XX – начале XXI вв. были выявлены некоторые тенденции семантической неологизации. В старорусском языке еще сохраняется типичное для древнерусского человека конкретное восприятие мира, что отразилось в тематических группах глаголов прикладных профессий, ручного труда, промысла. Однако в этот период уже начинает формироваться тенденция к абстрактивизации, которая проявилась в развитии тематической группы абстрактного труда (*государствовати*). В период формирования национального литературного языка отчетливо формируется терминологическая лексика, обусловленная, несомненно, экстралингвистическими факторами. Некоторые тематические группы заметно уменьшаются (например, тематическая группа, связанная с церковной деятельностью). В этот же период проявляется тенденция к интернационализации: некоторая часть заимствованных глаголов прочно вошла в фонд русского языка. На рубеже тысячелетий заметно расширяются тематические группы, в большей степени пополняются группы глаголов, связанные с интеллектуальным, абстрактным трудом. Яркой чертой последних десятилетий является образование глаголов от имен собственных, что, безусловно, связано с усилением личностного начала как тенденции рубежа тысячелетий. Помимо этого, тенденция к интернационализации также характерно для конца XX – начала XXI вв., поскольку большое количество заимствований из английского языка (реже немецкого) уже освоено и включено в словообразовательную систему русского языка (например, *юзать* > *поюзать* / *юзанье*).

Таким образом, предпринятый синхронно-диахронный анализ неологизации русской глагольной лексики позволил выявить тенденции ее динамики. Уточнить и дополнить полученные сведения может обращение к другим префиксально-конфиксальным моделям, а также к семантическим неологизмам, что и определяет перспективу дальнейшей разработки исследуемой проблематики.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Авилова, Н. С. К вопросу о суффиксальном образовании русского глагола в XVIII в. / Н. С. Авилова // Материалы и исследования по истории русского литературного языка. Т. 2. М.–Л., 1951. – С. 253–283.
2. Авилова, Н.С. Двувидовые глаголы с заимствованной основой в русском литературном языке нового времени/ Н. С. Авилова // Вопросы языкознания. – 1968. – № 5. – С. 66–78.
3. Алаторцева, С. И. Проблемы неологии и русская неография Текст.: автореф. дис... д–ра филол. наук: 10.02.01 / С. И. Алаторцева. – СПб., 1999. – 40 с.
4. Алефиренко, Н. Ф. Когнитивно–семиологическая теория слова / Н. Ф. Алефиренко // Вестн. Самарского гос. ун–та. Гуманитарная серия. – Самара, 2006. – № 5 /1 (45). – С. 102–110.
5. Аминова, А. А. Глагольные синонимы русского языка (Развитие глагольной синонимии в словообразовательном аспекте) / А. А. Аминова. – Казань: Изд–во Казан, ун–та, 1998. – 156 с.
6. Архипов, И. К. Словообразовательный тип как одна из единиц классификации словообразовательной подсистемы / И. К. Архипов // Словообразовательные типы и гнезда в индоевропейских языках. – Владивосток, 1986. – С. 57–65.
7. Баранникова, Л. И. Вариантность как свойство языковых систем и ее типология / Л. И. Баранникова // Анализ системы научного знания. – Саратов, 1976. – С. 146–151.
8. Баранникова, Л.И. О соотношении системного и диахронического подхода к языку (из истории вопроса) / Л.И. Баранникова // Язык и общество. – Вып. 11. – Саратов, 1997. – С. 3–6.
9. Безрукова, А. А. Имена собственные как базовые основы словопроизводства в 1990–е годы / А. А. Безрукова // Динамические аспекты русского словообразования. – Саратов, 2021. – С. 80–101.
10. Безрукова, А. А. Производные от аббревиатур VIP и PR (коммуникативный и когнитивный подходы) / А. А. Безрукова // Язык и социальная динамика. – 2012. – № 12. Ч. 1. – С. 372–377
11. Безрукова А. А., Черникова Д. П. Особенности функционирования неологизмов, образованных от имен собственных в 1990–е годы, в языке СМИ 2000–х годов (лексический аспект) / А. А. Безрукова, Д. П. Черникова // Международная молодежная научная конференция «XVI Королевские чтения», посвященная 60–летию полета в космос Ю. А. Гагарина. – 2021. – Т. 2. – С. 944–946.
12. Беляева, Е. А. Глаголы компьютерной сферы в современном русском языке: пути возникновения и отражение в словарях / Е. А. Беляева // Современная русская лексикология, лексикография и лингвогеография – 2022 / отв. ред. О.Н. Крылова; Институт лингвистических исследований РАН. – СПб.: ИЛИ РАН, 2022. – С. 14–22.

13. Биржакова, Е. Э. Русская лексикография XVIII века / Е. Э. Биржакова; Российская академия наук; Институт лингвистических исследований. – СПб.: Нестор–История, 2010. – 212 с.
14. Биржакова Е. Э., Войнова Л. А., Кутина Л. Л. Очерки по исторической лексикологии русского языка XVIII века: Языковые контакты и заимствования / Е. Э. Биржакова, Л. А. Войнова, Л. Л. Кутина; отв. ред. Ю. С. Сорокин. – Л.: Наука, 1972. – 432 с.
15. Близнецова, Т. А. Глагольные неологизмы в денотативном пространстве 2-й половины 20 века: семантика, стилистика, прагматика. Диссертация на соискание ученой степени кандидата филологических наук. – Москва, 2011. – 254 с.
16. Богословская, З. М. Диалектная вариантология: монография / З. М. Богословская. – Томск: Изд-во Том. политех. ун-та, 2005. – 271 с.
17. Бодуэн де Куртенэ, И. А. Избранные труды по языкознанию. В 2 т. / И. А. Бодуэн де Куртенэ. – М.; Л., 1963.
18. Бояркина, В. Д. Новая глагольная лексика в современном русском языке: Автореф. дис. канд. филол. наук. – СПб., 1993. – 17 с.
19. Бояркина, В. Д. Новые глагольные неузואальные образования / В.Д. Бояркина // Новые слова и словари новых слов. – Л., 1990. – С. 56–63.
20. Бояркина, В. Д. Стилистическая характеристика новой глагольной лексики в словарях современного русского языка / В.Д. Бояркина // Новые слова и словари новых слов. – СПб., 1997. – С. 36–42.
21. Бубекова, Л. Б. Конфиксальные глаголы и их синонимические отношения в русском языке: автореф. дис. ... канд. филоло. наук: 10.02.01 / Л. Б. Бубекова. – Казань, 2004. – 19 с.
22. Будагов, Р. А. Слово и его значение / Р. А. Будагов. – Л., 1947. – С. 37.
23. Буцева, Т. Н. О критериях отбора лексики в словари новых слов // От буквы к словарю: Сборник научных статей к 200-летию со дня рождения академика Я. К. Грота / отв. ред. О. А. Старовойтова. – СПб.: Наука, 2013. – С. 116–122.
24. Буцева Т.Н., Зеленин А.В. Бесприставочные неоглаголы 2000–2020 гг. с суффиксами *-ова(ть)*, *-ева(ть)*, *-изова(ть)*, *-ирова(ть)*, *-изирова(ть)* / Т. Н. Буцева, А. В. Зеленин // Лингвистический ландшафт в контексте национальной культуры: сборник статей по материалам Международной научной конференции «Национальные коды в языке и литературе» (Национальный исследовательский Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского, Институт филологии и журналистики, 26–28 октября 2023 г.). – Нижний Новгород: ННГУ им. Н.И. Лобачевского, 2023. – С. 18–27.
25. Буцева Т. Н., Зеленин А. В. Глаголы как объект описания аспектных неологических словарей / Т. Н. Буцева, А. В. Зеленин // Активные процессы в современном русском языке: национальное и интернациональное: сб. науч. ст. / отв. ред. Л. В. Рацибурская. – Москва: ФЛИНТА, 2021. – С. 125–137.
26. Валгина, Н. С. Активные процессы в современном русском языке / Н. С. Валгина. – М.: Логос, 2003. – 304 с.

27. Виноградов, В. В. Исследования по русской грамматике: Избранные труды / В. В. Виноградов. – М.: Наука, 1975. – 561 с.
28. Виноградов, В. В. Основные вопросы и задачи изучения истории русского языка до XVIII в. / В. В. Виноградов // Виноградов В. В. Избранные труды. История русского литературного языка. – М., 1978. – С. 254–278.
29. Виноградов, В. В. Русский язык (Грамматическое учение о слове) / В.В. Виноградов. – М.: Высшая школа, 1986. – 640 с.
30. Виноградов, В. В. Словообразование в его отношении к грамматике и лексикологии / В. В. Виноградов // Исследования по русской грамматике. – М.: Наука, 1975. – С. 166–220.
31. Власко, Н. К. Варьирование как источник возможного языкового изменения / Н. К. Власко // Актуальные проблемы гуманитарных и естественных наук. – 2017. – № 1–3. – С. 164–166.
32. Волков С. С., Зиновьева Е. И. Глаголы речевого взаимодействия и контакта в публицистике второй половины XVI века / С. С. Волков, Е. И. Зиновьева // Лексические группы в русском языке XI–XVII вв. – М.: АН СССР ИРЯ, 1991. – С. 149–168.
33. Волохина Г. А., Попова З. Д. Русские глагольные приставки: семантическое устройство, системные отношения // Г. А. Волохина, З. Д. Попова. – Воронеж: Изд-во Воронеж. ун-та, 1993. – 192 с.
34. Габинская, О. А. Типология причин словотворчества / О. А. Габинская. – Воронеж: Изд-во Воронежского университета, 1981. – 152 с.
35. Гак, В. Г. Новые слова и новые словари // Новые слова и словари новых слов. Л.: Наука, 1983. – С. 15–29.
36. Гинзбург, Е. Л. Словообразование и синтаксис / Е. Л. Гинзбург. – М., 1979. – С. 251.
37. Горбачевич, К.С. Вариантность слова и языковая норма: на материале современного русского языка / К.С. Горбачевич. – Л.: Наука, 1978. – 240 с.
38. Грудева Е. В., Горющенко Д. О. Новая лексика 2021 года (по материалам викисловаря) // Неология. Неография. 2021: Сборник научных статей / Отв. ред. Н. В. Козловская. – СПб.: ИЛИ РАН, 2022. – С. 76–88.
39. Демьянов, В. Г. О роли иноязычных словообразовательных формантов в историческом процессе формирования словообразовательных средств русского языка // Исследования по историческому словообразованию / отв. ред. И. С. Улуханов. – М.: Ин-т русского языка РАН, 1994. – С. 148–161.
40. Дмитриева, О. И. Диахрония, синхрония, динамика: проблема синхронно–диахронного исследования словообразовательных подсистем / О. И. Дмитриева // Вестник Волгоградского университета. Серия 2, Языкознание. – 2012. – №2 (16). – С. 42–46.
41. Дмитриева, О. И. Динамика глагольной семантико–словообразовательной подсистемы в русском языке XVIII века / О. И. Дмитриева // Вестник Волгоградского гос. ун-та. Сер. 2, Языкозн. – 2014. – № 1(20). – С. 6–12.
42. Дмитриева, О. И. Динамика и диахрония в исследовании неологизации русской глагольной лексики / О. И. Дмитриева // Научное наследие

Б.Н. Головина в свете актуальных проблем современного языкознания (к 10летию со дня рождения Б.Н. Головина): сборник статей по материалам Международной научной конференции / Отв. ред. Т. Б. Радбиль. – Н. Новгород: Деком, 2016. – С. 202–207.

43. Дмитриева, О. И. Динамика неологизации русской глагольной лексики / О.И. Дмитриева // Предложение и Слово. Сборник научных трудов / Отв. ред. С. В. Андреева. – Саратов: Изд-во «Научная книга», 2013. – С. 371–377.

44. Дмитриева, О. И. Динамическая модель русской внутриглагольной префиксации / О. И. Дмитриева; под ред. докт. фил. наук О. Ю. Крючковой. – Саратов: Изд-во Сарат. ун-та, 2005. – 224 с.

45. Дмитриева, О. И. Динамические тенденции неологизации русской глагольной лексики / О. И. Дмитриева // Национальные коды в языке и литературе. Современные языки в новых условиях коммуникации: сборник статей по материалам Международной научной конференции «Национальные коды в языке и литературе». – Н. Новгород: Изд-во Нижегородский госуниверситет им Н.И. Лобачевского, 2019. – С. 46–52.

46. Дмитриева, О. И. К проблеме динамического исследования словообразовательных подсистем русского языка (вместо предисловия) / О.И. Дмитриева // Динамика семантико-словообразовательных подсистем русского языка: Коллективная монография / Под ред. О. И. Дмитриевой. – Саратов: Издательство «Научная книга», 2010. – С. 3–14.

47. Дмитриева О. И., Левицкая А. Д. Историческая динамика словообразовательных процессов в подсистеме русских глаголов / О. И. Дмитриева, А. Д. Левицкая // Динамика семантико-словообразовательных подсистем русского языка. – Саратов, 2010. – С.194 – 260.

48. Дмитриева О. И., Крючкова, О. Ю. Динамика словообразовательных процессов: семантико-когнитивный, жанрово-стилистический, структурный аспекты / О. И. Дмитриева, О. Ю. Крючкова. – Саратов: Издательский дом «Научная книга», 2010. – 364 с.

49. Дмитриева О. И., Янковский О. И. Синхронно-диахронный анализ словообразовательных гнезд глаголов движения / О. И. Дмитриева, О. И. Янковский // Учен. зап. Казан. ун-та. Сер. Гуманит. науки. – 2017. – Т. 159, кн. 5. – С. 1295–1312.

50. Елитте, Г. Словообразовательные варианты в русской письменности XVIII века (на материале абстрактных имен существительных) / Г. Елитте // Исследования по историческому словообразованию / Отв. ред. И. С. Улуханов, отв. секр. С. И. Иорданиди. – Москва: ИРЯ РАН, 1994. – С. 111 – 135.

51. Жданова, Е. А. Глагольные новообразования в русском языке рубежа веков и проблема их лексикографической фиксации / Е. А. Жданова // Научное наследие Б.Н. Головина в свете актуальных проблем современного языкознания (к 100-летию со дня рождения Б.Н. Головина). – Нижний Новгород: ДЕКОМ, 688 с. 2016. – С. 287–291.

52. Жданова, Е.А. Словообразовательные неологизмы-существительные в словаре «Новые слова и значения. Словарь-справочник по материалам прессы и литературы 90-х годов XX века»: структурно-семантический и социокультурный

аспекты: Диссертация на соискание ученой степени кандидата филологических наук / Е. А. Жданова. – Нижний Новгород, 2019. – 265 с.

53. Замальдинов, В. Е. Активные процессы в русском словообразовании начала XXI века / В. Е. Замальдинов // Национальные коды в языке и литературе. язык и культура: Сборник статей по материалам Международной научной конференции «Национальные коды в языке и литературе». Национальный исследовательский Нижегородский государственный университет им. Н. И. Лобачевского. – 2018. – С. 113–120.

54. Замальдинов В. Е., Лысков А. А. Новые тенденции в русском словообразовании / В. Е. Замальдинов, А. А. Лысков // Лингвистический ландшафт в контексте национальной культуры: сборник статей по материалам Международной научной конференции «Национальные коды в языке и литературе» (Национальный исследовательский Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского, Институт филологии и журналистики, 26–28 октября 2023 г.). – Нижний Новгород: ННГУ им. Н.И. Лобачевского, 2023. – С. 44–48.

55. Замальдинов, В. Е. Словообразовательные неологизмы как средство речевого воздействия (на материале нижегородских СМИ начала XXI в.): Автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата филологических наук. – Нижний Новгород, 2018. – 25 с.

56. Земская, Е. А. Активные процессы современного словопроизводства / Е. А. Земская // Русский язык конца XX столетия (1985–1995): коллективная монография / В. Л. Воронцова, М. Я. Гловинская, Е. И. Голанова, О. П. Ермакова, Е. А. Земская, Н. Е. Ильина, М. В. Китайгородская, Е. В. Какорина, Л. П. Крысин, Н. Н. Розанова; отв. ред. Е. А. Земская – 2-е изд. – М. : Языки русской культуры, 2000. – С. 90–142.

57. Земская, Е. А. Об одной особенности соединения словообразовательных морфем в русском языке / Е. А. Земская // Вопросы языкознания. – 1964. – №2. – С. 84–88.

58. Земская, Е. А. Словообразование как деятельность / Е. А. Земская. – М.: Наука, 1992. – 221 с.

59. Зиньковская А. В., Сахно А.А. Психолингвистические предпосылки формирования неологизмов (на примере единиц периода пандемии коронавирусной инфекции COVID–19) // Ученые записки Новгородского государственного университета. – 2021. – № 5(38). – С. 553–556.

60. Золоторева, М. Н. Неологизмы современного русского языка в деривационном аспекте: На материале неологизмов 70 – 90 годов XX века с глагольными корнями: Диссертация на соискание ученой степени кандидата филологических наук, 2001. – Екатеринбург. – 199 с.

61. Иванова, Г. А. Словообразовательная вариантность в метаязыке лингвистики / Г. А. Иванова // Вестник нижегородского университет им. Н. И. Лобачевского. – 2010. – № 4–2. – С. 519–521.

62. Ивлева, Г. Г. О варьировании слов в немецком языке / Г. Г. Ивлева // Вопросы языкознания. – 1981. – № 6. – С. 121–127.

63. Ильясова, С. В. Неодериваты 2022 года (на материале масс–медийной коммуникации) // Теоретические и практические проблемы развития современной гуманитарной науки: мат–лы IX Междунар. науч.–практ. конф., посвященной юбилею д.ф.н., проф. Фаткуллиной Ф. Г. Т. 1. Уфа: ФГБОУ ВО «Уфимский университет науки и технологий», 2023. – С. 165–170.

64. Ильясова, С. В. Новые реалии общественно–политической жизни и их отображение в инновациях (на материале инноваций конца XX в.) / С. В. Ильясова // Филология и культура: Тезисы II междунар. конф. в 3 ч. Ч. II / Отв. ред. Н. Н. Болдырев. – Тамбов: Изд–во Тамбовского ун–та, 1999. – 134 с.

65. Ильясова, С. В. Семантика и структура отыменных глагольных новообразований (на материале периодической печати 70–х – 80–х годов) [Текст]: дис. ... канд. филол. наук: 10.02.01 / Ильясова Светлана Васильевна. – Ростов н/Д, 1984. – 304 с.

66. Каде, Т. Х. Основные факторы динамики словообразовательной системы // Филология = Philoljgia. Краснодар, 1994. – №3. – С.12.

67. Кадькалова, Э. П. Выход в теорию словообразования: к вопросу о соотношении понятий словообразовательная производность и словообразовательная мотивированность / Э. П. Кадькалова. – Саратов : ООО «Буква», 2015. – 341 с.

68. Кадькалова, Э. П. К изучению законов словопроизводства: Агентивные глаголы в русском языке / Э. П. Кадькалова. – Саратов: Издательский центр «Наука», 2007. – 216 с.

69. Кадькалова, Э. П. К перспективам изучения вариантных единиц языковых систем / Э. П. Кадькалова // Язык и общество в синхронии и диахронии. Труды и материалы Международной конференции, посвященной 90–летию со дня рождения проф. Лидии Ивановны Баранниковой // Сост. В. Е. Гольдин, О. Ю. Крючкова, С. П. Хижняк. – Саратов: «Научная книга», 2005. – С. 24–33.

70. Кадькалова, Э. П. О дистрибуции суффиксов *–ить*, *–ничать*, *–ствовать* при производстве глаголов от имен лиц / Э. П. Кадькалова // Вопросы теории и истории русского языка: сб. науч. ст. – Саратов, 1976. – С. 37.

71. Кадькалова, Э. П. Развитие отношений между словообразовательными моделями одной семантико–словообразовательной категории: принципы и перспективы изучения / Э. П. Кадькалова // Исследования по историческому словообразованию. – М., 1994. – С. 62–78.

72. Карева, О. М. О некоторых особенностях неологизации русского языка на современном этапе развития / О. М. Карева // Вестник Самарского университета. История, педагогика, филология. – 2016. – Т. 22, №3.2. – С. 39–43.

73. Касьянова, Л. Ю. Когнитивно–дискурсивные механизмы неологизации [Текст]: монография / Л. Ю. Касьянова; науч. ред. проф. Н. Ф. Алефиренко. – Астрахань: Издательский дом «Астраханский университет», 2009. – 320 с.

74. Касьянова, Л. Ю. Когнитивно–дискурсивные проблемы неологизации в русском языке конца XX – начала XXI века: Автореферат диссертации на соискание ученой степени доктора филологических наук. – Астрахань, 2009. – 48 с.

75. Касьянова, Л. Ю. Когнитивные факторы порождения нового слова / Л. Ю. Касьянова. – Волгоград: Известия ВГПУ. – 2008. – 2 (26). – С. 75–82.
76. Касьянова, Л. Ю. Новое слово как результат когнитивно–дискурсивного освоения и интерпретации действительности // Современные проблемы науки и образования. – 2012. – № 3.; URL: <https://science-education.ru/ru/article/view?id=6397> [Электронный ресурс].
77. Касьянова, Л. Ю. Оценочная семантика нового слова / Л. Ю. Касьянова // Вестник ЧелГУ «Филология Искусствоведение» –. Вып 19 – №9(110). – 2008. – С. 45–51.
78. Касьянова, Л. Ю. Современное состояние и перспективы развития неологии / Л. Ю. Касьянова // Гуманитарные исследования. – 2008. – № 4. – С. 51–61.
79. Комлев, Н. Г. Словарь новых иностранных слов / Н. Г. Комлев. – М., 1995. – С. 64–65.
80. Королева, И. А. Синонимические отношения в сфере глагольной лексики смоленского диалекта XVII–XVIII веков / И. А. Королева // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 2, Языкознание. – 2023. – Т. 22, № 5. – С. 101–111.
81. Коряковцева, Е. И. О динамической синхронии в словообразовании / Е. И. Коряковцева // Исследования по славянским языкам. – 11. – Сеул, 2006.
82. Костомаров, В. Г. Языковой вкус эпохи. Из наблюдений над речевой практикой масс–медиа / В. Г. Костомаров; зав. ред. А. В. Голубева, ред. И. В. Евстратова. – 3–е изд., испр. и доп. – СПб.: Златоуст, 1999. – 320 с.
83. Котелова, Н. З. Избранные работы / Н. З. Котелова; Российская академия наук; Институт лингвистических исследований. – СПб.: Нестор–История, 2015. – 276 с.
84. Кронгауз, М. А. Приставки и глаголы в русском языке: семантическая грамматика / М. А. Кронгауз. – Москва: Языки русской культуры, 1998. – 290 с.
85. Крысин, Л. П. Иноязычное слово в контексте современной общественной жизни / Л. П. Крысин // Русский язык в конце XX столетия (1985–1995). – М., 2000. – С. 142–161.
86. Крысин, Л. П. Лексическое заимствование и калькирование в русском языке последних десятилетий / Л. П. Крысин // Вопросы языкознания. – 2002. – №6. – С. 27–34.
87. Крысин, Л. П. Слово в современных текстах и словарях: Очерки о русской лексике и лексикографии / Л. П. Крысин. – М.: Знак, 2008. – 320 с.
88. Крючкова, О. Ю. Динамика процессов словообразовательной и лексической редупликации // Дмитриева О. И., Крючкова О. Ю. Динамика словообразовательных процессов: семантико–когнитивный, жанрово–стилистический, структурный аспекты. – Саратов: Научная книга, 2010. – 364 с.
89. Крючкова, О. Ю. Функции лексических единиц с аффиксальным удвоением в текстах XI–XIV вв. / О.Ю. Крючкова // Вестник Волгоградского университета. Серия 2, Языкознание. – 2016. – Т. 15. – № 2. – С. 62–68.
90. Крючкова, О. Ю. Функционально–стилистическая динамика русского языка как фактор словообразовательной эволюции / О. Ю. Крючкова // Язык и

общество в синхронии и диахронии. Труды и материалы международной конференции, посвященной 90-летию со дня рождения профессора Лидии Ивановны Баранниковой. – Саратов: Научная книга, 2005. – С. 39–44.

91. Кубрякова, Е.С. Язык и знание: На пути получения знаний о языке: Части речи с когнитивной точки зрения. Роль языка в познании мира / Е.С. Кубрякова, М.: Языки славянской культуры, 2004. – 560 с.

92. Кубрякова, Е. С. Номинативный аспект речевой деятельности / Е. С. Кубрякова. М., 1986. – С. 37–42.

93. Кубрякова, Е. С. Что такое словообразование? / Е. С. Кубрякова. – М., 1965. – С.14.

94. Кузнецова, Н. Н. О семантических неологизмах 2020-х годов / Н. Н. Кузнецова / Поволжский педагогический вестник, 2021. – №4. – С. 35–38.

95. Кукушкина, О. В. О механизме развития непространственных значений у приставок / О. В. Кукушкина // Актуальные проблемы современной русистики. Диахрония и синхрония. Вопросы русского языкознания. – М., 1996. – Вып. 6. – С. 135–150.

96. Левашов, Е. А. О хронологических границах словарей неологизмов / Е. А. Левашов // АСТА LINGÜISTICA PETROPOLITANA. Труды Института лингвистических исследований РАН / Отв.ред. Н.Н. Казанский. СПб.: Изд-во «Наука», 2012. – 309–314.

97. Левина, С. Д. Новая болезнь в глагольной лексике коронавирусной эпохи / С. Д. Левина // Новые слова и словари новых слов. 2020: сборник научных статей. – СПб., 2020. – С. 157–166.

98. Левицкая, А. Д. Динамика словообразовательных процессов: глагольные префиксация и конфиксация / А. Д. Левицкая // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 2. Языкознание. – 2012. – №2 (16). – С. 150–153.

99. Лопатин, В. В. Глагольная основа и структура отглагольного слова в русском языке / В. В. Лопатин // Известия АН СССР. Серия литературы и языка. 1975, Т. 34, № 5. – С. 409–417.

100. Лопатин, В. В. Рождение слова: Неологизмы и окказиональные образования / В. В. Лопатин. – М.: Наука, 1973. – 154 с.

101. Малышева, И. А. Глаголы с *пре-* в русском языке XVIII века: значение усиления действия / И. А. Малышева // Славянская историческая лексикология и лексикография, Вып. 2. 2019, 29–43.

102. Мальцева, И. М. Лексические новообразования в русском языке XVIII века / И. М. Мальцева, А. И. Молотков, З. М. Петрова; отв. ред. Ю. С. Сорокин. – Л.: Наука, 1975. – 372 с.

103. Маринова, Е. В. Адаптация иноязычной лексики на современном этапе: новые явления и тенденции / Е. В. Маринова // Вестник Нижегородского университета им. Н. И. Лобачевского. – 2011. – №6 (2). – С. 399–403.

104. Маринова, Е.В. Иноязычные слова в русской речи конца XX – начала XXI в.: проблемы освоения и функционирования / Е. В. Маринова. – М. : ООО «Издательство ЭЛПИС», 2008. – 495 с.

105. Маринова, Е. В. Основные понятия и термины неологии / Е. В. Маринова // Языки профессиональной коммуникации. Материалы международной научной конференции. – Челябинск, 2003. – С. 243–247.

106. Маркова, Е. М. Современные глагольные новации: словообразовательный и семантический аспекты / Е. М. Маркова // Актуальные проблемы обучения русскому языку как иностранному и русскому языку как неродному: сборник статей / отв. ред. Л. С. Крючкова. – Москва: ИИУ МГОУ, 2016. – С. 152–158.

107. Марков, В. М. Замечания о конфиксации в современном русском языке / В. М. Марков // Избранные работы по русскому языку. Казань: ДАС, 2001. С. 104–109.

108. Матвеева, Т. В. Полный словарь лингвистических терминов / Т. В. Матвеева. – Ростов–на–Дону: Феникс, 2010. – 562 с.

109. Мейе, А. Сравнительный метод в историческом языкознании [Текст] / А. Мейе. – М., 1954.

110. Миниярова И. М., Кильдибекова Т. А., Газизова Р. Ф. и др. Функциональное словообразование русского языка / И. М. Миниярова, Т. А. Кильдибекова, Р. Ф. Газизова. – Уфа, 1997. С. 59.

111. Митяева, А. П. Варьирование концепта бизнес в русской лингвокультуре XX–XXI вв. / А. П. Митяева, О. Г. Щитова // Варьирование в языке и смежные с ним явления: монография / О. А. Александров, З. М. Богословская, А. П. Митяева и др.; под ред. З. М. Богословской; Томский политехнический университет. – Томск: Изд–во Томский политехнический университет, 2015. – С. 4–30.

112. Молотков, А. И. Новообразования в кругу отыменных глаголов / А. И. Молотков // Лексические новообразования в русском языке XVIII века / И. М. Мальцева, А. И. Молотков, З. М. Петрова; отв. ред. Ю. С. Сорокин. – Л.: Наука, 1975. – С. 247–298.

113. Намитокова, Р. Ю. Авторские неологизмы: словообразовательный аспект / Р. А. Намитокова; отв. ред. И. А. Ширшов. – Ростов н/Д.: Изд–во Рост. ун–та, 1986. – 156 с.

114. Немченко, В. Н. Вариантность производных слов как особый тип взаимоотношений однокоренных образований в словообразовательном гнезде / В. Н. Немченко // Актуальные проблемы русского словообразования. – Ташкент–Укитувчи, 1982.

115. Немченко, В. Н. Понятие способа словообразования с диахронической и синхронической точек зрения / В. Н. Немченко // Исследования по историческому словообразованию / Отв. ред. И. С. Улуханов, отв. секр. С. И. Иорданиди. – Москва: ИРЯ РАН, 1994. – С. 29 – 43.

116. Нефедьев, М. В. Семантическая эволюция глагольных приставок *на-* и *об-* в истории русского языка XI–XVIII вв. // Вопросы языкознания. 1994. – №4. – С. 73–83.

117. Нефедьев, М. В. Заметки о развитии словообразовательных типов (на примере глаголов с приставкой *об-*) / М. В. Нефедьев. – Вопросы языкознания. – 1995. – №6. – С. 90–95.

118. Нешименко, Г. П. Тенденция языковой экономии как фактор динамики литературной нормы / Г. П. Нешименко // Новые явления в славянском словообразовании: система и функционирование: Доклады XI Международной научной конференции Комиссии по славянскому словообразованию при Международном комитете славистов / отв. ред. Е. В. Петрухина. – М.: Макс Пресс, 2010. – С. 116–134.

119. Нешименко, Г. П. Словообразовательная вариантность в контексте проблемы «центр – периферия» деривационной системы // *Tytu opisów gramatycznych języka: Materiały polsko–czeskiej sesji naukowej. Jabłonna 16–17. XI.1983.* Wrocław; Warszawa; Kraków; Gdańsk; Łódź, 1986.

120. Нешименко, Г. П. Словообразовательная конкуренция как фактор динамики литературной нормы // Проблемы славянской диахронической социолингвистики: Динамика литературно–языковой нормы. М., 1999

121. Нечаевский, В. О. Диахронический подход к варьированию единиц лексического уровня языка: постановка проблемы / В.О. Нечаевский // Вестник военного университета. – 2011. – № 2 (26). – С. 73–78.

122. Николаев, Г. А. Русское историческое словообразование: Теоретические проблемы / Г. А. Николаев. – Казань: Изд–во Казан. ун–та, 1987. – 152 с.

123. Николаев, Г. А. Русское историческое словообразование: Теоретические проблемы / Г. А. Николаев. – 2–е изд., доп. – М.: Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2010. – 184 с.

124. Николина, Н. А. Глагольные неологизмы в современной русской речи / Н. А. Николина // Язык и ментальность в диахронии: Сборник научных трудов III Всероссийского научного семинара с международным участием для молодых ученых. Владимир, 2022. – С. 190–197.

125. Николина Н. А., Рацибурская Л. В. Современное русское словообразование: функционально–динамический аспект. Москва: ФЛИНТА, 2023. –176 с.

126. Николина Н. А., Рацибурская Л. В., Фатхутдинова В. Г. Новые явления в сфере деривационных формантов как отражение динамики словообразовательной системы русского языка // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 2, Языкознание. – 2020. – Т. 19, № 2. – С. 5–19.

127. Николина, Н. А. Тенденции современного глагольного словопроизводства / Н.А. Николина // Русский язык в школе. – 2021. – Т. 82, № 5. – С. 80–85.

128. Орлова, Д. Г. Динамика неологизации подсистемы русских суффиксальных глаголов / Д. Г. Орлова // Филологические этюды: сб. науч. ст. молодых ученых: В 3 ч. – Саратов, 2019. Вып. 22, ч. I–III. – С. 158–162.

129. Орлова, Д. Г. Особенности неологизации глагольной лексики на рубеже тысячелетий: суффиксальные новообразования / Д. Г. Орлова // Филологические этюды: сб. науч. ст. молодых ученых: В 3 ч. – Саратов, 2020. Вып. 23, ч. I–III. – С. 255–259.

130. Орлова, Д. Г. Словообразовательное варьирование в ходе глагольной неологизации в русском языке XVIII в. / Д. Г. Орлова // Развитие словообразовательной и лексической системы русского языка: Сборник статей по материалам Международного научного семинара, посвященного 110-летию Саратовского государственного университета, Саратов, 1 ноября 2019 г. / Отв. ред. О. И. Дмитриева. – Саратов: Амирит, 2020. – С. 86–91.

131. Орлова, Д. Г. Особенности неологизации глагольной лексики: словообразовательное варьирование / Д. Г. Орлова // Филологические этюды: сб. науч. ст. молодых ученых: В 3 ч. – Саратов, 2021. Вып. 24, ч. I–III. – С. 237–241.

132. Орлова Д. Г., Дмитриева О. И. Тенденции словообразовательной динамики в ходе неологизации русской глагольной лексики / О. И. Дмитриева, Д. Г. Орлова // Динамические аспекты русского словообразования / О. Ю. Крючкова, Л. В. Балашова, О. И. Дмитриева [и др.]; под редакцией О. И. Дмитриевой, О. Ю. Крючковой. – Саратов: Издательство Саратовского университета, 2021. – С. 47–60.

133. Орлова, Д. Г. Особенности префиксальных и конфиксальных новообразований глагольной подсистемы / Д. Г. Орлова // Филологические этюды: сб. науч. ст. молодых ученых: В 3 ч. – Саратов, 2022. Вып. 25, ч. I–III. – С. 301–306.

134. Орлова, Д. Г. Активные процессы неологизации глагольной подсистемы: 2010–е – 2020–е годы / Д. Г. Орлова // Развитие словообразовательной и лексической системы русского языка: Материалы VIII Международного научного семинара, Саратов, 28–29 октября 2021 г. / Отв. ред. О. И. Дмитриева, С. А. Семеновская. – Саратов: Амирит, 2022. – С. 66–71.

135. Орлова, Д. Г. Новые суффиксальные глаголы и формирование новых глагольных словообразовательных типов в русском языке XVIII века / Д. Г. Орлова // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Филология. Журналистика. – 2023. – Т. 23, вып. 2. – С. 122–128. DOI: 10.18500/1817-7115-2023-23-2-122-128.

136. Орлова Д. Г., Дмитриева О. И. Тенденции неологизации глагольной лексики в старорусском языке (XV–XVII вв.) / О. И. Дмитриева, Д. Г. Орлова // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 2, Языкознание. – 2023. – Т. 22, № 6. – С. 95–105. – DOI: 10.15688/jvolsu2.2023.6.7.

137. Орлова, Д. Г. Словообразовательное варьирование в ходе неологизации глагольной подсистемы русского языка / Д. Г. Орлова // Вестник Донецкого национального университета. Серия Д. Филология и психология. – 2024. – № 3. – С. 170–181. – DOI: 10.5281/zenodo.12571775.

138. Орлова, Д. Г. Тенденции неологизации глагольной лексики в конце XX – начале XXI вв. / Д. Г. Орлова // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Филология. Журналистика. 2024. Т. 24, вып. 3. С. 257–263. DOI: 10.18500/1817-7115-2024-24-3-257-263, EDN: YKШЕО

139. Первухина, И. Ю. Продуктивные типы и модели современного словообразования (на материале нижегородской прессы конца XX – начала XXI века): автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата филологических наук / И. Ю. Первухина. – Н. Новгород, 2007. – 25 с.

140. Петрухина, Е. В. Актуальные вопросы системного словообразования / Е. В. Петрухина // Славистика. Синхрония и диахрония: Сборник статей к 70-летию И. С. Улуханова. – С. 142–153. Славистика: синхрония и диахрония. Сборник научных статей к 70-летию И. С. Улуханова / Под общей редакцией д-ра филол. наук проф. В. Б. Крысько: ИРЯ им. В. В. Виноградова РАН, М: ИЦ Азбуковник, 2006. – 663 с.

141. Петрухина, Е. В. Возможности, функции и конкуренты словопроизводства в современном русском языке / Е. В. Петрухина // Новые явления в славянском словообразовании: система и функционирование: Доклады XI Международной научной конференции Комиссии по славянскому словообразованию при Международном комитете славистов / отв. ред. Е. В. Петрухина. – М.: Макс Пресс, 2010. – С. 424–442.

142. Петрухина, Е. В. Новые пути изучения словообразования славянских языков (Рецензия) / Е. В. Петрухина // Известия АН. Серия литературы и языка. – 2000. – Т. 59, №6. – С. 70–74.

143. Плотникова, Л. И. Коммуникативно–когнитивный подход к исследованию новых слов на этапах порождения, функционирования и языкового закрепления / Л. И. Плотникова // Вопросы когнитивной лингвистики. – №3 (006). – 2005 г. – С. 70–75.

144. Плотникова, Л. И. Тенденции современного словопроизводства: креативный аспект / Л. И. Плотникова // Актуальные проблемы современного словообразования: материалы междунар. науч. конференции / Под общ. ред. Л. А. Араевой. – Вып. 2. – Кемерово: Кузбассвузиздат, 2008. – С. 56–60.

145. Попова, М. А. Факторы и векторы процесса неологизации современного русского языка // Известия Волгоградского государственного педагогического университета. – 2008. – №2(26). – С. 72–75.

146. Попова, Т. В. Русская неология и неография: Учебное пособие / Т. В. Попова. – Екатеринбург: ГОУ ВПО УГТУ–УПИ, 2005. – 96 с.

147. Прадид, О. Ю. Новые единицы в лексике русского языка: словообразовательный аспект / О. Ю. Прадид // Филология: научные исследования, 2019, № 2. С. 78–82.

148. Радбиль, Т. Б. «Прецедентные имена» как элементы «языка культуры» // Ономастика Поволжья: материалы XV Международной научной конференции. Арзамас–Саров: Интерконтакт, 2016. С. 49–54.

149. Радбиль Т. Б., Рацибурская Л. В., Бакич Н. А., Жданова Е. А., Торопкина В. А., Щеникова Е. В. Социокультурные, лингвокультурные и лингвопрагматические аспекты современных словообразовательных процессов // Вестник Московского университета. – 2018. – №9. – С. 127–154.

150. Радбиль Т. Б., Рацибурская Л. В. Словообразовательные инновации на базе заимствованных элементов в современном русском языке: лингвокультурологический аспект / Т. Б. Радбиль, Л. В. Рацибурская // Мир русского слова. – 2017. – №2. – С. 33–39.

151. Радева, В. Словообразовательные инновации в славянских языках, обусловленные иноязычной лексикой / В. Радева // Новые явления в славянском словообразовании: система и функционирование: Доклады XI Международной

научной конференции Комиссии по славянскому словообразованию при Международном комитете славистов / отв. ред. Е. В. Петрухина. – М.: Макс Пресс, 2010. – С. 245–256.

152. Рацибурская, Л. В. Глагольное словообразование в начале XXI века / Л. В. Рацибурская // XV Конгресс МАПРЯЛ: Избранные доклады. СПб.: МАПРЯЛ. – 2024. – С. 320–323.

153. Рацибурская Л. В., Жданова Е. А. Новообразования с размерно-оценочной семантикой в современных медийных текстах / Л. В. Рацибурская, Е. А. Жданова // Динамические аспекты русского словообразования / О. Ю. Крючкова, Л. В. Балашова, О. И. Дмитриева [и др.]; под редакцией О. И. Дмитриевой, О. Ю. Крючковой. – Саратов: Издательство Саратовского университета, 2021. – С. 101–112.

154. Рацибурская, Л. В. Новообразования–глаголы в российских медиа: структура и семантика // Тенденции словообразования глаголов в славянских языках. Сборник тезисов XXII Международной научной конференции Комиссии по славянскому словообразованию при Международном комитете славистов. – 2023. – С. 29.

155. Рацибурская, Л. В. Прагматические аспекты исследования новообразований в медийном дискурсе / Л. В. Рацибурская // Язык. Текст. Дискурс. – 2014. – 12–2. – С. 75–86.

156. Рацибурская, Л. В. Словообразовательные инновации как отражение социальных изменений в современной России / Л. В. Рацибурская // Новые явления в славянском словообразовании: система и функционирование: Доклады XI Международной научной конференции Комиссии по славянскому словообразованию при Международном комитете славистов / отв. ред. Е. В. Петрухина. – М.: Макс Пресс, 2010. – С. 287–300.

157. Рацибурская, Л. В. Словообразовательные неологизмы в исследованиях отечественных ученых / Л. В. Рацибурская // Текст. Структура и семантика. Доклады Международной научной конференции: сборник статей. – М.: Изд-во Рос. нового ун-та, 2017. – С. 96–99.

158. Рогоза, Н. Р. Отыменные глаголы с суффиксом *-и-* в русском языке XI–XVII вв.: Автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата филологических наук. – М., 1993. – 18 с.

159. Русская грамматика. Т. I. / Гл. ред. Н. Ю. Шведова. – АН СССР. Ин-т рус. яз. М., 1980. – С. 135.

160. Русский язык конца XX столетия: коллективная монография (1985–1995) / В. Л. Воронцова, М. Я. Гловинская, Е. И. Голанова, О. П. Ермакова, Е. А. Земская, Н. Е. Ильина, М. В. Китайгородская, Е. В. Какорина, Л. П. Крысин, Н. Н. Розанова; отв. ред. Е. А. Земская. – 2-е изд. – М.: Языки русской культуры, 2000. – 480 с.

161. Сандуца, А. А. Активные процессы в русском словообразовании XVIII века (на материале памятников тюменской деловой письменности 1762–1796 гг.): Диссертация на соискание ученой степени кандидата филологических наук. – Тюмень, 2017. – 292 с.

162. Сенько, Е. В. Инновации в современном русском языке / Е. В. Сенько. – Владикавказ: Ир, 1994. – 185 с.
163. Сенько, Е. В. Неологизация в современном русском языке: межуровневый аспект / Е. В. Сенько. – СПб.: Наука, 2007. – 356 с.
164. Сенько, Е. В. Теоретические основы неологии / Е. В. Сенько. – Владикавказ: Изд-во Сев.-Осет. гос. ун-та им. К. Л. Хетагурова, 2001. – 108 с.
165. Сидорова, Т. А. Языковое варьирование как механизм формирования деривационных смыслов / Т. А. Сидорова // Актуальные проблемы современного словообразования: материалы Междунар. науч. конф. / под общ. ред. проф. Л. А. Араевой. – Кемерово: ИНТ, 2009. – С. 324–330.
166. Скляревская, Г. Н. Инновации и стабильность современного русского языка (лексика) / Г. Н. Скляревская // Вестник Череповецкого государственного университета. – 2020. – № 6. – С. 144–152.
167. Смалычева, Н. А. Словообразовательные неологизмы как отражение языковой личности в текстах СМИ // Вестник Тамбовского университета. Серия: Гуманитарные науки. 2012. – С. 296–299.
168. Табаченко, Л. В. Глаголы с приставкой *над-* в истории русского языка / Л. В. Табаченко // Предложение и слово. – Саратов: Изд-во Саратовского ун-та, 2002. – С. 673–678.
169. Тогоева, С. И. Новое слово: подходы и проблемы / С. И. Тогоева // Психолингвистические проблемы функционирования слова в лексиконе человека: кол. монография / Под общ. ред. А. А. Залевской. – Тверь, 1999. – С. 75–101.
170. Тогоева, С. И. Психолингвистические проблемы неологии: дис. докт. филол. наук: 10.02.19 – Теория языка. – Тверь. 2000. – 251 с.
171. Трофимова, Г. Н. Языковой вкус интернет-эпохи в России. Функционирование русского языка в Интернете: концептуально-сущностные доминанты / Г. Н. Трофимова. Монография. – М.: Издательство Российского университета дружбы народов, 2009. – 303 с.
172. Трубачев, О. Н. Синхрония, диахрония – *undkeinEnde ...* (маргиналии по русскому историческому словообразованию) / О. Н. Трубачев // Исследования по русскому историческому словообразованию. – М., 1994. – С. 16–28.
173. Улуханов, И. С. Глагольное словообразование современного русского языка. Т. I: Глаголы, мотивированные именами и междометиями. – М.: Издательский центр «Азбуковник», 2015. – 330 с.
174. Улуханов, И. С. Единицы словообразовательной системы русского языка и их лексическая реализация / И. С. Улуханов. – М. – 1996. – 224 с.
175. Улуханов, И. С. Неология и заимствования / И. С. Улуханов // Новые явления в славянском словообразовании: система и функционирование: Доклады XI Международной научной конференции Комиссии по славянскому словообразованию при Международном комитете славистов / отв. ред. Е. В. Петрухина. – М.: Макс Пресс, 2010. – С. 25–36.
176. Улуханов, И. С. О причинах, влияющих на степень системности и нормативности языковых единиц / И. С. Улуханов / Изв. АН СССР. Сер. лит. и яз. – 1991. – Т. 50, № 4. – С. 291–304.

177. Улуханов, И. С. О словообразовательной категории (на материале глаголов, мотивированных именами) / И. С. Улуханов // Изв. АН СССР. Сер. лит. и яз. – 1975. – Т. 34, № 1. – С. 27–36.
178. Улуханов, И. С. Состояние и перспективы изучения исторического словообразования русского языка / И. С. Улуханов // Исследования по историческому словообразованию / Отв. ред. И. С. Улуханов, отв. секр. С. И. Иорданиди. – Москва: ИРЯ РАН, 1994. – С. 3 – 16.
179. Филин, Ф. П. История лексики русского литературного языка конца XVII – начала XIX века / отв. ред. Ф. П. Филин. М.: Наука, 1981. – 376 с.
180. Шалина, Л. В. К вопросу о сущности неологизма в современной лингвистике / Л. В. Шалина // Известия Пензенского педагогического университета. Гуманитарные науки. – Пенза: Изд-во Пензенского пед. ун-та, 2007. – №4 (8). – С. 73–77.
181. Шанский, Н. М. Лексическая деривация в русском языке / Н. М. Шанский // Русский язык в школе. – 1977. – №3. – С. 7–15.
182. Шведова, Н. Ю. Русский семантический словарь. Толковый словарь, систематизированный по классам слов и значений. Т. 4. Глагол / РАН. Ин-т рус. яз.; под общ. ред. Н. Ю. Шведовой. – М.: РАН Ин-т рус. яз., 2007. – 952 с.
183. Шеляховская Л. А., Эглит Л. В. Неологизмы в структуре словообразовательных гнезд с исходным именем собственным / Л. А. Шеляховская, Л. В. Эглит // Новые слова и словари новых слов. – СПб., 1997. – С. 61–77.
184. Щербина, В. Е. *Чекиниться, инстаграмиться, твититься...* Сетевые неологизмы как средство пополнения молодежного сленга / В.Е. Щербина // Вестник Оренбургского государственного университета, 2017. – №1 (201). – С. 68–72.
185. Черепанов, М. В. Очерк словообразовательной типологии русского глагола: Монография / М. В. Черепанов. – Саратов: Изд. Сарат. ун-та, 2004. – 608 с.
186. Язык и ментальность в русском обществе XVIII века / Д. Г. Демидов, В. Н. Калиновская, В. В. Колесов, О. А. Черепанова; отв. редактор В. В. Колесов. – СПб.: Изд-во С.-Петербур.ун-та, 2013. – 318 с.
187. Янковский, О. И. Динамика русских словообразовательных гнезд: гнезда с основами *hod-, *jъd-, *šed: диссертация на соиск. уч. ст. канд. фил. наук / О. И. Янковский. – Саратов, 2018. – С. 52.
188. Харитончик, З. А. Роль инноваций в организации лексической системы языка / З. А. Харитончик// Динаміка та стабільність лексичних і словотвірних систем слов'янських мов. Тематичний блок: XIV Міжнародний з'їзд славістів 10.09. –16.09.2008, Охрид, Республіка Македонія. Київ, 2008.

СПИСОК СЛОВАРЕЙ И ИСТОЧНИКОВ

1. Большой толковый словарь русского языка (БТС) / Сост. и гл. ред. С. А. Кузнецов. – СПб.: Норинт, 2000. – 1536 с.
2. Национальный корпус русского языка (НКРЯ). – [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.ruscorpora.ru/>
3. Новые слова и значения. Словарь–справочник по материалам прессы и литературы 90–х годов XX века в 2 т. Т. 1 (А–К) (НСЗ) / Авт. Т. Н. Буцева, Е. А. Левашов, Ю. Ф. Денисенко, Н. Г. Стулова, Н. А. Козулина, С. Л. Гонобоблева; ред. Т. Н. Буцева (отв. ред.), Ю. Ф. Денисенко, Е. А. Левашов. – СПб.: ДМИТРИЙ БУЛАНИН, 2009. – 815 с.
4. Новые слова и значения. Словарь–справочник по материалам прессы и литературы 90–х годов XX века в 3 т. Т. 2. (Клиент–банк – Паркетный) (НСЗ) / Авт. Е. А. Левашов, Ю. Ф. Денисенко, А. Ю. Кожевникова, Ю. С. Ридецкая, Т. Н. Буцева, О. М. Карева; под ред. Т. Н. Буцевой, Е. А. Левашова. – СПб.: ДМИТРИЙ БУЛАНИН, 2014. – 1392 с.
5. Новые слова и значения. Словарь–справочник по материалам прессы и литературы 90–х годов XX века в 3 т. Т. 3 (Паркомат – Я) (НСЗ) / Авт. А. Ю. Кожевникова, Ю. Ф. Денисенко, С. Д. Левина, Е. А. Левашов, Е. П. Снегова, Ю. С. Ридецкая, О. М. Карева, Е. Н. Шагалова, Н. А. Козулина, Е. Н. Геккина; под ред. Т. Н. Буцевой, Е. А. Левашова. – СПб.: ДМИТРИЙ БУЛАНИН, 2014. – 1360 с.
6. Новое в русской лексике. Словарные материалы–2015 (НРЛ 2015) / С.Д. Левина (отв. ред.), А. С. Павлова, Ю. С. Ридецкая. – СПб.: Институт лингвистических исследований РАН, 2020. – 106 с.
7. Новое в русской лексике. Словарные материалы–2016 (НРЛ 2016) / Отв. ред. С.Д. Левина. – СПб.: Институт лингвистических исследований РАН, 2018. – 122 с.
8. Новое в русской лексике. Словарные материалы–2017 (НРЛ 2017) / Отв. ред. А. Ю. Кожевников. – СПб.: Институт лингвистических исследований РАН, 2019. – 138 с.
9. Новое в русской лексике. Словарные материалы–2018 (НРЛ 2018) / Отв. ред. Н.В. Козловская. – СПб.: Институт лингвистических исследований РАН, 2020. – 104 с.
10. Новое в русской лексике. Словарные материалы–2019 (НРЛ 2019) / Сост. Е.С. Громенко, А. Ю. Кожевников, Н.В. Козловская, Н.А. Козулина, С.Д. Левина, Ю.С. Ридецкая. Отв. ред. Ю.С. Ридецкая. – СПб.: Институт лингвистических исследований РАН, 2021. – 110 с.
11. Новое в русской лексике. Словарные материалы–2020 (НРЛ 2020) / Ред. коллегия А. С. Павлова, М. Н. Приемышева (отв. ред.), Ю. С. Ридецкая. – СПб.: Институт лингвистических исследований РАН, 2021. – 486 с.

12. Новое в русской лексике. Словарные материалы–2021 (НРЛ 2021)/ Отв. редакторы Н. В. Козловская, А. С. Павлова. – СПб.: Институт лингвистических исследований РАН, 2022. – 318 с.

13. Новое в русской лексике. Словарные материалы–2022 (НРЛ 2022) / Сост. Е.С. Громенко, А.Е. Демина, Н.В. Козловская, Н.А. Козулина, С.Д. Левина, А.С. Павлова, М.Н. Приемешева, Ю.С. Ридецкая. – СПб.: Институт лингвистических исследований РАН, 2023. – 254 с.

14. Словарь русского языка XI – XVII вв. (СлРЯ XI–XVII вв.) / Гл. ред. Аванесов Р. И., Бархударов С. Г., Филин Ф. П., Шмелев Д. Н., Богатова Г. А., Крысько В. Б., Кривко Р. Н. – М.: Наука, 1975. – Вып. 1: А–Б. – 371 с.; Вып. 2: В–Волога. – 319 с.; 1976. – Вып. 3: Володѣнье–Вящышина. – 288 с.; 1977. – Вып. 4: Г–Д. – 403 с.; 1978. – Вып. 5: Е–Зинутие. – 392 с.; 1979. – Вып. 6: Зипунь–Иянуарий. – 359 с.; 1980. – Вып. 7: К–Крагуярь. – 403 с.; 1981. – Вып. 8: Крада–Лящина. – 351 с.; 1982. – Вып. 9: М. – 357 с.; 1983. – Вып. 10: Н–Наятися. – 327 с.; 1986. – Вып. 11: Не–Нятый. – 456 с.; 1987. – Вып. 12: О–Опарный. – 381 с.; 1987. – Вып. 13: Опас–Отрабатыватися. – 316 с.; 1988. – Вып. 14: Отрава–Персоня. – 311 с.; 1989. – Вып. 15: Персть–Подмышка. – 285 с.; 1990. – Вып. 16: Поднавесь–Поманути. – 295 с.; 1991. – Вып. 17: Помаранець–Потишати. – 296 с.; 1992. – Вып. 18: Потка–Преначальный. – 288 с.; 1994. – Вып. 19: Пренебесный–Присведетельствовати. – 272 с.; 1995. – Вып. 20: Присвоение–Прочнутися. – 288 с.; 1995. – Вып. 21: Прочный–Раскидати. – 278 с.; 1997. – Вып. 22: Раскидатися–Рященко. – 298 с.; 1996. – Вып. 23: Сь–Сдымка. – 253 с.; 1999. – Вып. 24: Се–Скорый. – 254 с.; 2000. – Вып. 25: Скорынья–Снулый. – 273 с.; 2004. – Вып. 26: Снурь–Спарывати. – 277 с.; 2006. – Вып. 27: Спась–Старицынь. – 275 с.; 2008. – Вып. 28: Старичекь–Сулебный, – 303 с.; 2011. – Вып. 29: Сулегь–Тольмиже. – 477 с.; 2015. – Вып. 30: Томь–Уберечися. – 320 с.

15. Словарь русского языка XVIII века (СлРЯ XVIII в.) / Гл. ред. Ю. С. Сорокин. – Л.: Наука, 1984. – Вып. 1: А – Безпристрастие. – 224 с.; 1985. – Вып. 2: Безпристрастный – Вейэр. – 247 с.; 1987. – Вып. 3: Век – Воздувать. – 296 с.; 1988. – Вып. 4: Воздух – Выпись. – 256 с.; 1989. – Вып. 5: Выпить – Грызть. – 256 с.; 1991. – Вып. 6: Грызться – Древный. – 296 с.; СПб.: Наука, 1992. – Вып. 7: Древо – Залежь. – 264 с.; 1995. – Вып. 8: Залезть – Ижоры. – 256 с.; 1997. – Вып. 9: Из – Каста. – 270 с.; 1998. – Вып. 10: Кастальский – Крепостца. – 256 с.; 2000. – Вып. 11: Крепость – Льяной. – 256 с.; 2001. – Вып. 12: Льстец – Молвотворство. – 253 с.; 2003. – Вып. 13: Молдавский – Напрокудить. – 272 с.; 2004. – Вып. 14: Напролет – Непоцелование. – 280 с.; 2005. – Вып. 15: Непочатый – Обломаться. – 264 с.; 2006. – Вып. 16: Обломить – Онца. – 278 с.; 2007. – Вып. 17: Оный – Открутить. – 254 с.; 2011. – Вып. 18: Открытие – Пѣна. – 261 с.; 2011. – Вып. 19: Пенат – Плангерд. – 239 с.; 2013. – Вып. 20: Планета – Подняться. – 248 с.; 2015. – Вып. 21: Подоба – Помощный. – 240 с.; 2019. – Вып. 22: Помощь – Потрактовать. – 257 с.

16. Словарь словообразовательных аффиксов современного русского языка / В. В. Лопатин, И. С. Улуханов. – М.: Издательский центр «Азбуковник», 2016. – 812 с.

17. Словарь русского языка XIX в. (СлРЯ XIX в.). – СПб.: ИЛИ РАН, 2024. – [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://xix.iling.spb.ru>
18. Словарь языка интернета.ru / Авт. М. А. Кронгауз, Е. А. Литвин, В. Н. Мерзлякова, А. Ч. Пиперски, А. А. Сомин, Ю. А. Черненко; под ред. М. А. Кронгауза. – М.: АСТ–ПРЕСС КНИГА, 2016. – 288 с.
19. Толковый словарь русских глаголов: Идеографическое описание. Английские эквиваленты. Синонимы. Антонимы / Под ред. проф. Л.Г. Бабенко. – М.: АСТ-ПРЕСС, 1999. – 704 с.
20. Толковый словарь русского языка конца XX века. Языковые изменения (ТСРЯ XX в.) / Под ред. Г. Н. Складневской. – СПб.: Фолио–Пресс, 1998. – 700 с.

ПРИЛОЖЕНИЕ 1**СПИСОК СУФФИКСАЛЬНЫХ ГЛАГОЛЬНЫХ НОВООБРАЗОВАНИЙ
СТАРОРУССКОГО ЯЗЫКА XV–XVII ВВ.
(НА МАТЕРИАЛЕ СЛРЯ XI–XVII ВВ.)**

1. Аксамитити
2. Алмазити
3. Антипатствовати
4. Аргументовати
5. Ароматствовати
6. Архиерательствовати
7. Архиерействовати
8. Архимандритити
9. Аскитствовати
10. Аспидити
11. Багрити²
12. Банкетовати
13. Бархатити
14. Барышничати
15. Басмити
16. Басурманити
17. Бѣднѣти
18. Бѣдновати
19. Бѣдствовати
20. Бѣлѣти
21. Бичевати
22. Блудствовати
23. Бобровати
24. Бодрствовати
25. Болѣзньновати
26. Болярствовати
27. Боронити²
28. Бороновати
29. Боярствовати
30. Бражничати
31. Бразговати
32. Браковати
33. Брусити
34. Буйствовати
35. Бунтовати
36. Бусурманити

37. Бутити
38. Ватаманити
39. Вдовствовати
40. Весельствовати
41. Вечеровати
42. Веществовати²
43. Визгнути
44. Визжати
45. Винити
46. Виновати
47. Винствовати
48. Владальствовати
49. Владатальствовати
50. Владѣтельствовати
51. Владыкати
52. Влажити
53. Властвовати
54. Властельствовати
55. Водянѣти
56. Вождествовати
57. Воинствити
58. Волшебствовати
59. Вопльствовати
60. Воровати
61. Вракати
62. Временствовати
63. Вторствовати
64. Вьючити
65. Гадательствовати
66. Глотати
67. Глупати
68. Гноити
69. Голити¹
70. Голити²
71. Голодати
72. Голодовати
73. Голосити
74. Горевати
75. Городити
76. Господовати
77. Гостевати
78. Государствовати
79. Грабити²
80. Гранити
81. Граничити

82. Грохотати
83. Грубити
84. Грузити
85. Грунтовати
86. Грязнити
87. Густѣти
88. Двѣковати
89. Деньствовати
90. Державствовати
91. Дернѣти
92. Дернити
93. Дешевѣти
94. Дичати
95. Дневати
96. Добрити
97. Довольствовати
98. Догматствовати
99. Дряхлѣти
100. Дурачествовати
101. Дурѣти
102. Дурити
103. Дуровати
104. Дѣяконствовати
105. Дѣячити
106. Желобити
107. Желтѣти
108. Женствовати
109. Жеребѣвати
110. Жертвовати
111. Жребствовати
112. Законити
113. Законствовати
114. Заряжати
115. Звѣровати
116. Звучати
117. Здравѣти
118. Здравити
119. Зеленити
120. Зимѣти
121. Знаменити
122. Знаменовати
123. Значити
124. Зноити
125. Золити
126. Золотити

127. Зубити
128. Игуменати
129. Истобничати
130. Кабаливати
131. Казаковати
132. Казньствовати
133. Каменовати
134. Карати
135. Караулити
136. Кашлянути
137. Квасити
138. Керамидити
139. Киснути
140. Клеити
141. Клеймити
142. Княжествовати
143. Коварничати
144. Коварствовати
145. Козновати
146. Козньствовати
147. Колесовати
148. Колядовати
149. Корабляти
150. Коровничати
151. Королевствовати
152. Короновати
153. Крѣпнути
154. Крикнути
155. Кровавити
156. Кручинити
157. Кручиновати
158. Кудесити
159. Купечествовати
160. Кучити¹
161. Ласкательствовати
162. Латинствовати
163. Левкасити
164. Лѣснѣти
165. Лѣсовати
166. Лихорадствовати
167. Льготити
168. Малѣти
169. Маньячити
170. Мастерити
171. Мглити

172. Межевати
173. Мѣлѣти
174. Мечтовати
175. Мокрити
176. Молебствовать
177. Молитвити
178. Молнѣти
179. Молновати
180. Молодѣти
181. Монашествовати
182. Мрачити
183. Мудрѣти
184. Муравити
185. Мусульманити
186. Мясничати
187. Насильничати
188. Немоощствовать
189. Нѣмствовать
190. Нищетовати
191. Нищити
192. Ночевати
193. Опытывати
194. Орлити
195. Осажати
196. Осеновати
197. Отвѣтити
198. Отвѣтствовать
199. Отвѣчивати
200. Отмѣнити
201. Отмѣняти
202. Пабѣдовати
203. Памятати
204. Памятовати
205. Панствовать
206. Пастырствовать
207. Патриаршествовати
208. Пѣсньствовать
209. Печальствовать
210. Печатити
211. Печатовати
212. Пилигримовати
213. Пиловати
214. Пировати
215. Пирствовать
216. Пиршествовати

217. Пискнути
218. Пламенствовати
219. Плѣвелѣти
220. Плѣсневѣти
221. Плѣшѣти
222. Плотати
223. Плотити
224. Плотничати
225. Плutowати
226. Побѣдствовати
227. Поваровати
228. Поганити
229. Полиментовати
230. Половничати
231. Пономарствовати
232. Порочити
233. Посольствовати
234. Постничати
235. Правдати
236. Правдовати
237. Правительствовати
238. Празговати
239. Праздничати
240. Прасовати
241. Предательствовати
242. Приветствовати
243. Приятельствовати
244. Пророчествовати
245. Пророчити
246. Прутити
247. Пустѣти
248. Пустынничествовати
249. Путствовати
250. Пьянствовати
251. Пятнати
252. Работовати
253. Рабствовати
254. Равнити
255. Равняти
256. Рачительствовати
257. Рѣчити
258. Решетити
259. Ржавѣти
260. Риторичествовати
261. Робѣти

262. Ровнити
263. Ровняти
264. Роптовати
265. Рыбарствовати
266. Рыбствовати
267. Савватствовати
268. Самодержствовати
269. Свистнути
270. Сводничати
271. Седлати
272. Сердитовати
273. Серебрити
274. Сеунчевати
275. Сильничати
276. Символизовати
277. Сиротѣти
278. Сиротствовати
279. Скарѣдити
280. Скарѣдствовати
281. Сквернствовати
282. Скорнячити
283. Сокровищствовати
284. Скудствовати
285. Слѣдствовати
286. Слезствовати
287. Слѣповати
288. Слѣпововати
289. Слѣпствовати
290. Словесовати
291. Службовати
292. Смолити
293. Снарядити
294. Солити
295. Спорити
296. Способствовати
297. Срамотити
298. Ссорити
299. Ссудити
300. Ссуждати
301. Становати
302. Столовати
303. Стольничати
304. Странничествовати
305. Стратилатствовати
306. Стращати

307. Стыдѣти
308. Супостатствовати
309. Суровствовати
310. Схимити
311. Тавровати
312. Танцевати
313. Твердѣти
314. Тѣнити
315. Теплити
316. Тесьмити
317. Тиранствовати
318. Тиунити
319. Силѣти
320. Тонѣти
321. Тосковати
322. Трактовати
323. Триумфати
324. Триумфовати
325. Трубѣти
326. Тупѣти
327. Тупити
328. Тучнѣти
329. Тяжелити
330. Смертничати

ПРИЛОЖЕНИЕ 2**СПИСОК СУФФИКСАЛЬНЫХ ГЛАГОЛЬНЫХ НОВООБРАЗОВАНИЙ
РУССКОГО ЯЗЫКА XVIII И XIX ВВ.****(НА МАТЕРИАЛЕ СЛРЯ XVIII В. И СЛРЯ XIX В.)**

1. Абонировать
2. Авансировать
3. Автографировать
4. Авторитетствовать
5. Агунить
6. Адвокатничать
7. Адвокатствовать
8. Администрировать
9. Администровать
10. Адоптировать
11. Адресировать
12. Адресовать
13. Аккордировать
14. Аккордовать¹
15. Аккордовать²
16. Аккредитовать
17. Актерствовать
18. Алиментировать
19. Алкоголизировать
20. Алкоголизовать
21. Амалгамировать
22. Американизировать
23. Амикошонствовать
24. Анализировать
25. Анатомировать
26. Анатомить
27. Ангажировать
28. Анонсировать
29. Апелловать
30. Апеллевать
31. Апелляторствовать
32. Аплодировать
33. Арендовать
34. Арестовать
35. Ассистовать
36. Атаковать
37. Атакировать

38. Атаманить
39. Атаманничать
40. Атамановать
41. Атаманствовать
42. Атукать
43. Ахнуть
44. Ахать
45. Бабахать
46. Бабахнуть
47. Багровить
48. Балансировать
49. Баллотировать
50. Балотовать
51. Бальзамировать
52. Баронизировать
53. Басить¹
54. Башмачничать
55. Баюкать
56. Безумить
57. Блажить
58. Блекнуть
59. Блинничать
60. Блокировать
61. Бодрить
62. Бомбардировать
63. Бомбардовать
64. Бомбардирить
65. Бормотать
66. Бороздить
67. Ботанизировать
68. Ботать
69. Бочарничать
70. Брасовать
71. Брасопить
72. Бренчать
73. Бренчить
74. Бриллиантовать
75. Бронзовать
76. Брюзгнуть
77. Брюхатить
78. Будоражить
79. Букканировать
80. Буксировать
81. Булькать
82. Буравить

83. Бурить
84. Бурлачить
85. Бухнуть¹
86. Бухать
87. Бухнуть²
88. Бучить
89. Буянить
90. Буянничать
91. Важничать
92. Ваксить
93. Вальсировать
94. Ватерпасить
95. Великолѣпствовать
96. Вербовать
97. Вѣроломствовать
98. Верповать
99. Вертопрашить
100. Вертопрашничать
101. Вѣтренѣть
102. Вѣтреничать
103. Вѣтрѣть
104. Визитовать
105. Водительствовать
106. Водолазничать
107. Волтижировать
108. Волшебничать
109. Вольничать
110. Воронить
111. Вояжировать
112. Впечатлѣть
113. Впечатлѣвать
114. Враждебствовать
115. Враждебничать
116. Временить
117. Временщичать
118. Галопировать
119. Гарантировать
120. Гарантовать
121. Гармонировать
122. Гарнировать
123. Геройствовать
124. Гильотировать
125. Глазѣть
126. Глассировать
127. Глупѣть

128. Гнусить
129. Голубятничать
130. Гоноровать
131. Гончарничать
132. Горланить
133. Горячить
134. Грабительствовать
135. Гравировать
136. Градировать
137. Графить
138. Грубиянить
139. Грубиянствовать
140. Грузнуть
141. Грустить
142. Грязнѣть
143. Губернаторствовать
144. Гугнивѣть
145. Гуртить
146. Дакать
147. Далить
148. Дебоширничать
149. Дезертировать
150. Дезертовать
151. Декламировать
152. Декламовать
153. Декларировать
154. Декларовать
155. Депендировать
156. Депендовать
157. Деспотствовать
158. Десятничать
159. Дефилировать
160. Дефилевать
161. Дефилевать
162. Дешифровать
163. Дешифрировать
164. Дзвякать
165. Дзекать
166. Дзекнуть
167. Диктовать
168. Дирижировать
169. Дискредитировать
170. Дискурировать
171. Дискуровать
172. Диспенсовать

173. Диспонировать
174. Диспутовать
175. Диспутировать
176. Дистиллировать
177. Дистилловать
178. Дичить
179. Длиннѣть
180. Догматизировать
181. Догматизовать
182. Доказательствовать
183. Дороднѣть
184. Дородничать
185. Драпировать
186. Дрейфовать
187. Дурачить
188. Дурнѣть
189. Дюжѣть
190. Ехидничать
191. Ехидствовать
192. Жадничать
193. Живописствовать
194. Забавничать
195. Забиячить
196. Завистничать
197. Звѣздить
198. Звукнуть
199. Знакомить
200. Золить
201. Зондировать
202. Зубастѣть
203. Зубрить
204. Зудѣть
205. Идолопоклонствовать
206. Идолопоклонничать
207. Измѣнничать
208. Икать
209. Иллюминировать
210. Иллюминировать
211. Имажинировать
212. Импозировать
213. Иначить
214. Инвентировать
215. Инкорпорировать
216. Инспекторствовать
217. Инстиговать

218. Инструировать
219. Инструктовать
220. Интересовать
221. Интриговать
222. Информировать
223. Информовать
224. Искательствовать
225. Кабриолить
226. Кадансировать
227. Каймить
228. Калечить
229. Калибровать
230. Кальцинировать
231. Камперовать
232. Камповать
233. Канифолить
234. Канонизовать
235. Канонировать
236. Кантонировать
237. Капитуловать
238. Картавить
239. Картёжить
240. Картежничать
241. Кассировать
242. Кассовать
243. Кастратить
244. Квадровать
245. Квадрировать
246. Квартировать
247. Квасцовать
248. Квитировать
249. Килевать
250. Классировать
251. Клеровать
252. Клокатить
253. Кляузничать
254. Кляузить
255. Козырять
256. Кокетствовать
257. Колесить
258. Колировать
259. Командовать
260. Командировать
261. Командоровать
262. Командровать

263. Комбинировать
264. Комиссировать
265. Комкать
266. Коммерчествовать
267. Комплектовать
268. Комплиментовать
269. Комплиментировать
270. Композировать
271. Компоновать
272. Компонировать
273. Компрометировать
274. Компрометровать
275. Конверсовать
276. Конвоировать
277. Конвоевать
278. Консультировать
279. Контентовать
280. Контрактывать
281. Контрасигнировать
282. Контрасигновать
283. Контрастировать
284. Контролировать
285. Контролировать
286. Конферировать
287. Конферовать
288. Конфирмовать
289. Конфировать
290. Конфисковать
291. Концентрировать
292. Концентрировать
293. Концертовать
294. Копиевать
295. Копировать
296. Копулировать
297. Кориговать
298. Коробить
299. Корреспондовать
300. Корреспондентовать
301. Корявѣть
302. Корячить
303. Косѣть
304. Косить²
305. Косматить
306. Костенѣть
307. Костылять

308. Котельничать
309. Котоировать
310. Коченѣть
311. Крамольничать
312. Крахмалить
313. Крейсерствовать
314. Крейсировать
315. Крейсовать
316. Крейсить
317. Кренговать
318. Кренить
319. Кристалловать
320. Критиковать
321. Кровенить
322. Кропотать
323. Круглѣть
324. Круглить
325. Крупить
326. Крупнѣть
327. Крючить
328. Кубарить
329. Кувыркать
330. Кудрить
331. Кудрявѣть
332. Кудрявить
333. Культивировать
334. Культивировать
335. Купировать
336. Курсовать
337. Куртизировать
338. Лавировать
339. Лакировать
340. Лакомить
341. Лакомствовать
342. Ласковать
343. Легитимировать
344. Легитимовать
345. Лимитовать
346. Лиственѣть
347. Логичествовать
348. Лорнировать
349. Магнетизировать
350. Магнизировать
351. Магнитить
352. Магнитовать

353. Маневрировать
354. Манежить
355. Манифестовать
356. Манкировать
357. Маринировать
358. Маркировать
359. Маршировать
360. Маскировать
361. Меблировать
362. Мѣлить¹
363. Менажировать
364. Минерализовать
365. Минировать
366. Министерствовать
367. Минутировать
368. Митонировать
369. Могуществовать
370. Моделировать
371. Молодечествовать
372. Монаршествовать
373. Морализировать
374. Мошенничать
375. Мундировать
376. Мундштучить
377. Мутнѣть
378. Мучнить
379. Мытарить
380. Мытарствовать
381. Мытарничать
382. Натурализировать
383. Натурализовать
384. Неглижировать
385. Негоцировать
386. Нотификовать
387. Нотовать
388. Нумеровать
389. Нячить
390. Окать
391. Окунуть
392. Организовать
393. Организовать
394. Ордеровать
395. Ординовать
396. Орнировать
397. Палисадировать

398. Палубить
399. Панталонствовать
400. Парадировать
401. Парировать¹
402. Парировать²
403. Паровать
404. Пародировать
405. Паршивѣть
406. Паршивить
407. Пасмурѣть
408. Пасмурить
409. Пасовать
410. Пассировать
411. Пасынковать
412. Патентовать
413. Патрулировать
414. Паузировать
415. Педантствовать
416. Пеленговать
417. Пепелить
418. Перлюстрировать
419. Пестрѣть
420. Петардовать
421. Пивоварничать
422. Пикировать
423. Пикнуть
424. Пилигримствовать
425. Пирожничать
426. Пламенѣть
427. Планировать
428. Пломбировать
429. Плутничать
430. Полировать
431. Политичесествовать
432. Понтировать
433. Попечительствовать
434. Сюсюкать
435. Угрюмничать
436. Цекать
437. Цвякать
438. Цокать
439. Цокнуть¹
440. Цокнуть²
441. Цукать
442. Цукнуть

- 443. Чвакать
- 444. Чвакнуть
- 445. Чокать
- 446. Щокать
- 447. Экать
- 448. Якать

ПРИЛОЖЕНИЕ 3**СПИСОК СУФФИКСАЛЬНЫХ ГЛАГОЛЬНЫХ НОВООБРАЗОВАНИЙ
РУССКОГО ЯЗЫКА К. XX – Н. XXI ВВ.****(НА МАТЕРИАЛЕ СОВРЕМЕННЫХ НЕОЛОГИЧЕСКИХ СЛОВАРЕЙ)**

1. Аленить
2. Аскать
3. Аффилировать
4. Байденить
5. Байрактарить
6. Бардачить
7. Беспредельничать
8. Бизнесменствовать
9. Бодяжить
10. Боженить
11. Бомбануть
12. Бомжевать
13. Бомжировать
14. Бомжить
15. Ботанеть
16. Вампирить
17. Вампирствовать
18. Ваучеризировать
19. Ведьмачить
20. Вербализовать
21. Вестенизировать
22. Виртуализировать
23. Виртуализовать
24. Газлайтить
25. Генералить
26. Дебилизировать
27. Демеркуризировать
28. Деноминировать
29. Департизировать
30. Департизовать
31. Десакрализовать
32. Детоксировать
33. Диджействовать
34. Дизайнерствовать
35. Дизлайкнуть
36. Динамить
37. Диплайкать

38. Диспетчерствовать
39. Дистантить
40. Доллазировать
41. Донировать
42. Допинговать
43. Думскроллить
44. Дэбать
45. Дэбить
46. Европейничать
47. Жизнеобеспечить
48. Жлобствовать
49. Жюри́ть
50. Зомбировать
51. Зумить
52. Зумерничать
53. Инаугурировать
54. Инфлировать
55. Инфоцыганить
56. Капитанить
57. Капитанствовать
58. Карантиновать
59. Кликать
60. Кликнуть
61. Клиповать
62. Клонировать
63. Ковивакнуть
64. Ковидеть
65. Ковидизировать
66. Ковидить
67. Ковидничать
68. Ковидовать
69. Ковидствовать
70. Коронавирусеть
71. Коронавирусить
72. Коронавируснуть
73. Коронавирусовать
74. Колбасить
75. Контейнерить
76. Креативить
77. Кринжевать
78. Кринжить
79. Ксенофобствовать
80. Ксерить
81. Куарить
82. Куаризировать

83. Кьюаризировать
84. Кукловодить
85. Кумарить
86. Кэнселить
87. Кэшбэчить
88. Кэшировать
89. Лайкать
90. Ланчевать
91. Ливанизировать
92. Линковать
93. Лукашенствовать
94. Люмпенизировать
95. Люмпенствовать
96. Макронить
97. Маргинализировать
98. Маргинализовать
99. Маркетизировать
100. Меганмарклить
101. Меганмарклнуть
102. Мелировать
103. Менеджировать
104. Менсплейнить
105. Менспредить
106. Меркелить
107. Мимомайданить
108. Модерировать
109. Мэрствовать
110. Номинировать
111. Панковать
112. Панчить
113. Пелосить
114. Перфомансировать
115. Пиарить
116. Пиратировать
117. Пиратить
118. Пирсинговать
119. Плагиатничать
120. Приватизировать
121. Продюсировать
122. Промоутировать
123. Пфайзернуть
124. Рейбовать
125. Рейтинговать
126. Релоцировать
127. Ремастировать

128. Ремиксировать
129. Ремиксовать
130. Ремикшировать
131. Рендерить
132. Роскомнадзорнуть
133. Русофобствовать
134. Рэкитировать
135. Рэповать
136. Сатанизировать
137. Свинговать
138. Свошничать
139. Сексовать
140. Сертифицировать
141. Сканировать
142. Сканить
143. Слэмовать
144. Смюзить
145. Суверенизировать
146. Содомизировать
147. Спамить
148. Спарринговать
149. Спонсировать
150. Спуртануть
151. Сэмплировать
152. Трамхнуть
153. Троллить
154. Тюнинговать
155. Факсировать
156. Факсовать
157. Фанатить
158. Флексить
159. Фоткать
160. Фургалить
161. Цифровать
162. Уберизировать
163. Уколизовать
164. Хейтить
165. Хипитнуть
166. Шедоубанить
167. Шеймить
168. Шольцевать
169. Штаммить
170. Шурыжничать
171. Эпивакнуть
172. Юзать